

Обыкновенные Люди

**Полицейский Резервный Батальон 101
И Окончательное Решение в Польше**

Кристофер Роберт Браунинг

Для Рауля Хильберга

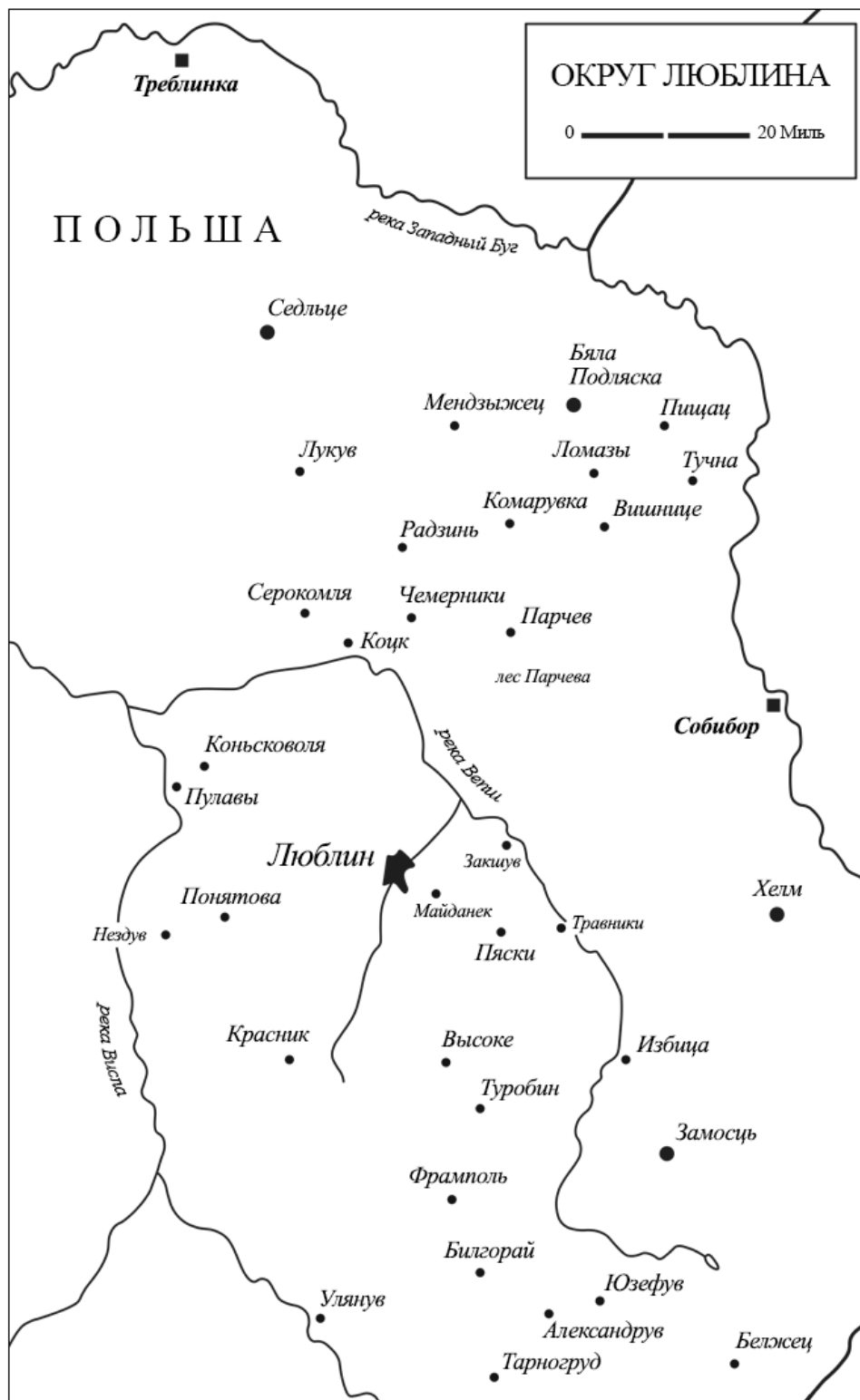
Оглавление

Иллюстрации.....	3
Предисловие.....	5
Глава 1. Одно утро в Юзефове.....	10
Глава 2. Полиция Порядка.....	11
Глава 3. Полиция Порядка и Окончательное Решение: СССР 1941.....	16
Глава 4. Полиция Порядка и Окончательное Решение: Депортация.....	28
Глава 5. Полицейский Резервный Батальон 101.....	36
Глава 6. Прибытие в Польшу.....	53
Глава 7. Посвящение в массовые убийцы: Резня в Юзефове.....	58
Глава 8. Размышления о резне.....	67
Глава 9. Падение второй роты.....	69
Глава 10. Августовская депортация в Трешлинку.....	82
Глава 11. Расстрелы поздним сентябрем.....	88
Глава 12. Возобновление Депортаций.....	93
Глава 13. Странности со здоровьем капитана Хоффмана.....	101
Глава 14. «Охота на евреев».....	105
Глава 15. Последние боины: «Фестиваль Урожая».....	115
Глава 16. Последствия.....	122
Глава 17. Немцы, Поляки, Евреи.....	124
Глава 18. Обыкновенные люди.....	134
Послесловие.....	159
Благодарности.....	186
Приложение.....	187
Сокращения и Адаптации, Сноски.....	188

Иллюстрации

Карты¹. Фотографии в Главе 5

Предисловие

В середине марта 1942 г. около 75-80% жертв Холокоста ещё были живы, тогда как 20-25% уже погибли. Всего одиннадцать месяцев спустя, к середине февраля 1943 года эти проценты поменялись местами. В самом сердце Холокоста лежала короткая, интенсивная волна массовых убийств. Центром их стала Польша, где к марту 1942-го, несмотря на два с половиной года лишений, тяжёлых испытаний и гонений, каждое крупное еврейское сообщество уцелело, и где одиннадцать месяцев спустя лишь остатки польского еврейства сохранились в немногочисленных гетто и рабочих лагерях. Если коротко, то немецкая атака на евреев Польши не была постепенной программой, растянутой во времени, а являлась настоящим блицкригом — массивной операцией, требующей мобилизации большого количества ударных войск. Кроме того, это нападение началось, когда война Германии в СССР² находилась в критической фазе — периоде, в котором обновлённое продвижение немцев в сторону Крыма и Кавказа закончилось катастрофическим поражением в Сталинграде.

Если немецкое наступление 1942-го было в конечном счёте провалом, блицкриг против евреев, особенно в Польше, поражением не был. Мы давно знали, как именно убивали евреев в крупных гетто, особенно в Варшаве и Лодзе, но большинство жило в маленьких городах и посёлках, где евреев часто было больше 30%, а иногда 80% или 90%. Как же немцы организовали и провели уничтожение так широко распространённого еврейского населения? И где в ключевой момент войны они нашли кадры для достижения таких впечатляющих высот в логистике массовых убийств? Персонал концентрационных лагерей был минимален, но личный состав, необходимый для зачисток малых гетто — для захвата и депортации или расстрела массы польских евреев — должен был быть большим.³

Мой поиск ответа на эти вопросы привёл меня к городку Людвигсбург около Штутгарта. Здесь расположено Центральное Управление Государственной Юстиции по Расследованию Преступлений Национал Социалистов⁴ — офис Федеральной Республики Германии для координации расследований преступлений нацистов. Я просматривал их обширную коллекцию обвинений и приговоров буквально всех немецких трибуналов, касающихся преступлений нацистов против евреев Польши, где я впервые столкнулся с обвинениями против Полицейского Резервного Батальона 101 — отряда немецкой Полиции Порядка.

Хоть я и изучал архивные документы и протоколы судов Холокоста почти двадцать лет, впечатление, которое произвело на меня это обвинительное заключение было особенно сильным и тревожащим. Никогда до этого я не сталкивался с проблемой выбора, так драматично обрамлённой ходом событий и так открыто обсуждаемой хотя бы частью преступников. Никогда до этого я не видел чудовищные события Холокоста в таком контрасте с человеческими лицами убийц.

По обвинительному акту и содержащейся в нём обширной коллекции цитат из досудебных допросов членов батальона становится ясно, что дело основано на необычно большом количестве показаний свидетелей. Более того, многие из этих показаний создают «впечатление» искренности и откровенности, часто заметно отсутствующее в нагруженных оправданиями, алиби и ложью в судебных протоколах подобных дел. Расследование и судебное преследование Полицейского Резервного Батальона 101 длилось долго — с 1962 по 1972 гг. Они проводились Государственной Прокуратурой [Staatsanwaltschaft]⁵ в Гамбурге. Это министерство — одно из самых усердных и убеждённых обвинителей нацистских преступлений во всей Федеральной Республике — все ещё хранит относящиеся к делу судебные протоколы, и мне удалось получить разрешение ознакомиться с ними.

В отличие от множества нацистских подразделений убийц, чьи составы могут быть восстановлены лишь частично, состав Полицейского Резервного Батальона был полностью доступен для следователей. Мне удалось изучить допросы 210 человек из батальона, насчитывающего немногим меньше 500, когда он был дислоцирован в полном составе в Польше в июне 1942-го. Это собрание допросов представляет собой репрезентативную выборку для статистического ответа о возрасте, нахождении в составе партии и СС, социального происхождения. Более того, около 125 из этих показаний были достаточно полными как для последовательной реконструкции событий, так и для анализа внутренней динамики всего этого отряда убийц.

В конце концов Холокост случился потому, что на самом базовом уровне, отдельные люди продолжительный период времени убивали в массовом количестве других людей. Обыкновенные соучастники стали «профессиональными убийцами». Историки сталкиваются с большим количеством трудностей, пытаюсь писать о подобных отрядах, одна из них — это проблема источников. Случай Полицейского Резервного Батальона 101 лежит в контрасте со многими отрядами работающими в Советском Союзе, где есть лишь малое количество документов и вообще нет таких⁶, которые касались массовых убийств.⁷ Показания многих выживших евреев могут

установить даты и масштаб деятельности батальона в некоторых городах их дислокации. Однако если показания выживших могут пролить свет на видных преступников в гетто и лагерях — там, где возможен длительный контакт, они мало могут нам сказать о постоянно перемещающемся подразделении вроде Полицейского Резервного Батальона 101. Неизвестные люди прибыли, осуществили свою убийственную задачу и ушли. Во всяком случае, выжившие редко запоминали даже своеобразную зелёную форму Полиции Порядка, что было бы полезно для идентификации подразделения.

В описании событий, следовательно, я буду сильно полагаться на судебные допросы 125 человек, осуществлённые в 1960-х. Чтение о событиях, описываемых 125 разными людьми, двадцатью годами после самих событий может смутить историков, ищущих определённости. Каждый из этих людей играл разную роль. Они видели и делали разные вещи. Каждый впоследствии подавил или забыл некоторые аспекты своего опыта, или каким-либо образом изменил свои собственные воспоминания. Следовательно, допросы неизбежно представляют собой сбивающую с толку мешанину точек зрения и воспоминаний. Парадоксально, я был бы более уверен в том, что произошло с батальоном, работая с показаниями одного человека, а не 125.

Помимо различных точек зрения и воспоминаний, важно ещё учитывать обстоятельства, при которых давались показания. Говоря по простому, некоторые люди преднамеренно лгали, потому как боялись последствий раскрытия правды какой они её знали. Не только подавление и искажение, но и сознательная ложь формировали показания свидетелей. Более того, следователи задавали вопросы, соответствующие их задаче по сбору информации о конкретных, подсудных преступлениях, совершенных конкретными людьми; но они не занимались систематическим расследованием широкого, часто личного и субъективного аспекта опыта полицейских, который важен скорее для историков, чем для адвокатов.

Как и бывает при использовании нескольких источников, многие показания и взгляды необходимо взвешивать и просеивать, а надёжность каждого свидетеля должна быть подвергнута оценке. Любое показание может быть частично или полностью отклонено в свете наличия конфликтующих, но подтверждённых свидетельств. Многие из таких решений очевидны и просты, но в некоторых случаях задача оказалась достаточно сложной. И насколько сознательным я ни старался бы быть, я несомненно сделал несколько инстинктивных суждений, даже не осознавая это. Другие историки, глядя на описанные события, могут показать их в

несколько ином свете.

В последние десятилетия историки всё сильнее обеспокоены описанием истории «с низов», с реконструкцией опыта большинства «обыкновенных людей», который до этого был часто игнорирован в угоду истории «высокой политики» и «высокой культуры». Этот тренд достиг своего пика в *Alltagsgeschichte* — «истории повседневной жизни», достигнутой через подробное описание обычных впечатлений обычных людей. Однако когда такой подход применяют к эре Третьего Рейха, его часто критикуют как попытку ухода от ответа, попытку сдвинуть фокус внимания от непревзойдённых ужасов нацистского геноцидального режима, на повседневные аспекты жизни, которые по большей части не были потревожены. Таким образом, сама попытка написать исследование о жизни отдельного батальона может показаться кому-то нежелательной.

Как методология, однако, «история повседневной жизни» нейтральна. Она становится попыткой ухода от ответа — попыткой «нормализовать» Третий Рейх, только если она проваливается в установлении связи между убийственной политикой нацистского режима и тем, как эта политика неизбежно вмешивалась в повседневную жизнь людей. В частности, для немецких оккупантов расположенных в завоёванных территориях восточной Европы — для десяткой тысяч людей из всех слоёв общества, убийственная политика не была отклонением или исключением, едва затрагивающим поверхность повседневной жизни. Как показывает история Полицейского Резервного Батальона 101, массовые убийства и рутина стали едины. Нормальность сама по себе стала чрезвычайно ненормальной.

Ещё одним возможным возражением против такого исследования становится степень эмпатии к преступникам, которая неизбежна при попытке понять их. Совершенно точно, что история требует отказа от демонизации. Полицейские в батальоне — и кто устраивал боины с депортациями, и малое количество тех, кто отказывался — были людьми. Я должен осознать, что в схожей ситуации я мог бы стать и убийцей, и отказником (и они оба — люди), если я хочу понять и объяснить поведение обоих как можно лучше. Это осознание на самом деле является попыткой к эмпатии. Что я не принимаю, однако, так это старое клише — понять, осознать значит простить. Объяснение — не оправдание; понимание — не прощение. Отказ от попытки понять преступников по-человечески означает невозможность не только этого исследования, но и любого исследования Холокоста, которое хочет зайти дальше однобокой карикатуры. Незадолго до своей смерти от рук нацистов французский еврейский историк Марк Блок

написал: «Когда всё сказано и сделано, единственное слово «понимание» — маяк для наших исследований». ⁸ Именно в таком духе я и старался написать эту книгу.

Одно условие, поставленное передо мной для доступа к судебным допросам, необходимо прояснить. Регуляции и законы, касающиеся конфиденциальности частной жизни, становятся в Германии все более ограничивающими, особенно в последние десятилетия. Правительство Гамбурга и его судебные протоколы исключением не являются. Для получения допуска к ним, я пообещал не использовать настоящие имена. Имена командира батальона — майора Вильгельма Траппа, трёх командиров роты — Капитана Вольфганга Хоффмана, Капитана Юлиуса Волауфа и лейтенанта Хартвига Гнаде — появляются в архивах вне Германии. Я использовал их настоящие имена, потому как тут нет приватности, которую можно нарушить. Однако, я использовал псевдонимы (обозначены звёздочкой*) ⁹ для всех других членов батальона в этой книге. В примечаниях лица, дающие свидетельские показания, обозначены просто именем и первой буквой фамилии. Хотя это обещание конфиденциальности и использование псевдонимов, по-моему, печальное ограничение для исторической точности, я не верю, что оно подрывает целостность или пользу данного исследования.

Ряд лиц и организаций оказали неоценимую помощь во время исследования и написания книги. Главный прокурор ¹⁰ Альфред Стрейм [Alfred Streim] предоставил мне доступ к несравненной коллекции немецких судебных протоколов в Людвигсбурге. Старший прокурор Хельге Грабитц ¹¹ вдохновила меня на работу с судебными записями в Гамбурге, поддержала мою заявку на доступ и щедро помогала мне во время моего пребывания там. Тихоокеанский Лютеранский Университет предоставил мне финансирование для двух поездок в Германию в начале и конце исследования. Фонд Александра фон Гумбольдта так же спонсировал одну поездку. Большая часть исследования и книги были сделаны во время творческого отпуска предоставленного Тихоокеанским Лютеранским Университетом и при поддержке Исследовательского гранта Фулбрайта в Израиле. Дэниэл Краускопф [Daniel Krauskopf] — исполнительный секретарь совместной обучающей программы США и Израиля, заслуживает специальной благодарности за помощь в исследованиях в Германии и Израиле.

Питер Хейс [Peter Hayes] из Северо-западного Университета и Саул Фридлендер из Калифорнийского университета дали возможность

представить первоначальные результаты исследования на конференциях, организованных ими в их университетах. Множество коллег и друзей терпеливо слушали, предлагали идеи и ободряли меня во время работы. Филлип Нордквист [Philip Nordquist], Деннис Мартин [Dennis Martin], Одри Эйлер [Audrey Euyler], Роберт Геллатели [Robert Gellately], Роберт Хойер [Robert Hoyer], Ян Кершоу [Ian Kershaw], Иегуда Байэр [Yehuda Bauer], Дина Порат [Dinah Porat], Майкл Маррус [Michael Marrus], Беттина Бирн [Bettina Birn], Джордж Мосс [George Mosse], Элизабет Домански [Elizabeth Domansky], Гитта Серени [Gitta Sereny], Карло Гинсбург [Carlo Ginzburg] и Уве Адам [Uwe Adam] заслуживают отдельного упоминания. Перед Раулем Хильбергом я в особом долгу. В 1982-м он привлёк внимание к незаменимости Полиции Порядка для Холокоста, как и всегда прокладывая дорогу для дальнейших исследований.¹² Впоследствии он лично заинтересовался публикацией исследования. За такую помощь сейчас и ранее в моей карьере, посвящение этой книги не будет достойным выражением моего уважения и благодарности. Я особенно признателен моей семье за постоянную поддержку, понимание и терпение во время работы над этой книгой.

Такома, Ноябрь 1991.

Глава 1

Одно утро в Юзефове

В ранние часы 13 июля 1942 г. мужчин Полицейского Резервного Батальона подняли с их коек, расположенных в большом кирпичном здании школы, служившем им баракком в польском городе Билгорай [Biłgoraj]. Это семейные мужчины из Гамбурга, среднего возраста, рабочего или близкого к нему классам. Считаюсь слишком старыми для службы в немецкой армии, они вместо неё призывались на службу в Полицию Порядка. Большинство были свежими рекрутами без какого-либо опыта службы на оккупированных территориях. В Польшу прибыли за три недели до события.

Ещё было темно, когда мужчины погружались в ожидающие их грузовики. Каждому полицейскому выдали дополнительные патроны и коробки, которые грузили в тот же транспорт.¹³ Они направлялись на их первую миссию, хоть им и не сказали, чего стоит ожидать.

Конвой грузовиков Батальона выдвинулся из Билгорая в темноте на

восток по грунтовой дороге, ровной, как стиральная доска. Двигались медленно, так что путь до цели — деревни Юзефув [Józefów] в каких-то тридцати километрах от их дислокации — занял от полутора до двух часов. На рассвете конвой остановился не заходя в Юзефув. Это была типичная польская деревня со скромными белыми домами и крышами из сена. Среди её жителей было 1 800 евреев.

В деревне царил тишина.¹⁴ Бойцы Полицейского Батальона 101 высадились из грузовиков и полукругом собрались около своего командира — майора Вильгельма Траппа. Тридцать три года, полицейский с карьерными амбициями. Известен своим людям как «Папа Трапп». Пришло его время обратиться к своим людям и разъяснить суть полученного батальоном задания.

Бледный и нервный, с дрожащим голосом и слезами на глазах, Трапп явно боролся с собой, стараясь контролировать свою речь. В ней он жалобно рассказал, что батальону предстоит выполнить пугающе неприятную задачу. Она ему не нравится, и о ней можно сожалеть, но приказ пришел с самого верха. Если им от этого легче, то мужчины должны помнить, что в Германии бомбы падают на женщин и детей.

Затем он перешёл к делу. Евреи устроили американский бойкот, который вредит Германии, вспоминал слова Траппа один полицейский. Эти евреи — евреи в деревне Юзефув, согласно источникам, замешаны в партизанской деятельности. Батальону приказано захватить их. Мужчин рабочего возраста приказано отправить в рабочие лагеря. Оставшихся — женщин, детей и стариков, приказано расстрелять на месте. Объяснив, что требуется от батальона, Трапп сделал экстраординарное предложение: если среди старших людей есть те, кто не чувствует себя способным на такое, они могут выйти вперед.¹⁵

Глава 2

Полиция Порядка

Как летом 1942-го батальон полицейских запаса среднего возраста оказался перед лицом приказа о расстреле около 1 500 евреев в польской деревне Юзефув? Необходима некоторая предыстория о Полиции Порядка (Ordnungspolizei или Орпо) как об институте, его роли в нацистской политике и убийстве евреев в Европе.

Полиция Порядка была третьей попыткой Германии создать полицейское формирование с военной подготовкой и снаряжением в периоде между мировыми войнами.¹⁶ После поражения в Первой Мировой Войне в Германии разразилась революция. Пока Армия разваливалась, военные офицеры и государственные служащие, боясь быть сметёнными на обочину революционными силами, организовали контрреволюционные парамилитаристические подразделения, известные как Фрайкор [Freikorps]. Когда в 1919-м ситуация в стране стабилизировалась, многие члены Фрайкора слились с регулярной полицией в единое формирование, дислоцированное в бараках и направленное на подавление возможной революционной угрозы. Союзники, однако, требовали расформирования этих полицейских объединений в 1920-м, потому как те потенциально нарушали Версальское Соглашение, ограничивающее немецкую армию 100 000 солдатами.

После установления нацистского режима в 1933-м, была создана «полицейская армия» [Armee der Landespolizei] численностью 56 000 человек. Как часть немецкого плана по скрытому перевооружению, эти подразделения получали полную военную подготовку и располагались в казармах. Когда Гитлер открыто отверг политику разоружения Версальского Мира и заново ввёл военный призыв в 1935-м, «полицейская армия» влилась в быстро расширяющуюся регулярную армию, предоставив той офицеров и унтер-офицеров. «Полицейская армия» в целом сыграла немалую роль в подготовке будущего офицерского корпуса. На 1942 год не менее 97 генералов немецкой армии ранее служили в «полицейской армии» в 1933-1935 годах.¹⁷

Сохранение военных формирований среди полицейских осуществлялось Генрихом Гиммлером, в 1936-м уже являвшимся главой СС и главой немецкой полиции с юрисдикцией над всеми полицейскими силами Третьего Рейха. Гиммлер объединил различные формирования немецкой полиции в две ветви, обе под контролем главного офиса в Берлине. Под управлением Главного Управления Полиции Безопасности [Sicherheitspolizei] Рейнхарда Гейдриха существовала печально известная Тайная Государственная Полиция (Geheime Staatspolizei, или Gestapo — Гестапо) занимавшаяся врагами политического режима, а также криминальная полиция (Kriminalpolizei, или Kripo), которая по сути была детективной службой по работе с неполитическими преступлениями. Второй ветвью полиции являлось Главное Управление Полиции Порядка под командованием Курта Далюге. Далюге руководил городской (Schutzpolizei,

или Schupo, далее «Полиция Охраны»), сельской полицией — эквивалентом Жандармерии [Gendarmerie], и муниципальной полицией малых посёлков или коммун [Gemeindepolizei].

К 1938 году Далюге под своей юрисдикцией имел более 62 000 полицейских. Около 9 000 из них были организованы в полицейские сотни (Polizei-Hundertschaften, далее «роты») по 108 человек каждая. В каждом из десяти крупнейших городов Германии по три полицейские роты объединялись в ещё более крупные «полицейские тренировочные отряды» [Polizei-Ausbildungsabteilungen].

В 1938 и 1939 гг. Полиция Порядка стремительно расширялась. На фоне всё возрастающего риска войны, рекруты получали дополнительный стимул для поступления на службу. Вступив в Полицию Порядка, новые молодые полицейские исключались из призыва в армию. Более того, полицейские батальоны, как Национальная Гвардия США, организовывались и действовали в своих регионах, что давало гарантию несения военной службы не только в безопасности, но и близко к дому.

С началом войны в сентябре 1939-го Полиция Порядка насчитывала 131 000 человек. Большую угрозу этой военной организации нёс, конечно, риск поглощения её немецкой армией. Этого удалось избежать компромиссом, за который Полиция Порядка заплатила высокую цену. Множество её лучших отрядов объединили в полицейскую дивизию из 16 000 человек, которая перешла под контроль армии. (Впоследствии эта дивизия сражалась под Арденном в 1940 г. и участвовала в атаке на Ленинград в 1941-м, прежде чем Гиммлер вернул себе контроль над ней в 1942-м в качестве четвёртой гренадерской дивизии СС [Fourth SS-Polizei Grenadier Division]). Два полицейских полка, набранные в недавно захваченном Данциге, в октябре 1939 года так же передали армии. И наконец, Полиция Порядка предоставила более 8 000 человек для полевой жандармерии (Feldgendarmerie — военная полиция). Взамен оставшиеся силы Полиции Порядка сохранили своё право на исключение из призыва в армию.

Для пополнения своего состава Полиции Порядка разрешили рекрутировать 26 000 молодых немецких мужчин — 9 000 волонтеров рождённых между 1918 и 1920 гг., и 17 000 волонтеров рождённых между 1909 и 1912 гг., а так же 6 000 так называемых «этнических немцев» [Volksdeutsche], проживавших вне границ Германии до 1939 г. Помимо этого, Полиция Порядка получила право на призыв 91 500 резервистов рождённых между 1901 и 1909 гг. — возрастная группа, на тот момент не

подлежащая призыву в армию. Набор в Полицию Порядка постепенно распространялся на всё более возрастную категорию мужчин, и к середине 1940-го года численность состава достигла 244 500.¹⁸

Полиция Порядка редко упоминалась в предвоенных мобилизационных планах, а о её роли в войне особенно не думали, но быстро достигнутые военные успехи создали необходимость в оккупационных войсках вдалеке от фронта. С началом войны 21 полицейский батальон, приблизительно по 500 человек каждый, сформировали на территории Германии из различных полицейских рот и учебных подразделений. 13 из них были прикомандированы к наступающим в Польшу армиям. Они вовлекались в захват польских солдат, отрезанных от основных сил продвигающимися войсками, сбором оружия и военного оборудования, брошенного отступающими поляками и предоставлением различных услуг по обеспечению безопасности в тылу.

К середине 1940 г. число полицейских батальонов резко увеличилось до 101, когда были сформированы дополнительные подразделения из 26 000 молодых призывников, а так же множества резервистов в возрасте¹⁹. Тринадцать батальонов располагались в оккупированной Германией центральной Польше, известной как Генерал-губернаторство [General Government], ещё семь в аннексированных западных польских территориях, «включённых в состав» Германии. Десять расположились на оккупированной территории Чехии — Богемии и Моравии, известной как Протекторат. Помимо этого, шесть батальонов дислоцировались в Норвегии, а ещё четыре в Нидерландах.²⁰ Полиция Порядка быстро становилась незаменимым источником рабочей силы для оккупации Европы.

Новые батальоны создавались двумя методами. В первом, для обеспечения кадрового состава офицеров, до унтер-офицеров повышались довоенные волонтеры и профессиональные полицейские из первоначальных батальонов. Затем их распределяли по новообразованным батальонам, чьи ряды заполнялись «старыми» резервистами. Такие батальоны получили обозначение «полицейские резервные батальоны». Во втором, батальоны формировались из 26 000 молодых добровольцев, набранных осенью 1939-го. Эти батальоны получали отдельные номера (от 251 до 256, от 301 до 325) и являлись, по сути, новыми элитными формированиями Полиции Порядка.²¹

Полиция Порядка в Генерал-губернаторстве разделилась на два формата работы. В первом, в каждом из четырёх округов Генерал-губернаторства основали постоянный штаб Командира Полиции Порядка

(Kommandeur Der Ordnungspolizei, или KdO) — Краков, Люблин, Радом и Варшава (пятый — Галиция, добавлен в 1941-м). Каждый окружной полк состоял из трёх батальонов с постоянной ротацией с батальонами из Германии. Во втором, создали тонкую сеть из небольших подразделений Полиции Порядка по всему Генерал-губернаторству. В каждом крупном польском городе развернули отделения Полиции Охраны, чьей основной задачей являлся надсмотр за польской муниципальной полицией. Дополнительно от тридцати до сорока малых постов Жандармерии расположились в каждом городе среднего размера в каждом округе. Жандармерия, Полиция Охраны и все командиры трёх батальонов отчитывались командующему округом Полиции Порядка (KdO). К концу 1942 года численность состава Полиции Порядка в Генерал-губернаторстве достигла 15 186 человек. Польская полиция под её управлением насчитывала 14 297 человек.²²

Цепь командования вела вверх от батальонов Полиции Порядка, а так же сети малых отрядов, через Командира Полиции Порядка (KdO) к Главнокомандующему Полиции Порядка в Генерал-губернаторстве²³ в столичный город Краков²⁴ и затем, наконец, в главный офис Далюге в Берлине. Это была цепь власти, касающаяся только местных сил Полиции Порядка. Однако была так же и вторая, руководившая совместными действиями и операциями Полиции Порядка, Тайной Полиции и других подразделений СС. Как своего личного представителя и координатора совместной деятельности различных ветвей своей полицейской империи и СС в Генерал-губернаторстве, Генрих Гиммлер назначил Высшего Руководителя СС и Полиции (HSSPF)²⁵ — Фридриха Вильгельма Крюгера. В каждом округе Губернаторства присутствовал Руководитель СС и Полиции (SSPF), который имел те же обязанности и ту же власть на уровне округа, что и Крюгер на уровне Генерал-губернаторства. В округе Люблина, где действовал Полицейский Резервный Батальон 101 в 1942-43 годах, таким руководителем стал безжалостный и отвратительный Одило Глобочник, близкий друг Гиммлера, смещённый с поста главы партии в Австрии за коррупцию. Итак, отряды Полиции Порядка в округе Люблина могли получать приказы либо от Далюге и главного офиса в Берлине через VdO в Кракове и KdO на местах, или от Гиммлера, через Высшего Руководителя СС (HSSPF) и Полиции руководителя округа Глобочника. Касаемо программы по убийству польских евреев, именно вторая цепь командования сыграла ключевую роль в участии Полиции Порядка в Окончательном Решении.

Глава 3

Полиция Порядка и Окончательное Решение: СССР 1941

Участие Полиции Порядка в Окончательном Решении — массовом нацистском убийстве европейских евреев — началось не в Польше, но в Советском Союзе летом и осенью 1941-го. В качестве подготовки к плану Гитлера по вторжению в СССР и «войне на уничтожение» весной 1941-го были сформированы четыре специальных мобильных подразделения СС, известных как Айнзацгруппы [Einsatzgruppen]. Ядро этих групп составляли члены Тайной Полиции Гейдриха (Gestapo и Kripo), а так же члены его разведывательного аппарата (Службы Безопасности, Sicherheitsdienst, SD). Их дополнили малыми подразделениями войск СС (Waffen SS — военная ветвь СС Гиммлера). Три роты Полицейского Резервного Батальона 9 распределили между тремя (из четырёх) Айнзацгруппами.²⁶ Таким образом, из прикрепленных к этим группам 3 000 человек, 500 были членами Полиции Порядка.

Айнзацгруппы стали лишь остриём немецких подразделений, участвовавших в политических и расовых чистках в СССР. В начале июля на территорию восточной Польши, которую ранее в 1939-41 гг. оккупировал СССР, была послана пятая Айнзацгруппа, собранная специально для этого случая из персонала Полиции Порядка в Генерал-губернаторстве. Большинство её членов станет частью постоянного контингента Полиции Порядка на этой территории. В свою очередь, четыре оригинальных Айнзацгруппы отправились следом за продвигающимися армиями на территорию Советского Союза.

Для оккупации СССР Гиммлер назначил три Высших Руководителя СС и Полиции в соответственные региональные Группы — Север, Центр и Юг. Все операции СС на территории Советского Союза координировались именно этими людьми. В дни эйфории, когда окончательная победа уже казалась близкой, Гитлер приказал усилить пацификацию тыловых оккупированных территорий. 16 июля 1941-го Гитлер анонсировал, что с недавно захваченных восточных земель Германия никогда не уйдёт, на них он создаст «рай на земле», и будут предприняты все необходимые для этого меры. Ему показался удачным приказ Сталина о начале партизанской

войны, ведь « ... это даёт возможность уничтожить любого враждебного нам. Естественно, обширные восточные территории должны быть пацифицированы так быстро, как это возможно. И лучший способ осуществить это — расстрелять любого, кто косо на нас взглянет».²⁷

Гиммлер не замедлил ответить увещаниям своего хозяина. За неделю он отправил Высшим Руководителям (HSSPF) СС Группы Центр Эриху фон дем Бах-Зелевски и Группы Юг СС Фридриху Еккельну по дополнительной бригаде СС, пополнив кровавую кампанию СС 11 000 солдатами.²⁸ Более того, как минимум 11 полицейских батальонов, 9 из которых состояли из недавно призванных молодых рекрутов, распределили между тремя «регионами» СС в СССР, добавив туда ещё 5 500 членов Полиции Порядка, помимо 500 уже приписанных к Айнзацгруппам.²⁹ Между концом июля и серединой августа Гиммлер посетил восточный фронт, персонально призывая своих людей к массовым убийствам советских евреев.

Однако начало своей карьере убийц Полиция Порядка положила ещё в июле — до всех этих приготовлений. Событие произошло в городе Белосток [Białystok], почти половину населения которого составляли евреи. Накануне вторжения — названного немцами Операция Барбаросса — майор Вайс [Weis] Полицейского Батальона 309 встретился с командирами своих рот. Он ознакомил их с несколькими приказами, которые передавались устно, что повсеместно происходило в отрядах немецкой армии и полиции, действующих в СССР. Первым был печально известный «приказ о комиссарах» [Kommissarbefehl]: при малейшем признаке антинемецких настроений любые так называемые «коммунистические элементы» армии или гражданской администрации лишались статуса военнопленных и подлежали казни.³⁰ Второй приказ — «приказ о военном судопроизводстве» исключил действия немецких солдат против гражданских в СССР из под юрисдикции военных судов и недвусмысленно одобрил применение коллективных наказаний против целых поселений.³¹ Это была «лицензия на убийство» советских гражданских. Майор Вайс же пошёл ещё дальше — как он посчитал, война шла против евреев и большевиков, и он хотел, чтобы батальон был безжалостен по отношению к ним. С его точки зрения, смысл приказов Фюрера заключался в уничтожении всех евреев, в независимости от пола и возраста.³²

27 июня после захода батальона в город Белосток, Майор Вайс приказал прочесать жилища евреев и захватить мужчин, но не сказал, что делать с ними. Судя по всему, это оставили на усмотрение ротным

командирам, находившимся под влиянием его речей перед вторжением. Всё началось как погром: избиения, унижения, сожжения бород, бесконтрольная стрельба; полицейские гнали евреев на рынок или в синагогу. Когда несколько еврейских лидеров предстали в штабе 221 дивизии безопасности под командованием генерала Пфлюгбайля [Phlugbeil] и пали на колени, моля о защите армию, один член Полицейского Батальона 309 расстегнул свою ширинку и помочился на просящих, а генерал повернулся к ним спиной.

Что начиналось как погром, быстро разрослось в систематическое массовое убийство. Собранных на рынке евреев вывозили в парк, строили вдоль стены и расстреливали. Убийства продолжались до темноты. В синагоге, куда согнали минимум 700 евреев, входы залили топливом³³, внутрь здания бросили гранаты, пытавшихся выбраться из горящего здания людей полиция расстреливала. Огонь распространился на соседние здания, где прятались евреи, и они тоже горели заживо. На следующий день тридцать вагонов³⁴ трупов доставили к месту массового захоронения. Согласно оценкам, было убито от 2 000 до 2 200 евреев. Когда генерал Пфлюгбайль отправил посыльного с вопросом майору Вайсу об огне, тот нашёл его пьяным. Майор заявил что о произошедшем ничего не знает, а впоследствии вместе со своими офицерами составил ложный отчёт о событиях для Пфлюгбайля.³⁵

Если первая резня в Белостоке была работой отдельных командиров, верно оценивших и предвосхитивших желания их Фюрера, то вторая резня в середине июля явно включала в себя систематическое подстрекательство с самых верхних эшелонов СС, в частности Эриха фон дем Баха, Курта Далюге и Генриха Гиммлера. Полицейский Батальон 309 двинулся на восток, а его место в Белостоке заняли батальоны 316 и 322. Журнал боевых действий, или военный дневник [Kriegstagebuch], а так же различные рапорты и приказы 322 батальона являются редкими примерами документов, дошедших до Запада из советских архивов. Они позволили нам отследить дальнейшие события в Белостоке.

Батальон 322 до вторжения, очевидно, не был так нацелен на беспощадность как 309, но и они точно не избежали идеологической обработки. Генерал-майор Рецлафф [Retzlaff] произнёс прощальную речь перед батальоном в Варшаве 10 июня, в которой советовал каждому члену быть аккуратным, «предстать перед славянами как хозяева и показать им что такое немец».³⁶ Перед отправкой 2 июля в Советский Союз людям объявили, что каждый «политический комиссар должен быть расстрелян», и

что они должны быть «твёрдыми, решительными и безжалостными».³⁷

Двумя днями позже — 5 июля — батальон прибыл в Белосток и получил приказ «прочесать весь город ... в поисках комиссаров большевиков и коммунистов». Журнал боевых действий последующего дня ясно даёт понять значение этого приказа — «обыск еврейских жилищ», якобы для поиска вещей награбленных евреями перед приходом немцев. Во время рейда немецкая полиция захватила двадцать вагонов вещей. К 8 июля батальон расстрелял двадцать одного человека. «Это касалось ... практически исключительно евреев».³⁸

В тот же день рейда — 8 июля — батальон неожиданно посетили Рейхсфюрер СС и Глава Полиции Генрих Гиммлер, а так же командир Полиции Порядка Курт Далюге. Командир батальона Майор Нагель [Nagel] получил приглашение на устроенный Бахом званый ужин в честь Гиммлера. На следующее утро Далюге в присутствии Гиммлера провёл смотр полицейских батальонов в Белостоке. В своей речи он подчеркнул, что Полицейские Батальоны «должны быть горды своим участием в борьбе с мировым врагом — большевизмом. Никакая другая кампания не имела такую значимость как эта. Теперь большевики будут наконец-то уничтожены на благо Германии, Европы, да и всего мира».³⁹

11 июля, два дня спустя, полковник Монтуа Полицейской Группы Центр, включавшей Полицейские Батальоны 316 и 322, издал следующий приказ:

«Конфиденциально!

1. По приказу Высшего Руководителя СС и Полиции ... все мужчины-евреи возрастом от 17 до 45, осуждённые как грабители, в соответствии с военным законом, должны быть расстреляны. Расстрелы проводить вдали от городов, деревень и дорог. Могилы сравнивать с землёй, дабы не возникли места для паломничества. Я запрещаю фотографирование и присутствие наблюдателей на казнях. Казни и места захоронений должны оставаться в тайне.

2. Командиры батальонов и рот должны предоставить духовную помощь людям, участвующим в этом действии. Развлечения по вечерам должны затмить впечатления дней. Людей следует постоянно инструктировать о политической необходимости подобных мер».⁴⁰

Журнал боевых действий странным образом умалчивает о событиях в Белостоке после приказов Монтуа, но последующие суды в Германии приоткрыли завесу тайны.⁴¹ Естественно, не было расследований, судов и приговоров для так называемых «грабителей». 12 июля мужчины-евреи — кто выглядел на возраст между 17 и 45 — были просто захвачены и доставлены на стадион в Белостоке. Когда тот почти заполнился, его посетил Высший Руководитель СС и Полиции Бах-Зелевски, и у евреев отобрали все ценности. Это был жаркий день, в течении которого никто из захваченных не получал ни воды, ни доступа в туалет.

В тот же день или на следующее утро челночным методом грузовики из обоих батальонов начали перевозить евреев со стадиона к противотанковым траншеям в лесу за чертой города. Большая часть батальона 316 и одна рота 322 охраняли зону расстрела и формировали расстрельные команды. Бах-Зелевски снова появился на сцене и дал оправдательную речь. Управиться с расстрелами до темноты не удалось, и полицейские попытались продолжить под светом фар грузовиков. Когда эта мера показала себя неудовлетворительной, расстрелы временно приостановили и продолжили на следующий день. Немецкие суды заключили, что убили как минимум 3 000 евреев — однако надо держать в уме, что для удобства судебной системы такие цифры всегда представляют собой минимально неоспоримое количество жертв, а не наиболее вероятное. Таким образом, проблема оценки численности исключается из судебного спора.

Убийственная кампания против советских евреев ускорила к концу лета 1941-го, а военный дневник Полицейского Батальона 322 раскрывает их дальнейшую вовлеченность. 23 июля батальон перешёл из под командования тыловой армии: «для исполнения неотложных задач батальона, он переходит под прямое командование Высшего Руководителя СС и Полиции группенфюрера фон дем Баха».⁴² В августе три роты Полицейского Батальона 322 переместились из Белостока в Минск. По пути туда лейтенант третьей роты Рибель [Riebel] особенно отличился в убийстве евреев. Журнал боевых действий говорит следующее о чистках 2 августа в лесах около Беловежа [Białowieża]: «Третья рота должна закончить ликвидацию евреев до отправки».⁴³ Рибель после рапортовал: «В ранние часы 10 августа третьей ротой была произведена ликвидация евреев, расположенных в лагере сбора заключённых. Семьдесят семь мужчин-евреев возрастом от 16 до 45 расстреляны. Инцидентов не возникло, ни единого случая сопротивления».⁴⁴ Это не было исключительным случаем, пять дней

спустя Рибель рапортовал: «15 августа 1941, третья рота занималась еврейским делом. 259 женщин и 162 ребёнка отправлены в Кобрин [Кобрын]. Всего за 15 августа 1941 расстреляны один поляк за мародёрство и 232 еврея. Казнь евреев прошла гладко и без инцидентов».⁴⁵

К концу августа батальон прибыл в Минск, и 29 числа там встретились Бах-Зелевски и Далюге.⁴⁶ Как и ранее в Белостоке их встреча стала прелюдией для участия Полиции Порядка в крупном массовом убийстве евреев. 30 августа командир батальона Майор Нагель был вызван для обсуждения «простого еврейского вопроса», запланированного на 31 августа и 1 сентября. Батальон должен был предоставить две роты.⁴⁷

31 августа две роты Полицейского Батальона 322 (теперь под названием 7 и 9 роты Полиции Группы Центр) выдвинулись в минское гетто, где захватили около 700 евреев, из них 74 женщины. На следующий день девятая рота Рибеля приняла участие в казни более чем 900 евреев, включая захваченных днём ранее. Автор военного дневника посчитал нужным предоставить оправдание первому расстрелу большого количества еврейских женщин: «во время облавы они были замечены без еврейских звёзд⁴⁸ ... Так же в Минске было замечено, что женщины особенно часто избавлялись от знаков отличия на своей одежде».⁴⁹ Стремясь получить награду за свои заслуги, Рибель покорно рапортовал: «В деле евреев от 1 сентября захваченные 31 августа евреи были расстреляны девятой ротой. 290 мужчин и 40 женщин. Казнь прошла гладко, никто не сопротивлялся».⁵⁰

В последующих акциях⁵¹ в Могилёве [Магілёў] в начале октября объяснений необходимости казней женщин уже не требовалось. Журнал боевых действий от 2 октября говорит: «9 октября. С 3:30 дня, рота в полном составе. Еврейский вопрос в гетто Могилёва, совместно со штабом Высшего Руководителя СС и Полиции Группы Центр и Украинской вспомогательной полиции: захвачено 2 208 евреев обоих полов, 65 расстрелены на месте за попытку бегства». На следующий день: «Седьмая и девятая рота вместе со штабом Высшего Руководителя СС и Полиции Группы Центр — казнь 2 208 евреев и евреек за городом Могилев, недалеко от лесного лагеря (расстрелы седьмой ротой — 378, девятой — 545).⁵²

Деятельность полицейских батальонов в центральном регионе СССР нельзя назвать уникальной — редкие дошедшие до нас документы указывают на схожую деятельность на юге и севере. Высший Руководитель СС и Полиции Группы Юг Еккельн Фридрих в своих загадочных дневных рапортах был крайне аккуратен и точен. Под его командованием находились

пять полицейских батальонов — 304 и 320, а так же Польская Группа Юг — 45, 303 и 314. Таким образом, все, кроме одного состояли из молодых новобранцев. Из неполной коллекции его рапортов об их деятельности можно вывести следующее:⁵³

Август 19	Батальон 314 расстрелял 25 евреев. Батальон 45 в Славуте расстрелял 522.
Август 22	Батальон 45 расстрелял 66 и 471 еврея в двух операциях.
Август 23	Батальон 314 расстрелял 367 евреев в качестве «зачистки».
Август 24	Батальон 314 расстрелял 294 евреев, Батальон 45 расстрелял 61 еврея, и «полицейский эскадрон» (конная полиция) 113 евреев.
Август 25	Полицейская Группа Юг расстреляла 1 324 еврея.
Август 27	Согласно первому из двух рапортов, Полицейская Группа Юг расстреляла 549 евреев и Батальон 314 расстрелял 69 евреев. Во втором указывалось, что Полицейская Группа Юг расстреляла 914 евреев.
Август 28	Полицейская Группа Юг расстреляла 369 евреев.
Август 29	Батальон 320 предоставил «кордон», пока штатная рота HSSPF расстреляла 15 000 евреев в Каменец-Подольске в августе 26-27 и ещё 7 000 в августе 28.
Август 31	Батальон 320 расстрелял 2200 евреев в Миньковцах.
Сентябрь 1	Полицейская Группа Юг расстрелял 88 евреев; Батальон 320 расстрелял 380.
Сентябрь 2	Полицейская Группа Юг расстреляла 45 евреев.
Сентябрь 4	Полицейская Группа Юг расстреляла 4 144 еврея.
Сентябрь 6	Полицейская Группа Юг расстреляла 144 еврея.
Сентябрь 11	Полицейская Группа Юг расстреляла 1 548 евреев.

Сентябрь 12 Полицейская Группа Юг расстреляла 1 255 евреев.

Октябрь 5 Полицейский Батальон 304 расстрелял 305 евреев.

Послевоенные судебные допросы в Федеральной Республике Германия, несмотря на скудные данные журнала, раскрыли полосу убийств, оставленную Полицейскими Батальонами 45 и 314 на территории Советского Союза осенью 1941 г. 24 июля Полицейский Батальон 45 достиг украинского города Шепетовка [Шепетівка], где их командир майор Бессер [Besser] был вызван Главой Полицейской Группы Юг Полковником Францем. Тот сообщил Бессеру о приказе об уничтожении евреев на территории СССР и о роли в этом Полицейского Батальона 45. За считанные дни батальон устроил казнь нескольких сотен оставшихся евреев Шепетовки, включая женщин и детей. В конце августа последовали казни сотен людей в различных украинских городах. В сентябре батальон предоставлял кордон, эскорт и стрелков для казни тысяч евреев в Бердичеве [Бердичів или Berdyczów] и Виннице [Вінниця]. Безжалостная деятельность батальона достигла своего пика 29 и 30 сентября в Киеве, где полицейские снова предоставили кордон, эскорт и стрелков для убийства более чем 33 000 евреев в урочище Бабий Яр [Бабин Яр]. До конца года батальон продолжал проводить небольшие казни — Хорол, Кременчуг [Кременчук], Полтава.⁵⁴ 22 июля Полицейский Батальон 314 так же начал с относительно «небольших» казней исчислявшимися сотнями жертв. В сентябре 1941 г. он присоединился к Полицейскому Батальону 45 при казни нескольких тысяч евреев в Виннице и расстрелял от 7 000 до 8 000 евреев в Днепропетровске 10-14 октября. Последний раскрытый расстрел датирован поздним январём 1942-го в Харькове.⁵⁵

Документация с юга СССР предоставляет лишь эпизод из широкого и продолжительного участия отрядов Полиции Порядка в массовых расстрелах евреев, но не содержит в себе деталей. Документация об операции на севере прямо противоположна — здесь не ясен размах и черты, но мы имеем одно невероятно яркое описание операции Полицейского Батальона 11, дислоцированного с начала июля 1941-го в районе Ковно [Kaunas]. Его третья рота «охраняла» местное гетто.⁵⁶ В середине октября командира батальона с двумя ротами Батальона 11 и двумя ротами вспомогательной литовской полиции послали в Минск. Офицеры 707 Дивизии Безопасности дали полицейским их первое задание (впоследствии те заявляли, что это было их первое задание из двух): казнить всех евреев в

деревне Смолевичи [Смалявічы] к востоку от Минска, в качестве предупредительного удара и предостережения всему гражданскому населению не помогать партизанам. Командир батальона утверждал, что протестовал, но офицеры дивизии и её командир сказали ему, что полиция будет лишь предоставлять кордон, а расстрелы оставит литовцам. Резня в Смолевичах была проведена как и приказывалось.

В конце октября две роты Полиции Порядка и их литовские вспомогательные подразделения получили приказ от армии на ликвидацию всех евреев в Слуцке [Слуцк], к югу от Минска, в городе с населением около 12 000, треть евреи. И снова такая мера преподносилась как средство устрашения для защиты немецких войск. Глава гражданской администрации рапортовал своему начальнику Вильгельму Кубе в Минске о произошедшем в Слуцке 27 октября:

Слуцк, 30 октября 1941

Региональный Комиссар Слуцка

Кому: Генеральному Комиссару в Минске

Тема: Еврейский вопрос

В дополнение к моему докладу по телефону 27 октября 1941 г., я прилагаю следующее в письме:

Утром 27 октября около 8 часов прибыл старший лейтенант Полицейского Батальона 11 из Ковно (Литва). Он представился как адъютант командующего батальоном Полиции Безопасности (*sic!*). Старший лейтенант объявил, что согласно приказу, полицейский батальон обязан за два дня осуществить ликвидацию всех евреев Слуцка; что приближается командующий батальона с четырьмя ротами, две из которых литовские вспомогательные; а приступить к исполнению требуется немедленно. Я ответил старшему лейтенанту, что как бы то ни было, но я сначала должен обсудить это с командующим. Примерно через полчаса полицейский батальон прибыл в Слуцк. Как я и запрашивал, разговор с командующим случился незамедлительно по его прибытии. Я объяснил ему, что едва ли возможно выполнить подобный приказ без предварительной подготовки, потому как все евреи уже были посланы на работы и возникнет ужасная путаница. Ему следовало дать предупреждение как минимум за день. Затем я попросил его отложить выполнение на один день. Он, однако, отверг моё

предложение, заметив, что ему необходимо провести подобные операции во множестве городов и на работу в Слуцке есть только два дня, к концу которых тот должен быть абсолютно свободен от евреев. Я незамедлительно подал резкий протест, в котором подчеркнул, что ликвидация евреев не может производиться сдуру. Большая часть оставшихся в городе евреев состояла из ремесленников и их семей, нельзя так просто отказаться от их услуг — они необходимы для поддержки экономики. Далее я заметил, что белорусские ремесленники, были, по-простому говоря, абсолютно недоступны; следовательно, если убрать евреев, все жизненно необходимые предприятия парализует одним ударом. В заключение нашего разговора я упомянул, что ремесленники и специалисты, насколько они были незаменимы, имели на руках документы, свидетельствующие об их работе в мастерских. Мы пришли к соглашению, по которому все евреи в городе, особенно ремесленники и их семьи, которых я тоже не хотел отправлять на ликвидацию, прежде всего должны быть доставлены в гетто для сортировки. Провести сортировку были авторизованы два моих представителя. Командующий не противился моей позиции, поэтому я поверил, что операция пройдет согласно уговору.

Проблемы проявились всего через пару часов. Мне стало известно, что командир не следует нашему уговору. Вопреки ему, с заводов и мастерских забирали всех евреев без исключений. Часть из них мне удалось отобрать в гетто, но большинство просто грузили в грузовики и без промедлений ликвидировали за чертой города. После полудня жалобы начали поступать из мастерских — они не были способны продолжать работу без еврейских ремесленников. Командующий уже уехал в Барановичи [Баранавічы], так что после долгих поисков я связался с заместителем — капитаном, и потребовал немедленно остановить происходящее, потому как мои инструкции нарушались, а урон экономике ни к чему хорошему не приведет. Капитан был просто поражен моей позицией и объяснил, что получил приказ от командующего освободить город от евреев, не делая никаких исключений; чистка основывается на политических причинах и не имеет ничего общего с экономическими. Благодаря моим активным вмешательствам, он всё же остановил операцию ближе к вечеру.

Что ещё меня беспокоит — к своему глубочайшему сожалению я должен подчеркнуть — так это то, что происходящее граничит с садизмом. Во время чистки город представлял собой страшную картину. С неопишуемой жестокостью немецкие полицейские, но особенно литовские, вытаскивали евреев и белорусов из жилищ и гнали толпой. По всему городу

слышалась стрельба, на некоторых улицах лежали кучи трупов евреев. Белорусам с трудом удавалось не впутываться в эту ситуацию. Помимо жестокого, пугающего, варварского обращения с евреями прямо у них на глазах, белорусы и сами попадали под удары жезлов и дубинок. Нельзя назвать это „еврейским делом“, больше похоже на революцию. Весь день я со своими представителями пытались спасти то, что ещё можно было спасти. Неоднократно мне приходилось выдворять немецкую и литовскую полицию из мастерских буквально под дулом револьвера. Мои жандармы занимались тем же, но из-за происходящей дикости на улице часто им приходилось прятаться, чтобы самим не попасть под пули. Все происходящее было более чем ужасным. Во второй половине дня на улицах осталось много конных повозок без возничих, поэтому я приказал администрации разобраться с ними. Оказалось, что это были еврейские повозки, прикрепленные к армии для транспортировки амуниции. Евреев просто сняли с них, бросив повозки на улице.

Я не присутствовал на расстрелах за городом, так что не могу ничего сказать об их жестокости, но достаточно сказать, что некоторые из расстрелянных часы спустя выкопали себя из могилы. Касаясь экономического ущерба я должен заметить, что сильнее всего было затронуто кожевенное производство. На нём работало двадцать шесть специалистов. Одним махом пятнадцать лучших из них расстреляли. Ещё четверо сбежало из повозок. Семь ещё до захвата. Пятеро работали в колёсной мастерской — четверо мертвы, мастерская не сможет работать с одним мастером. Пропали и другие ремесленники — краснодеревщики, кузнецы и так далее. Пока что мне не удалось составить детальную картину. Как я и упоминал в начале, семьи ремесленников должны были пощадить. Однако, как сегодня стало ясно, в каждой из семей есть пропавшие. Доклады приходят отовсюду: где-то пропал ремесленник, где-то его жена, где-то дети. Таким образом, почти все семьи были разорваны. В таких обстоятельствах очень сомнительно, что оставшиеся ремесленники будут испытывать энтузиазм и продуктивно работать — пока что они ходят вокруг с кровавыми следами жестоких избиений. Белорусы, чьим доверием мы до этого пользовались, стоят повсюду в ошеломлении. Хотя они и запуганы, и не смеют высказывать своё мнение, всё же можно услышать, что этот день не станет триумфом для Германии и никогда не будет забыт. Я придерживаюсь мнения, что подобная акция уничтожила множество достижений последних месяцев, и пройдёт немало времени, прежде чем нам удастся снова завоевать доверие населения.

В заключение, я должен заметить, что во время этого события

полиция разбойничала в самой возмутительной форме. Пострадали не только еврейские дома, но и много жилищ белорусов. Они забирали всё, что могло оказаться полезным — ботинки, кожу, текстиль, золото и прочие ценности. Согласно показаниям членов армии, с евреев срывали часы прямо на улице, кольца срывали с пальцев самым безжалостным образом. Один старый казначей доложил, что полиция приказала еврейской девушке немедленно принести 5 000 рублей, и только после этого её отец будет отпущен. По слухам, девушка бегала повсюду в поисках денег. Бараки с еврейскими вещами в гетто, закрытые гражданской администрацией на доски и гвозди, полиция вскрыла и разворовала. Даже там, где располагался сам отряд, выдернули двери и оконные рамы и пустили их на костры. Во вторник утром я говорил с адъютантом командующего о грабежах и получил от него обещание, что в город полиция заходить больше не будет, однако всего несколько часов спустя мне пришлось арестовать двух вооружённых литовцев, уличённых мной в мародёрстве. В ночь со вторника на среду батальон покинул город в направлении Барановичей. Население откровенно радовалось их уходу.

Больше докладывать не о чем. Я прибуду в Минск в ближайшем будущем в целях обсуждения этого вопроса лично. На данный момент я не могу продолжать заниматься «еврейским вопросом», сначала должен быть возвращён мир. Несмотря на все сложности и ущерб экономике, надеюсь восстановить его как можно скорее. Сейчас я могу попросить лишь об одном: „в будущем, постарайтесь изо всех сил избавить меня от этого полицейского батальона“».

Карл.⁵⁷

Хоть *подробной* документации об участии полицейских батальонов в массовых убийствах в Советском Союзе нет, её достаточно для безоговорочного опровержения послевоенного алиби Далюге. Он якобы достиг соглашения с Гиммлером, по которому Полиция Порядка помогала Полиции Безопасности любыми методами, кроме как расстрелами. Это алиби, как и послевоенное заявление войск СС, что они как и все остальные были обычными солдатами и не участвовали в идеологической программе СС, было успешно применено как минимум в одном судебном деле Полицейского Батальона 11. Защитники убедили суд, что только после двух казней — по приказу армии в районе Минска — им удалось исполнить «соглашение» Далюге об отзыве их в Ковно.⁵⁸

Как показывает документация, имелось прямое, всепроникающее участие Полиции Порядка в массовых казнях советских евреев летом и

осенью 1941-го под юрисдикцией глав Северной, Центральной и Южной групп СС (HSSPF), а так же в Белостоке. Более того, резня в Белостоке в середине июля произошла непосредственно после встречи Далюге, Гиммлера и Бах-Зелевски, а резня первого марта в Минске сразу после встречи Далюге и Баха. Очевидно, что Далюге не запрещал, а подстрекал к участию Полиции Порядка к массовым убийствам.

Её вовлеченность в массовые расстрелы в СССР после осени 1941-го не так хорошо задокументирована и, скорее всего, случалась реже. Большим исключением осенью 1942 г. стало её участие в расстреле евреев в районе Пинска.⁵⁹ Во время военного кризиса зимы 1941-42 годов многие полицейские батальоны вынужденно отправили на фронт, другим же пришлось бороться с растущим партизанским движением. Более того, в 1942-м число рекрутов из местного населения во вспомогательные отряды Полиции Порядка возросло десятикратно — с 33 000 до 300 000.⁶⁰ Возникла тенденция переключать психологическую ношу с немецкой полиции на коллаборантов, назначая на расстрелы именно их. Психологическая ноша была серьёзной и тяжёлой даже для самого Бах-Зелевски — весной 1942-го доктор Гиммлера доложил Рейхсфюреру о выводящей из строя болезни Баха, заметив, что командир СС страдал «главным образом от зрелища проводимых им расстрелов евреев, а так же от других полученных на востоке тяжёлых переживаний».⁶¹

Глава 4

Полиция Порядка и Окончательное Решение: Депортация

Со снижением роли Полиции Порядка в вырезании советских евреев осенью 1941-го, Далюге взялся за новое жизненно важное для Окончательного Решения задание — охрану депортационных поездов «на восток». В конце сентября 1941-го Гитлер одобрил начало депортации евреев из Третьего Рейха. Организацией занимался Рейнхард Гейдрих при помощи его «эксперта по евреям» в Берлине Адольфа Эйхмана и региональных отделений Полиции Безопасности по всей Германии.⁶² Единственными исключениями на местном уровне стали Вена и Прага, где депортацией занималось Центральное Агентство по Эмиграции Евреев, созданное

Эйхманом ещё до войны, состоявшее из лично отобранных им людей. Практически сразу Гейдрих заключил с Далюге соглашение о разделении обязанностей. Полиция Порядка Далюге будет охранять транспортировку, организованную Полицией Безопасности Гейдриха. Обычно для каждой транспортировки она предоставляла одного офицера и пятнадцать рядовых.⁶³

Каков был масштаб этих операций? Между осенью 1941-го и весной 1945-го более 260 депортационных поездов отправили немецких, австрийских и чешских евреев напрямик в гетто и лагеря смерти «на востоке» (то есть в Польшу и СССР), или в транзитное гетто Терезиенштадт к северу от Праги, а оттуда уже дальше «на восток».⁶⁴ Как минимум 147 поездов из Венгрии, 87 из Нидерландов, 76 из Франции, 63 из Словакии, 27 из Бельгии, 23 из Греции, 11 из Италии, 7 из Болгарии и 6 из Хорватии — таким образом, под надзором немецкой охраны в какой-то момент своего путешествия находилось почти 450 дополнительных поездов из западной и южной Европы.⁶⁵ Нет даже приблизительной оценки количества поездов, задействованных в депортации евреев из польских городов в местные лагеря смерти, но очевидно, что множество сотен. И все они охранялись Полицией Порядка.

Что это значило в контексте переживаний для самой Полиции Порядка? В Англии и Германии уже опубликован один красочный доклад лейтенанта Пола Салиттера [Paul Salitter] об охране депортационного поезда из Дюссельдорфа в Ригу в декабре 1941 г.⁶⁶ Два других рапорта о депортации поездом из Вены в Собибор и из Коломыя в Галиции в Белжец [Bełżec] примечательны для понимания того, чем именно более тысячи раз занимались отряды Полиции Порядка. Сначала Венская транспортировка.

152 Полицейский Участок

Вена, 20 июня, 1942

Отчёт об опыте

Тема: транспортная команда для еврейского транспорта Вена -
Аспангбанхоф⁶⁷ в Собибор, 14 июня, 1942

Транспортная команда состояла из лейтенанта запаса Фишманна [Fishmann] в качестве командира, двух сержантов и 13 полицейских запаса из Первой Резервной Роты Восток. В соответствии с предварительным телефонным запросом от гауптштурмфюрера СС Бруннера [Brunner],

команда заступила на службу 14 июня 1942 г. в 11 утра в Аспангбанхофе.

1. Погрузка евреев:

Под управлением и надзором гауптштурмфюрера СС Бруннера и гауптштурмфюрера СС Гирзика [Girzik] погрузка евреев в специальные поезда, ожидающие в Аспангбанхофе, началась в полдень и прошла гладко. К несению охранных обязанностей приступили без задержки. В общей сложности депортировали 1 000 евреев. Трансфер произошёл по расписанию в четыре часа дня. Из-за недостатка машин команде транспортировки пришлось довольствоваться автомобилями третьего класса вместо второго.

2. Поездка из Вены в Собибор:

Поезд 38 отбыл из Вены 14 июня 1942 г. в 7:08 вечера, и вместо запланированного маршрута в Избицу, отправился в Собибор через Люнденбург [Wrocław], Брунн [Brno], Нейсе [Nysa], Оппельн [Opole], Ченстохову [Częstochowa], Кельце [Kielce], Радом, Демблин [Dęblin], Люблин и Хелм. Прибытие в Собибор 17 июня 1942 г в 8:05 утра. Поезд прибыл в Люблин 16 июня в 9 вечера, где его уже ждал оберштурмфюрер СС Пол [Pohl]. Тот снял с транспорта 51 способного к работе еврея возрастом от 15 до 50 и отправил их в трудовой лагерь. В то же время он отдал приказ отправить остальных 949 евреев в трудовой лагерь Собибор. Полу передали два списка имён, три фургона вещей (вместе с запасами еды), а так же 100 000 злотых. В 11 вечера поезд отбыл из Люблина в Собибор. В 30 километрах от Люблина в еврейском лагере Травники фургоны с вещами и едой передали шарфюреру СС Майерхоферу.

3. Доставка евреев в Собибор:

17 июня в 8:15 утра, поезд прибыл на железнодорожную станцию трудового лагеря рядом с Собибором, где комендант лагеря старший лейтенант Штангль принял поставку 949 евреев. Разгрузка началась незамедлительно и была закончена в 9:15 утра.

4. Поездка из Собибора в Вену:

Около 10 утра, сразу после разгрузки евреев, отправились обратно в специальном поезде. Прибыли в Люблин 18 июня в 2:30 утра. Расходов на поездку потрачено не было. Из Люблина отправились 18 июня в 8:13 утра экспресс-поездом в Краков, куда добрались в 5:30 вечера того же дня. В Кракове расквартировались вместе с третьей ротой Полицейского Резервного Батальона 74. 19 июня эта рота раздала рационы каждому из 16 человек. 19 июня в 8:08 вечера в Кракове сели на экспресс-поезд. Прибыли

на восточную железнодорожную станцию Вены 20 июня в 6:30 утра.

5. Остановка транспортной команды в Кракове:

Остановка продлилась 26 с половиной часов.

6. Переход границы:

Поезд специального назначения пересёк границу из Рейха в Генерал-губернаторство 15 июня в 1:45 дня, экспресс поезд на обратном маршруте 20 июня в 12:15 утра.

7. Провизия:

Транспортной команде выделили холодные пайки на четыре дня. Они состояли из колбасы, хлеба, мармелада и масла, но этого было недостаточно. Пайки третьей роты Полицейского Резервного Батальона 74 были хороши и достаточны.

8. Предложения:

В будущем необходимо предоставлять транспортным командам походные пайки, потому как холодные не подходят для летнего периода. Колбасы — это была варёная колбаса — при получении 15 июня уже оказались вскрыты, и из-за риска прокисания пришлось их съесть ещё до третьего дня. На четвёртый день людям пришлось обходиться мармеладом, потому как из-за страшной жары в поезде масло протухло. Размер пайков был так же скуден.

9. Инциденты:

Инцидентов по пути туда или обратно не произошло.

(подписано) Фишманн

Участковый лейтенант Полиции Охраны (Schutzpolizei)⁶⁸

Депортация ничего не подозревающих венских евреев, по большей части стариков и женщин, прошла с таким малым количеством происшествий, что Фишманн мог сконцентрироваться на таких трудностях, как получение авто третьего класса, недостаточных пайках, жаре летом и испортившемся масле. Никаких упоминаний, конечно же, о запертых в поезде на 61 час без еды и воды евреях. Однако Фишманн отдавал себе отчёт в действиях, так как предусмотрел, чтобы 949 евреев, отправленных якобы в трудовой лагерь, не имели доступа к своим вещам и еде. Газовые камеры Собибора располагались глубоко в лесу и не были видны с разгрузочных

площадок. Вопреки отрицанию Полиции Порядка, Фишманн и его команда, судя по всему, входила в лагерь и наблюдала за разгрузкой.

Полиция Порядка, охранявшая депортационный поезд из Коломыя [Kołomyja] в Галиции столкнулась с заметно большим количеством проблем. Действительно, в Галиции, где евреи подвергались резне летом и осенью 1941-го и застали первые волны депортации весной 1942-го, знали чего ожидать от депортаций в августе. В середине сентября 1942 г. капитан Полиции Порядка Полицейского Резервного Батальона 133 из Полицейского Подразделения 24 рапортовал о впечатлениях от одной недели операции:

7./Пол. 24. Лемберг [Львов], 14 сентября 1942

Кому: Командующему Полиции Порядка в округе Галиции, Лемберг.

Тема: Переселение евреев

Вечером 6 сентября седьмая рота Полицейского Полка 24 согласно приказу прибыла в Коломыя после переселений 3 и 5 сентября в Сколе, Стрые и Ходорове, во главе которых стоял Капитан Полиции Охраны Крепелин [Kröpelin]. Подробный рапорт им уже составлен. Я незамедлительно связался с комиссаром Криминальной Полиции [Kriminalkommissar] и оберштурмфюрером СС Лейтмарицем [Leitmaritz], главой местного отделения Полиции Безопасности в Коломыя и старшим лейтенантом поста Полиции Охраны Коломыя Гертелом [Hertel].

Вразрез с опытом операции в Стрые [Stryj], операцию 7 сентября в Коломыя хорошо спланировали и подготовили — для участников сложности не представляла. Евреи были проинформированы вышеупомянутыми агентствами и Службой Труда о необходимости собраться на регистрацию в 7 сентября 5:30 утра. Около 5 300 евреев действительно пришли в указанное время. С предоставленными мне силами мы оцепили еврейский квартал, обыскали его и захватили ещё около 600 евреев.

Погрузка на транспортный поезд завершилась примерно в 7 вечера. 4 769 евреев было переселено, около 1 000 отпущено. В каждый вагон поместили сотню евреев. Жара в тот день сильно затруднила процесс и замедлила погрузку. После привычных заколачивания и запечатывания вагонов, поезд отправился в путь в Белжец около 9 вечера. Охранялся одним офицером и девятью рядовыми. С наступлением ночи заключённые сняли колючую проволоку, и многие евреи сбежали через отверстия для воздуха. Тогда как охране удалось многих застрелить на месте, большинство сбежавших были устранены той же ночью или на следующий день охраной

железных путей или полицейскими отрядами. Несмотря на темноту и длину поезда, транспорт прибыл в Белжец без заслуживающих внимания инцидентов. Однако вернувшись 11 сентября в Станиславов, охранник шестой роты Полицейского Батальона 24 лично мне доложил, что охраны было явно недостаточно.

8 сентября казнили слишком старых, больных, немощных и тех, кого уже не перевезти — всего около 300. Согласно приказу от 4 сентября об использовании амуниции, о котором меня уведомили 6 сентября, 90% казнили с помощью карабинов и винтовок, пистолеты использовали только в отдельных случаях.

8 и 10 сентября проведены операции в Кутах [Kuty], Косове [Kosov], Городенке [Horodenka], Заплатове [Zaplatov] и Снятыне [Śniatyn]. Около 1 500 евреев пришлось вести маршем примерно 50 километров от Куты или 35 километров от Косова до Коломыя, где их оставили на ночь во дворе тюрьмы Полиции Порядка вместе с другими собранными по региону евреями. В Городенке и Снятыне Полицией Порядка погружено по десять вагонов евреев. Тридцать вагонов в Коломые. Всего 10 сентября поездом отправлено 8 205 еврея.

В операциях около Коломыя 8 и 10 сентября около 400 евреев пришлось расстрелять по всем известной причине. В ходе большой акции по переселению Полиция порядка, несмотря на мой протест, погрузила всех евреев в доступные 30 вагонов поезда. Многие из них после марша, после четырёх жарких дней ожидания и без какой-либо провизии. Всё это, а также необходимость погружать от 180 до 200 евреев в каждый вагон, оказало на транспортировку катастрофически негативное влияние.

Как плотно были загружены евреями каждый из десяти вагонов в Городенке и Снятыне мне неизвестно. В любом случае, оба поезда прибыли в Коломыя с ненадлежащей охраной, так что колючая проволока вокруг отверстий для воздуха почти полностью отсутствовала. Как можно быстрее я вывел поезд со станции Коломыя на дополнительные пути и сцепил с тридцатью вагонами вдали от станции. Еврейская полиция [Ordnungsdienst] и строители железнодорожной станции из Коломыя до ночи латали дыры в вагонах согласно регуляциям. Для предотвращения попыток бегства команде из одного офицера и пятнадцати человек под руководством капитана Цицмана [Zitzmann] приказали охранять поезд из 50 вагонов до самой отправки. Из-за уже вышеописанных условий для евреев, жары и битком забитых вагонов, они снова и снова пытались выбраться из припаркованного поезда. Стемнело в 7:30. В 7:50 на дополнительные пути

прибыла охранная команда поезда из девяти человек под руководством капрала Джеклейна [Jäcklein]. В условиях темноты пресечь попытки бегства и расстрелять бежавших было невозможно. Из-за жары в вагонах евреи полностью разделись.

Поезд отправился из Коломыя согласно расписанию в 8:50 вечера, и охрана заняла свои позиции. Как я изначально предложил, команда разделилась на две группы по пять человек — одна группа в пассажирском вагоне во главе поезда, одна группа в его конце. Учитывая длину поезда и его нагрузку в 8 205 еврея, такое распределение показало свою несостоятельность. В следующий раз капрал Ж. распределит охрану по всему поезду. Для предотвращения побегов, ей всю дорогу пришлось сидеть в камбузах. Вскоре после отправки евреи предприняли попытку прорваться с разных сторон поезда, некоторые даже через крыши. Они в этом преуспели, так что за пять остановок до Станиславова капралу Ж. пришлось просить по телефону начальника станции заранее отложить доски и гвозди для ремонта вагонов, а так же попросил охрану станции следить за поездом. Работники станции и её охрана приступи к задаче как только поезд прибыл на станцию.

Работы заняли полтора часа, после чего поезд возобновил движение. На следующей станции стало ясно, что евреи снова проделали огромные дыры и сорвали колючую проволоку. В одном вагоне даже поработали молотком и пилой. Во время допроса они признались, что Полиция Безопасности оставила свои инструменты, потому как те могли пригодиться в работе в дальнейшем. Капрал Ж. заставил евреев отдать инструменты. Поезду требовался ремонт на каждой остановке, иначе мы бы не смогли даже ехать. В 11:15 утра поезд прибыл в Лемберг, но так как смена охраны поезда не прибыла, транспортной команде Ж. пришлось продолжить охранять поезд до самого Белжеца. После короткой остановки поезд продолжил путь по пригороду Клапорова [Klaporov], где 9 вагонов с отметкой „L“, предназначенных для трудового лагеря, передали оберштурмфюреру СС Шульцу [Schulze]. Тот дополнительно погрузил на поезд ещё около тысячи евреев. В 1:30 дня поезд отправился в Белжец.

В Лемберге поезду заменили двигатель на такой старый, что движение было возможно лишь с постоянными остановками. Самые сильные из евреев пользовались нашей малой скоростью и протаскивали себя через дыры в вагонах и сбегали, не боясь получить травмы от падения из-за низкой скорости поезда. Несмотря на постоянные запросы инженерам увеличить скорость, сделать это было невозможно, так что постоянные остановки на открытых участках становились всё более раздражающими.

Вскоре после Лемберга у команды охраны уже закончились все имеющиеся боеприпасы, в том числе полученные от солдат 200 патронов, так что всю оставшуюся дорогу им приходилось пользоваться камнями пока поезд двигался и штыками во время остановок.

Всё сильнее паника распространялась среди евреев из-за жары, забитости вагонов и трупов. Трупный запах — при разгрузке в вагонах обнаружили около 2 000 тел — сделал работу на поезде практически невозможной. В 6:45 поезд прибыл в Белжец, и примерно в 7:30 был передан капралом Ж. оберштурмфюреру СС и главе местного лагеря. Капралу пришлось оставаться в лагере до окончания разгрузки в 10 вечера, пока команда охраняла стоящие вагоны. Из-за вышеуказанных трудностей, количество сбежавших евреев не поддаётся подсчёту. Тем не менее можно допустить, что как минимум две трети евреев были застрелены или сделаны неопасными тем или иным способом.

Помимо указанного, на период 7-10 сентября 1942 г. дополнительных инцидентов не произошло. Сотрудничество между Полицией Порядка и Полицией Безопасности прошло хорошо и без проблем.

(подпись) Вестерман

Лейтенант запаса Полиции
Охраны и Ротный Командир.⁶⁹

Документ раскрывает много деталей: отчаянные попытки евреев сбежать; скудную охрану (какие-то десять человек на 8 000 евреев); невообразимо ужасные условия — форсированный многокилометровый марш, ужасная жара, дни без еды и воды, забитые вагоны по 200 человек и так далее. Это привело к смерти 25% евреев в вагонах от удушения, перегрева и истощения, не говоря уже о регулярных расстрелах — охрана расстреляла всю амуницию; «повседневное» упоминание о том, как сотни евреев признали непригодными для транспортировки и расстреляли на месте из-за слабости, болезней и возраста. Более того, документ недвусмысленно демонстрирует, что для Полицейского Батальона 133 и Полиции Безопасности в Галиции подобная операция летом 1942-го была просто одной из многих.

Однако он не раскрывает взгляд «низового» участника Окончательного Решения, который нам хотелось бы увидеть. Эти люди не были офисными работниками, приговаривающими людей к смерти, сидя в безопасности, и оторванными от реальности расстоянием, бюрократическими эвфемизмами и рутиной. Эти люди сталкивались со своими жертвами лицом к лицу. Их

товарищи уже расстреляли всех непригодных для транспортировки евреев, а они сами старательно предотвращали попытки бегства из поезда, и следовательно, газовых камер Белжеца. Никто из участников не мог иметь ни малейших сомнений в том, в чём именно они принимают участие — а именно в кровавой программе по уничтожению евреев Галиции.

Но как эти люди стали массовыми убийцами? Что случилось, когда отряд впервые начал убивать? Какой выбор, если он был, они имели и как они отреагировали? Что происходило с этими людьми, пока убийства тянулись неделю за неделей, месяц за месяцем? Документы, подобные транспортировке в Коломыя, дают яркий фрагмент единственного инцидента, но они не раскрывают личную трансформацию группы обыкновенных немецких мужчин среднего возраста в массовых убийц. Для этого нам придётся вернуться к истории Полицейского Резервного Батальона 101.

Глава 5

Полицейский Резервный Батальон 101

В числе первых батальонов в сентябре 1939 г., присоединившихся к немецкой армии вторжения в Польшу, стал Полицейский Батальон 101 из Гамбурга. Перейдя границу в Оппельне [Opole] в Силезии, батальон через Ченстохову проследовал в польский город Кельце, где он привлекался к захвату польских солдат и военного оборудования позади линии наступления, а также охране военнопленных. 17 декабря 1939 г. батальон вернулся в Гамбург, где около сотни его профессиональных полицейских перевели для формирования дополнительных отрядов, а заменили их людьми среднего возраста из запаса, призванными осенью 1939 г.⁷⁰

В мае 1940 года после периода тренировки, батальон отправили из Гамбурга в один из четырёх аннексированных рейхом регионов западной Польши — Вартегау⁷¹. Располагаясь до конца июня в Познани [Позен, Poznań], а затем в Лодзе [Łódź, переименованный немецкими захватчиками в Лицманштадт — Litzmannstadt], батальон в течение пяти месяцев занимался «операциями по переселению». Эти операции — часть демографического плана Гитлера и Гиммлера по «германизации» новых аннексированных регионов, т.е. по заселению их «расово чистыми»

немцами. Все поляки и так называемые «нежелательные элементы» — евреи и цыгане — должны были быть выгнаны из присоединённых территорий в центральную Польшу. Согласно договору между Германией и Советским Союзом, этнических немцев репатриировали с советской территории и селили в квартиры и фермы выгнанных поляков. Так желаемая Гитлером и Гиммлером «расовая чистота» аннексированных территорий никогда не была достигнута, но сотни тысяч людей насильно перемещали подобно фигурам на доске. И всё ради расовой реорганизации восточной Европы.

В отчёте батальона содержится хвастовство фанатичным участием в этом «переселении»:

«За работой день и ночь без перерывов, 100% сил батальона занято делом по всему Вартегау. В среднем каждый день эвакуировали около 350 польских крестьянских семей. На пике эвакуации они (члены батальона) не могли вернуться в казармы восемь дней и ночей. У них была возможность поспать только в ночь в машинах ... В самой крупной операции батальон эвакуировал около 900 семей ... за один день и только своими силами и десятью переводчиками».

В целом, батальон эвакуировал 36 972 человека из запланированных 58 628. Около 22 000 человек сбежало.⁷²

Один призывник из запаса Бруно Пробст* вспоминал о роли батальона:

«Впервые я столкнулся с убийствами и перегибами на местах во время переселения местного населения, особенно в малых деревнях. Так было всегда — когда мы прибывали на место, комиссия по переселению уже была там ... Эти так называемые комиссии состояли из гражданских, членов чёрных (без формы) СС и Тайной Полиции. От них мы получали карточки с номерами. Этими же номерами обозначались дома в деревне, которые надо было эвакуировать. Поначалу, мы стремились вывести из этих домов всех, несмотря на то кто там был — старики, больные или дети. Комиссия быстро признала нашу процедуру ошибочной. Они возразили, что старые и больные затрудняют нашу работу. Если быть точным, они поначалу не давали нам явного приказа расстреливать таких на месте, но ограничивались тем, что давали понять — для подобных людей уже ничего нельзя сделать. Я помню два случая такого расстрела. В первом, это был старик, во втором,

старуха ... оба раза расстрелом занимался не член отряда, а унтер-офицер». ⁷³

Другие в батальоне тоже вспоминали операцию по переселению, но никто больше не упоминал или не признавался в подобном насилии. ⁷⁴ Один полицейский, однако, рассказал, что во время остановки в Познани батальон предоставил Полиции Порядка расстрельную группу для казни от 100 до 120 поляков». ⁷⁵

Мендзыжец, «транзитное» гетто, ликвидированное в семи «акциях» между августом 1942 и июлем 1943 гг. Вторая рота лейтенанта Гнаде отзывалась о Мендзыжеце подходящим немецкий прозвищем «Menschenschreck», или «ужас человеческий».

В большинстве депортаций евреям давали указание брать минимум вещей, дабы сделать правдивее историю о переселении. Обыски лейтенанта Гнаде ясно показывают, что никто — ни полицейские, ни евреи, не верили в это притворство.

После обысков евреям позволяли надеть нижнее белье, после чего заставляли маршировать до железной станции, где их как скот погружали в вагоны.

«Бараки для раздевания» – этап в процессе депортации впервые введённый лейтенантом Гнаде осенью 1942 г., когда гетто Мендзыжец подверглось особенно жестокой серии «чисток» – Полиция Порядка заставила евреев раздеться догола в поисках ценностей.

26 мая 1943 г. Полиция Порядка ведёт евреев через город. Евреи отправленные в Майданек тем днём погибли в резне Erntefest («Операция Фестиваль Жатвы») в ноябре 1943 г.

Лукув, вероятно осень 1942 г., во время ликвидации местного гетто
Полицией Порядка.

Лейтенант Гнаде (слева) перед его «бараками для раздеваний» в Мендзыжеце.

Полиция Порядка держит кордон на рынке во время «шестой акции». 26 мая 1943 года. 1 000 евреев депортировали в трудовой лагерь в Майданеке. В ранних депортациях Мендзыжеца, евреев слали напрямком в газовые камеры Трешлинки.

Их задачу осложняло то, что новоприбывшие этнические немцы, желая воспользоваться дешёвым рабочим трудом, не всегда докладывали о нелегальных поляках.⁷⁶

28 ноября 1940 г., батальон заступил на охрану гетто в Лодзе, опечатанного в конце апреля 1940 г. — тогда 160 000 евреев отрезали от остального города колючей проволокой. Это стало главной обязанностью Полицейского Батальона 101, имевшего приказ на расстрел «без церемоний» любого еврея, проигнорировавшего запрещающие знаки и подошедшего слишком близко к ограждению. Приказу повиновались.⁷⁷

Таких крайностей, которые случились во время охраны Варшавского гетто первой ротой Полицейского Батальона 61, никто из этого батальона не помнил. Тогда стрельба по гетто открыто поощрялась капитаном роты, а в

охрану всегда назначали самых отъявленных стрелков и другие обязанности им не давали. Комната отдыха роты украшалась расистскими слоганами, к примеру, звездой давида над баром. Над дверью за каждого застреленного еврея делалась засечка. В особенно «успешные» дни устраивалось «празднование победы».⁷⁸

Члены батальона имели больше контактов с нееврейским населением, а не с самими евреями, потому как квартировались вне границ гетто. Бруно Пробст рассказывал, как в разделявшем гетто Лодзе проходе охрана иногда развлекали себя переводом часов вперёд — это использовалось как повод для захвата и избиения поляков, якобы за нарушение комендантского часа. Он так же вспоминал, как в предновогоднюю ночь вместо поляка пьяный охранник случайно застрелил немца и скрыл это, подменив удостоверение личности.⁷⁹

В мае 1941-го батальон вернулся в Гамбург и «практически растворился». Все оставшиеся довоенные призывники рангом ниже унтер-офицера были перераспределены в другие отряды, а места заполнили призывники из запаса. Батальон стал, словами одного полицейского: «чисто резервным батальоном».⁸⁰

С мая 1941 по июнь 1942 гг. батальон реформировали и подвергли многочисленным тренировкам. В памяти участников осталось мало событий из этого периода: однажды после бомбардировки Любека в марте 1942-го батальон немедленно послали в город;⁸¹ в другой раз батальон участвовал в депортации евреев Гамбурга.

С середины октября 1941 и до конца февраля 1942 гг. было отправлено 59 транспортов с «грузом» из 53 000 евреев и 5 000 цыган Третьего Рейха «на восток», в данном случае в Лодзе, Ригу, Ковно и Минск. Пять транспортов в Ковно и пять в Ригу по прибытию немедленно вырезали.⁸² Остальных «ликвидировали» не сразу. Сначала их сослали в гетто Лодзе (куда послали 5 000 австрийских цыган), Минска и Риги.

Не подверглись немедленной экзекуции и четыре транспорта из Гамбурга. Первый, с 1 034 евреями, отправился 25 октября 1941 г. в Лодзе. Второй, с 990 евреями, отбыл в Минск 8 ноября. Третий в Минск 18 ноября, с 408 евреями Гамбурга и 500 Бремена. Четвёртый покинул Гамбург в направлении Риги 4 декабря с 808 людьми.⁸³

Члены Полицейского Батальона 101 поучаствовали в различных фазах гамбургской депортации. Сборным пунктом для неё стал конфискованный

Полицией Безопасности дом Массонской ложи в Мурвейде [Moorweide]. Нельзя назвать это место неприметным для местных жителей, ведь оно соседствовало с университетской библиотекой, жилым кварталом и находилось всего в нескольких сотнях ярдов от тяжело нагруженной железнодорожной станцией Даммтора⁸⁴. Часть Полицейского Батальона 101 занималась охраной масонского дома, где евреев собирали, регистрировали и погружали в грузовики для отправки на железнодорожную станцию Штерншанце [Sternschanze].⁸⁵ Другие же охраняли саму станцию, где евреев загружали в поезда.⁸⁶ И наконец, Батальон 101 предоставлял эскорт для как минимум трёх из четырёх транспортировок — 25 октября в Лодзе; 8 ноября в Минск; и последний, 4 декабря в Ригу.⁸⁷ Согласно Гансу Келлеру*, место в эскорте еврейского транспорта считалось «престижным» из-за возможности попутешествовать и обычно занималось кем-то из малого числа «привилегированных».⁸⁸

Бруно Пробст, кто 8 ноября сопровождал транспорт в Минск, вспоминал:

«В Гамбурге евреям сказали, что им выделяют целое новое поселение на востоке. Их погрузили в обычные пассажирские вагоны ... вместе с двумя вагонами еды, инструментов, лопат, топоров, передвижной кухней и так далее. Для команды эскорта прицепили вагон второго класса. В вагонах с евреями охраны не было — поезд охранялся со обеих сторон лишь во время остановок. Сильно за полдень четыре дня спустя мы достигли Минска. О конечной цели нашей поездки узнали только в пути, когда проходили Варшаву. В Минске нас уже ждала команда СС. Евреев, снова без охраны, погрузили в ожидавшие их грузовики, а позволенный им в Гамбурге багаж остался в поезде. Им объявили, что тот последует за ними. После этого наша команда совместно с немецким батальоном (не резервным) расположилась в русских казармах. Рядом был лагерь евреев ... Из разговоров с членами вышеупомянутого батальона мы узнали об их участии в расстрелах евреев в Минске. Из этого мы заключили, что и евреи Гамбурга тоже будут расстреляны».

Командир эскорта лейтенант Хартвиг Гнаде, не желая оказаться привлечённым к такому, в бараках не остался. Вместо этого он со своими людьми вернулся на станцию и сел на поздний поезд из Минска.⁸⁹

Описаний транспортировки из Гамбурга в Ригу у нас нет, но рапорт

Салиттера об эскорте еврейского транспорта Полицией Порядка 11 декабря из Дюссельдорфа в Ригу предоставляет красочное доказательство, что там полицейские узнали примерно тоже самое, что и Гамбургские полицейские в Минске. Как отметил Салиттер:

«Население Риги составляло примерно 360 000 человек, включая около 35 000 евреев. Те доминировали в мире бизнеса. После ввода немецких войск, тем не менее, их бизнес был незамедлительно закрыт и конфискован. Самых евреев расположили в обнесённом колючей проволокой гетто около Дюны⁹⁰. Вроде как сейчас в гетто осталось лишь 2500 рабочих мужчин евреев. Остальных либо сослали на работы в похожие гетто, либо латвийцы их расстреляли ... Они (латвийцы) особенно ненавидят евреев. С самого момента освобождения и по сегодняшний день, они крайне активно участвовали в уничтожении этих паразитов. Однако, как мне удалось выяснить в одном разговоре с латвийскими железнодорожниками, для них оказалось выше понимания, почему немцы привозят евреев в Латвию, а не уничтожают их в своей стране».⁹¹

Полицейский Резервный Батальон 101 в июне 1942 г. отправили в очередную командировку в Польшу. К тому моменту в составе осталось лишь несколько унтер-офицеров присутствовавших на первой польской акции. А во второй акции в Вартегау участвовало меньше 20% членов батальона. Некоторые из них стали свидетелями, как они сказали, «перегибов» в Познани и Лодзе. Некоторые сопровождали один из транспортов с гамбургскими евреями на пути в Лодзь, Минск или Ригу. В последних двух местах, как мы видели, было сложно не узнать что-нибудь о массовых убийствах евреев в СССР. Но по большей части, Полицейский Резервный Батальон 101 теперь состоял из людей без какого-либо опыта работы на оккупированных немцами территориях в восточной Европе или, если на то пошло — за исключением нескольких совсем старых ветеранов Первой Мировой — без какого-либо опыта военной службы вообще.

Кадрово батальон состоял из 11 офицеров, 5 гражданских администраторов (заведующие финансовыми делами вроде выплат, провизии, расквартировками и так далее), 486 рядовых и унтер-офицеров.⁹² В последнюю минуту для достижения полной численности батальона, контингент доукомплектовали отрядами из близлежащих Вильгельмсхафена и Рендсбурга (Шлезвиг-Гольштейн), а так же из далёкого Люксембурга. Но

всё же большинство призванных жили и росли в Гамбурге или его округах. Гамбургский «элемент» был настолько выделяющимся, что чужими себя чувствовали не только люксембуржцы, но и отряды из Вильгельмсхафена и Рендсбурга.⁹³

Батальон разделили на три роты, каждая примерно по 140 человек в полном составе. Двумя ротами командовали капитаны полиции, третьим старший лейтенант запаса в батальоне. Каждую роту поделили на три взвода. Двумя командовали лейтенанты запаса, третьими старшие сержанты взводов. Каждый взвод был разделен на четыре отряда под руководством сержантов или капралов. Рядовых экипировали карабинами, унтер-офицеров пистолетами-пулемётами. К каждой роте прикрепили отделение тяжёлых пулемётов. Помимо пяти гражданских администраторов Персонал штаба батальона включал в себя доктора и его помощника, а так же водителей, клерков и специалистов по связи.

Командовал батальоном майор Вильгельм Трапп, пятьдесят три года, ветеран Первой Мировой с Железным Крестом первого класса. После войны он устроился в полицию и поднялся по карьерной лестнице. Его недавно повысили из капитана второй роты, так что это был его первый опыт командования батальоном. Из-за раннего вступления в нацистскую партию в декабре 1942 г. Трапп технически мог бы считаться «старым бойцом партии» [Alter Kämpfer], но в СС его никогда не принимали и равноценное звание СС не давали, даже несмотря на постоянные попытки Гимmlера и Гейдриха по слиянию и переплетению государственных, партийных элементов СС и полицейской империи. Трапп явно не считался подходящим материалом для СС. Быстро развился конфликт между ним и его двумя капитанами, молодыми членами СС, которые даже двадцать лет спустя в своих показаниях не пытались скрыть своё презрение к командиру как к слабому, невоенному и неправоммерно встречающему в дела его офицеров.⁹⁴

Два капитана полиции, имевшие так же равноценное звание гауптштурмфюреров СС, были молодыми людьми на своём третьем десятке лет.

Вольфганг Хоффман, родился в 1914 г., в 1930-м в возрасте шестнадцати лет вступил в Национал-Социалистический союз школьников [NS-Schülerbund, в 1932-м в восемнадцать в гитлерюгенд [Hitler Youth], и годом спустя в СС. Все это ещё до его выпуска из *Гимназиума* (старшая школа для подготовки к колледжу) в 1934 г. На службу в полицию Бреслау [Wrocław] поступил в 1936-м, а в 1937-м зачислился в Нацистскую Партию.

В том же году он окончил офицерскую подготовку и получил звание лейтенанта Полиции Охраны. Весной 1942-го присоединился к Полицейскому Резервному Батальону 101. В июне в возрасте двадцати восьми повышен до звания капитана.⁹⁵ Командовал третьей ротой.

Юлиус Волауф. Родился в 1913 г. Окончил Гимназиум в 1932-м. В апреле 1933-го вступил в Нацистскую Партию и Штурмовые Отряды⁹⁶. В 1936-м был принят в СС и начал свою офицерскую подготовку. Получил звание лейтенанта Полиции Охраны в 1938 г. Ранним 1942-м точно так же был прикреплен к Полицейскому Батальону 101 и в июне повышен до капитана, прямо перед отправкой в Польшу.⁹⁷ Командовал первой ротой и служил Траппу заместителем командира батальона. В отличии от пожилого Траппа, Хоффман и Волауф представляли собой именно тот идеальный образ молодого, образованного и профессионального офицера полиции, яркого сторонника нацизма и СС, который Гиммлер и Гейдрих видели в качестве идеала для полиции и СС.

Адъютантом Траппа стал старший лейтенант Хаген*, о котором мало что известно, кроме того, что он был убит весной 1943 г. Помимо них батальон насчитывал семь лейтенантов запаса. Все без профессиональной полицейской подготовки как Хоффман или Волауф, но из-за своего образования, успехов в гражданской жизни и принадлежности к среднему классу, получившие подготовку офицеров во время призыва в Полицию Порядка. От старшего к младшему:

Хартвиг Гнаде, 1984 года, экспедитор и член нацистской партии с 1937-го, командир второй роты.

Пол Бренд*, 1902 года рождения.

Хайнц Бухман*, 1904 года, владелец семейного лесозаготовочного бизнеса. Член партии с 1937-го.

Оскар Питерс*, 1905 года.

Уолтер Хоппнер*, 1908 года, импортёр чая. Кратко являлся членом партии в 1930, полноценно вступил весной 1933 г.

Ганс Шир*, 1908 года, член партии с мая 1933 г.

Курт Дракер*, 1909 года, продавец и член партии с 1939 г.⁹⁸

Таким образом, их возраст варьируется от тридцати трёх до сорока восьми. Пятеро членов партии, но никого из СС.

По имеющейся у нас информации, из тридцати двух унтер-офицеров,

двадцать два состояло в партии и семеро в СС. Их возраст от двадцати семи до сорока лет; в среднем тридцать три с половиной. В запасе не числились, поступили на службу в полицию перед войной.

Подавляющее большинство рядовых родом из Гамбурга или его окрестностей. Около 63% из рабочего класса, некоторые являлись квалифицированными рабочими. Большинство выполняло типичные для рабочего класса Гамбурга работы: много работников доков и водителей грузовиков, а так же кладовщиков и строителей, механизаторов, моряков и официантов. Около 35% принадлежало к нижней черте среднего класса, буквально все — белые воротнички. Три четверти из них работали в сфере продаж, четверть выполняла ту или иную офисную работу в государственном или частном секторах. Бизнесменов или индивидуальных ремесленников было очень мало. Лишь 2% принадлежало к профессионалам среднего класса, да и те были учителями или аптекарями. Их средний возраст — 39 лет. Больше половины возрастом между тридцатью семью и сорока двумя годами — эта возрастная группа считалась слишком старой для армии, но после сентября 1939-го часто призывалась на службу полиции резерва.⁹⁹

Среди рядовых, около 25% (43 из выборки в 174) имели членство в партии. Шестеро были «старыми бойцами» [Alte Kämpfer] — вступили в партию ещё до прихода Гитлера к власти. Шестеро вступили в 1933-м. Несмотря на внутренний запрет на вступление (1933-1937), шестеро корабельных рабочих приняты в секцию партии для членов живущих за границей. В 1937-м, когда запрет отменили, вступили шестнадцать. Оставшиеся девять вступили в 1939-м или позже. Среди людей нижней границы среднего класса партийных членов, в сравнении с рабочим классом (25%) было лишь немногим больше (30%).¹⁰⁰

Члены Полицейского Резервного Батальона 101 принадлежали к низам немецкого общества. Не знали ни экономической, ни географической мобильности. Очень немногие имели экономическую независимость. Не считая обучения на подмастерье или профессиональных подготовок, буквально никто не получал образование после окончания средней школы (Volksschule — 9 классов) в 14 или 15 лет. К 1942-му удивительно высокий процент из них вступил в партию. Проводившие допрос не сохраняли подобных данных, поэтому мы не знаем сколько из них до 1933 г. было коммунистом, социалистом и/или членом профсоюза, но предположительно немало, учитывая их социальное происхождение. Из-за возраста, конечно же, все сформировались как личности ещё до нацистского режима. Это были

люди, знавшие существовании политики, стандартов и моральных норм помимо нацистских. Большинство пришло из Гамбурга, имевшего репутацию наименее «нацифицированного» города в Германии, и большинство из социального класса, который по своей политической культуре являлся антинацистским. Сложно назвать подобную группу людей перспективной для набора массовых убийц для имплементации нацистского видения свободной от евреев расовой утопии.

Глава 6

Прибытие в Польшу

Где-то летом 1941 г. во время чисток советских евреев, Гиммлер поведал Руководителю Полиции и СС в Люблино Одило Глобочнику намерение Гитлера уничтожить евреев в Европе. Более того, Гиммлер поставил Глобочника во главе самой главной части «Окончательного Решения Еврейского Вопросы в Европе» — уничтожение евреев в Генерал-губернаторстве, где проживало большинство евреев Польши. Был необходим более эффективный метод уничтожения европейских евреев, чем применяемый против евреев СССР расстрел. Метод более эффективный, менее публичный и не так психологически давящий на убийц.

Организационным и технологическим ответом на подобный запрос стали лагеря смерти. В них следовало переправлять жертв, где в относительной секретности их бы травили газом. Благодаря конвейерной организации процесса требовалось очень небольшое количество работников, большинство из которых набиралось бы из самих заключённых. Подготовка началось осенью 1941 г. в трёх локациях: Освенциме-Биркенау около Катовице [Katowice] в Силезии, Хелмно [Chełmno] около Лодзе в Вартегау (оба лагеря на включённых в Германию территориях) и Белжеце в Люблине — в округе под контролем Глобочника. Массовые казни газом запустили в Хелмно ранним декабрём 1941-го и в Биркенау в середине февраля 1942-го.¹⁰¹ Лагерь Глобочника в Белжеце не начал свою работу до середины марта 1942 г.

Перед Глобочником стояла задача огромного масштаба, но для её выполнения ему не дали практически никаких ресурсов. Ему удалось привлечь персонал «программы по эвтаназии» в Германии для экспертизы и помощи в строительстве и управлении центра по уничтожению в Белжеце,

но это была всего горстка людей, численностью менее сотни. С таким количеством рабочей силы нельзя было оперировать даже одним лагерем смерти, однако Глобочник построит ещё два — в Собиборе и Трешлинке. Но самой большой проблемой стала не организация лагерей смерти, а острая нехватка рабочей силы для зачисток гетто — для захвата жертв и загона их в поезда смерти. В одном только округе Люблина было около 300 000 евреев, во всем Генерал-губернаторстве около 2 000 000!

В критичном для неё 1942 году судьба немецкой армии висела на волоске, где же были взяты люди для такой невероятной логистической задачи? На самом деле кроме как задачи, Гиммлер не дал Глобочнику практически ничего, так что ему приходилось импровизировать.

Из своих собственных ресурсов он создаст «частные» армии и приложит всю изобретательность для выполнения доверенной ему Гиммлером задачи. Под управлением своего заместителя и соотечественника австрийца Германа Хёфле он сформировал специальный штаб по координации кампании массовых убийств против польских евреев — названной Операция «Рейнхард» в честь убитого в июне 1942 г. в Чехословакии Рейнхарда Гейдриха. Ключевые лица этого штаба включали в себя: ответственных за центры уничтожения Кристиана Вирта и его адъютанта Джозефа Оберхаузера [Josef Oberhauser]; ответственного за поступающий транспорт Гельмута Поле [Helmuth Pohl]; ответственных за надзор и часто персональное руководство операциями в полевых условиях Джорджа Микаэльсена [Georg Michalsen], Курта Клаасена [Kurt Claasen]; и ещё одного австрийца Эрнеста Лерха [Ernst Lerch], ответственного за сбор, сортировку и утилизацию собственности евреев в лагерях смерти и зачищенных гетто.

Как Руководитель СС и Полиции округа Люблина, Глобочник был ответственен за координацию всех совместных действий различных подразделений СС. Таким образом сеть сил СС, пусть и тонко рассеянная по всему округу Люблина, была в его распоряжении. Самое главное — это включало в себя две ветви и различные подразделения Полиции Безопасности (Гестапо и Крипо) с одной стороны, и различные подразделения Полиции Порядка с другой. Помимо главного штаба в Люблине, Полиция Безопасности в округе имела ещё четыре офиса. Каждый содержал в себе отдел Гестапо по «еврейским делам».

Наличие Полиции Порядка проявлялось тремя путями. В первом, каждый из крупных городов округа Люблина имел отделения Полиции

Охраны, в чьи обязанности входил надзор за польской муниципальной полицией. Во втором, по городам и сельской местности были разбросаны небольшие подразделения Жандармерии. И наконец, в округе Люблина дислоцировались три батальона Полиции Порядка. Местные силы Полиции Безопасности, Полиции Порядка и Жандармерии предоставляли небольшое количество полицейских, знакомых с ситуацией на месте. Самой большой силой на которую мог бы опираться Глобочник являлись три батальона Полиции Порядка — в сумме 1 500 человек — хоть и незаменимые, но недостаточные для его нужд.

Глобочник так же использовал два других источника рабочей силы. Первым стали состоявшие из небольших отрядов этнических немцев спецслужбы [Sonderdienst], мобилизованные и обученные после немецких завоеваний и летом 1940 года переданные под управление главам гражданской администрации каждого из районов округа.¹⁰² Вторым, и намного более важным, были так называемые Травники. Не видя возможности утолить потребность в людских ресурсах с помощью местных, Глобочнику удалось убедить Гимmlера набирать вспомогательные непольские подразделения с пограничных советских территорий. Для этой части подготовки к операции «Рейнхард» Глобочника ключевым являлся сотрудник Карл Штрейбель — он со своими людьми посещал лагеря военнопленных и вербовал украинских, латвийских и литовских «добровольцев» (Hilfswillige, далее Хиви). Их отбирали на основе проверки на антикоммунистические (и следовательно антисемитские) настроения, предоставляли возможность избежать риска голодной смерти, обещали не использовать их в боях против советской армии. Эти «добровольцы» для тренировки отправлялись в лагеря СС в Травники, где их формировали в отряды по национальному признаку, а затем передавали под командование офицерам СС и этническим немцам унтер-офицерам. Таким образом, Полиция Порядка стала первым источником рабочей силы, а второй стали Хиви и этнические немцы. Вместе они покрывали большую часть нужд в людских ресурсах личных армий Глобочника для зачисток гетто.

Первая убийственная атака против евреев Люблина началась в середине марта 1942 г. и продолжалась до середины апреля. Депортацией в лагерь смерти Белжец, либо расстрелом на месте было убито около 90% из 40 000 жителей. Ещё 11 000 или 12 000 евреев отправили в Белжец из близлежащих городов Избица [Izbica], Пяски [Piaski], Любартов [Lubartów], Замосць [Zamość] и Красник [Krasnik]. В тот же период, из соседнего округа Галиции к востоку от Люблина, в Белжец депортировали около 36 000

евреев.

С середины апреля и до конца мая операции в Белжеце приостановили на время строительства — приняли решение снести маленькое деревянное строение с тремя камерами и построить большое каменное с шестью. Когда в конце мая операции по убийству возобновились, лагерь в основном получал жертв не из самого округа Люблина, а депортированных евреев из соседнего округа Кракова к западу.

Собибор же — второй лагерь смерти Глобочника — начал свою работу уже в начале мая. Шесть недель он получал депортированных из районов Люблина: Замосць, Пулавы [Puławy], Красныстав [Krasnystaw] и Хелм [Chełm]. К 18 июня, едва ли спустя три месяца после первой поставки, было убито уже около 100 000 евреев из округа Люблина, совместно с 65 000 из Кракова и Галиции. Большинство погибло в газовых камерах Белжеца и Собибора.¹⁰³

Депортация в лагеря смерти являлась лишь частью обширной операции по «переселению» евреев центральной Европы. Одновременно с отправкой польских евреев в лагеря смерти, в округ Люблина прибывали нагруженные евреями поезда из Германии, Австрии, Протектората (Богемия и Моравия, Чехия) и Словакии. Некоторые из этих поездов, к примеру, поезд из Вены 14 июня, что охранялся лейтенантом Фишманном, направлялся напрямую в Собибор. Другие, однако, разгружались в различных гетто, где иностранные евреи временно занимали места недавно убитых.

19 июня эта перетасовка евреев, а так же массовые убийства в Белжеце и Собиборе, временно приостановились, когда недостаток подвижных составов и поездов на двадцать дней остановил транспортировку евреев в Генерал-губернаторстве.¹⁰⁴ 9 июля возобновилось движение, в количестве двух поездов в неделю, из округа Кракова в Белжец, а 22 июля стартовал постоянный поток транспорта из Варшавы в недавно открытый лагерь смерти Треблинка. Однако главная железная дорога в Собибор находилась на ремонте, поэтому до осени этот лагерь смерти был практически недоступен. Таким образом, депортации в лагеря смерти в самом Люблине не возобновлялись до раннего июля.

Именно во время этого навязанного обстоятельствами затишья в Окончательном Решении в Генерал-губернаторстве Полицейский Резервный Батальон 101 и прибыл в округ Люблина. 20 июня 1942 г. батальон получил приказы для «специальной операции» в Польше.¹⁰⁵ Природа этой «специальной операции» не разъяснялась в письменной форме

приказа, однако людям дали понять, что они будут выполнять обязанность по охране. Нет абсолютно никаких намёков на то, что хотя бы офицеры подозревали о настоящем характере возложенной на них работы.

Батальон погрузился в поезда на той же железнодорожной станции Штерншанце,¹⁰⁶ где предыдущей осенью часть батальона участвовала в отправке гамбургских евреев на восток. 25 июня они прибыли в польский город Замосць в южной части округа Люблина. Пять дней спустя штаб батальона переместился в Билгорай и отделения батальона быстро распределились по близлежащим городам: Фрамполь [Frampol], Тарногруд [Tarnogród], Улянув [Ulanów], Туробин [Turobin], Высоке [Wysokie] и немного отдалённый Закшув [Zakrzów].¹⁰⁷

Несмотря на временное затишье в убийствах, Руководитель СС и Полиции Одило Глобочник и члены его операции «Рейнхард» не собирались позволять новоприбывшему полицейскому батальону оставаться в стороне от действий против люблинских евреев. Процесс сбора жертв в транзитные гетто должен был продолжаться, даже если сами убийства нельзя было осуществить. Для большинства полицейских Батальона 101 тяжёлые воспоминания о последующих событиях в Юзефове затмили произошедшее ранее во время четырёхнедельного пребывания батальона к югу от Люблина. Однако несколько из них всё же вспомнили о своём участии в сборе евреев в малых поселениях и перевозке их в гетто и лагеря. В одних случаях, захватывались только так называемые «рабочие-евреи». Они погружались в грузовики и отправлялись в лагеря под Люблином. В других, собиралось всё еврейское население, погружалось на грузовики или отправлялось пешком. Иногда на их место собирали и переселяли евреев из близлежащих малых деревень. Все эти действия не включали в себя массовые казни, хотя слабые, старые или больные евреи иногда расстреливались. Люди абсолютно запутались из каких городов они депортировали, а в какие переселяли — такие названия как Избица или Пяски никто не вспомнил, хотя это были два крупных «транзитных» гетто для сбора евреев к югу от Люблина.¹⁰⁸

Судя по всему, Глобочник потерял терпение с этой консолидацией и решил поэкспериментировать с возобновлением убийств. Так как депортация в лагеря смерти на тот момент была недоступна, потенциальной альтернативой казалась массовая казнь расстрелом. Полицейский Резервный Батальон 101 стал отрядом для тестирования такой возможности.

Глава 7

Посвящение в массовые убийцы: Резня в Юзефове

Возможно 11 июля Глобочник или кто-то из его подчинённых связался с майором Траппом и уведомил его о задаче для Полицейского Батальона 101 — захватить 1 800 евреев. Целью стала деревня примерно в тридцати километрах к юго-востоку от Билгорая. В этот раз, однако, переселять никого не требовалось — в лагерь Глобочника в Люблине следовало отправить лишь мужчин рабочего возраста. Женщин же, стариков и детей надо было просто расстрелять на месте.

Трапп созвал расположенные в ближайших городах подразделения. 12 июля батальон собрался в Билгорае за двумя исключениями: третий взвод третьей роты, включая капитана Хоффмана, расположенный в Закшуве, а так же несколько членов первой роты уже находящихся в Юзефове. Трапп встретился с командирами первой и второй рот — капитаном Волауфом и лейтенантом Гнаде — и проинформировал их о задаче на завтрашний день.¹⁰⁹ Исходя из того, что лейтенант Хайнц Бухман узнал о конкретных деталях предстоящего задания тем же вечером, адъютант Траппа старший лейтенант Хаген должно быть известил остальных офицеров батальона.

Бухман, на тот момент тридцати восьми летний, был главой семейного лесозаготовочного бизнеса в Гамбурге. Вступил в партию в мае 1937-го. Призван в Полицию Порядка в 1939 г., служил водителем в Польше. Летом 1940-го подал прошение об отставке, но вместо этого его послали проходить офицерскую подготовку и повысили до лейтенанта запаса в ноябре 1941 г., а в 1942-м он получил командование первым взводом первой роты.

Узнав о неизбежной резне, Бухман совершенно чётко дал понять Хагену, что как бизнесмен Гамбурга и лейтенант запаса, он «ни в каком случае не будет участвовать в деле, в котором расстреливают беззащитных женщин и детей» и попросил другое задание.¹¹⁰ Хаген сделал Бухмана ответственным за эскорт «рабочих-евреев», отобранных на отправку в Люблин. Его капитан роты Волауф знал о назначении Бухмана, но не причину почему он его получил.¹¹¹

Рядовых официально ни о чём не оповещали, кроме как о том, что им в полном составе батальона предстоит рано утром подняться для большой операции, но до некоторых дошли слухи о грядущем. Капитан Волауф

рассказал своей группе, что завтра их ожидает «крайне интересная задача». ¹¹² Другому человеку, который жаловался, что его оставили охранять бараки, ротный адъютант сказал: «Радуйся что тебе не надо идти. Увидишь, что произойдёт». ¹¹³ Сержант Генрих Штайнмец* предупредил свой третий взвод второй роты, что «он не хочет видеть трусов». ¹¹⁴ Выдали дополнительную амуницию. ¹¹⁵ Один полицейский рассказывал, что его отряду выдали плети. Это привело к слухам о «еврейском деле» [Judenaktion] ¹¹⁶. Никто другой, правда, о плетях не вспоминал.

Около 2 часов утра конвой грузовиков отправился из Билгорая и прибыл в Юзефув прямо на рассвете. Трапп собрал людей полукругом и выступил с речью. После объяснения батальону задачи по убийству, он сделал своё экстраординарное предложение: если кто-то из старших людей не чувствуют себя готовым к такому, он может отказаться, а его место займут другие. Трапп прервался. После небольшой паузы, один человек из третьей роты — Отто Юлиус Шимке* — вышел вперёд. Капитан Хоффман, прибывший в Юзефув напрямик из Закшува вместе с третьим взводом третьей роты и не участвовавший днём ранее во встрече офицеров в Билгорае, пришёл в ярость из-за того, что один из его людей стал первым отказником. Хоффман стал ругать Шимке, но Трапп осадил его. После того как Трапп взял Шимке под свою защиту, вперёд вышло ещё десять или двенадцать человек. Они сдали винтовки и получили приказ ожидать дальнейших распоряжений от майора. ¹¹⁷

Трапп созвал ротных командиров и дал каждому своё задание. Приказы первой роте передавал старший сержант Каммер, Гнаде второй и Хоффман третьей. Два взвода третьей роты должны были окружить деревню. ¹¹⁸ Они получили прямой приказ расстреливать всех, кто пытался бежать. Остальным предстояло собрать евреев и отвести на рынок. Все, кто был слишком болен или слаб для отправки на рынок, младенцы, а так же все, кто оказывал сопротивление или пытался скрыться, подлежали расстрелу на месте. После этого части первой роты предстояло вывести отобранных на рынке «рабочих-евреев», пока остальная первая рота отправлялась в лес для формирования расстрельных команд. Второй роте вместе с третьим взводом третьей роты поручили погрузку евреев в грузовики и отправку их с рынка в лес. ¹¹⁹

Распределив задачи, Трапп провёл большую часть дня в городе — либо в школе, превращённой в его штаб, в доме священника или мэра, на рынке или на дороге в лес. ¹²⁰ Но в сам лес он не ходил, расстрелов не видел, и его отсутствие там было подозрительным. Как горько прокомментировал один

полицейский: «Майор там никогда не был. Вместо этого он сидел в Юзефуве, потому что якобы не мог вынести зрелища. Мы были расстроены этим, ведь для нас это тоже было невыносимо».¹²¹

Действительно, беспокойность Траппа не была ни для кого секретом. Один полицейский вспоминал, как Трапп на рынке сказал, кладя руку на сердце: «О, Боже, почему мне дали такие приказы».¹²² Другой полицейский видел его в школе: «И сегодня я все ещё могу видеть перед своими глазами майора Траппа в той комнате, ходящего туда сюда с руками у себя за спиной. Он выглядел подавленным и поговорил со мной. Он сказал что-то вроде: „Мужик ... такая работа не по мне. Но приказ есть приказ“».¹²³ Другой человек ярко запомнил «как Трапп, наконец оставшись один в нашей комнате, сел на стул и горько заплакал. Слезы текли рекой».¹²⁴ Другой так же видел Траппа в штабе: «Майор Трапп возбуждено бегал вокруг, а затем резко встал как кол передо мной, уставился на меня и спросил, если я согласен с этим. Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал: „Нет, Герр Майор!“ Он снова начал бегать кругами и плакать как дитя».¹²⁵ Помощник доктора застал Траппа плачущим на пути с рынка в лес и спросил может ли он как-то помочь: «Он ответил мне в духе того, что всё просто очень ужасно»¹²⁶. Касаясь Юзефува, Трапп потом поведал своему водителю: «Если за это дело с евреями когда-нибудь придёт месть, то смилуйтесь над нами, немцами».¹²⁷

Пока Трапп рыдал и жаловался на приказы, его люди продолжали выполнять поставленную задачу. Унтер-офицеры выделили часть людей на поисковые команды по два, три или четыре человека и отправили их в еврейскую часть Юзефува. Другим же приказали охранять рынок и ведущие к нему улицы. Евреев вытаскивали из их домов, недееспособных расстреливали, воздух наполнился криками и звуком выстрелов. Как отметил один полицейский, город был маленький и всё было слышно.¹²⁸ Многие полицейские указывали, что во время поисков видели трупы расстрелянных, но только двое признались в стрельбе.¹²⁹ И снова, некоторые полицейские рассказывали, что слышали о том, как в еврейском «госпитале» или «доме для стариков» всех пациентов расстреливали на месте, но никто не признался, что участвовал или видел это своими глазами.¹³⁰

Больше всего расхождений вызывает вопрос о реакции людей на расстрел младенцев. Некоторые заявляли, что их расстреливали вместе с больными и стариками и оставляли лежать в домах, проходах и улицах.¹³¹ Другие, однако, специально подчёркивали, что в первых операциях по типу этой, во время чисток и обысков расстрела младенцев люди ещё избегали. Один полицейский эмпатично заметил: «среди расстрелянных в нашей

секции города евреев не было младенцев или маленьких детей. Я хотел бы сказать, что по молчаливому согласию, но все воздерживались от стрельбы по детям и младенцам». Позже в Юзефуве он наблюдал: «Даже перед лицом смерти еврейские матери не расставались с детьми. Поэтому мы позволяли им брать их с собой на рынок». ¹³² Другой полицейский сделал схожее замечание: «практически все люди молчаливо избегали стрельбы по маленьким детям и младенцам. Всё утро я наблюдал, как многие уводимые женщины либо держали детей на руках, либо вели их». ¹³³ Согласно обоим свидетелям, никто из офицеров не вмешивался, когда младенцев приносили на рынок. Ещё один полицейский, однако, вспоминал, что после зачистки его отряд (третий взвод, третья рота) подвергся упрекам со стороны капитана Хоффмана: «Мы действуем недостаточно энергично». ¹³⁴

Когда облава уже подходила к концу, членов первой роты отозвали и дали быстрый урок об ожидающей их отвратительной задаче. Их инструктировали доктор батальона и старший сержант роты. Один музыкально одарённый полицейский, часто играющий на скрипке вместе с доктором, играющим «замечательный аккордеон», вспоминал:

«Я думаю, что при этом присутствовали все офицеры батальона, в частности наш батальонный медик доктор Шенфельдер*. Ему пришлось объяснять нам, как именно следует стрелять для немедленной смерти жертвы. Я чётко помню, как для демонстрации он нарисовал контур человеческого тела, как минимум от плеч и выше, а затем указал точку, куда надо было приставить штык в качестве помощи в прицеливании». ¹³⁵

После получения инструкций и отправки первой роты в лес, адъютант Траппа, Хаген, председательствовал в отборе «рабочих-евреев». Глава местной лесопилки уже передал Траппу список из двадцати пяти работавших на него евреев. Трапп разрешил их отпустить. ¹³⁶ Хаген искал ремесленников и здоровых мужчин при помощи переводчика. Возникли волнения, потому как около 300 рабочих оказались разделены со своими семьями. ¹³⁷ Ещё до их отправки с рынка из леса стали слышны первые выстрелы. «После первого залпа мрачное волнение поселилось среди этих ремесленников, некоторые мужчины бросились на землю в слезах ... в этот момент им стало ясно, что оставленные семьи подвергались расстрелу». ¹³⁸

Лейтенант Бухман и люксембуржцы первой роты несколько километров вели рабочих до погрузочной железнодорожной станции округа,

где их уже ожидали несколько вагонов, включая пассажирский. «Рабочие-евреи» вместе с охраной поездом отправились в Люблин, где Бухман доставил их в лагерь. Согласно Бухману, он привёл их не в печально известный концентрационный лагерь в Майданеке, а в другой. Евреев там не ожидали, но администрация лагеря с радостью их приняла. Тем же днём Бухман и его люди вернулись в Билгорай.¹³⁹

Тем временем старший сержант Каммер повёл первый контингент стрелков первой роты в лес за несколько километров от Юзефува. Грузовики остановились у опушки на просёлочной дороге, где та уходила в лес. Люди разгрузились и стали ждать.

Когда прибыл первый грузовик с 35-40 евреями, равное количество полицейских вышло вперёд и *лицом к лицу* встали парами вместе со своими жертвами. Ведомые Каммером полицейские и евреи пошли вглубь леса. Они свернули с дороги в месте, отмеченным Волауфом, который весь день до этого занимался поиском подходящих для казни точек. Каммер приказал евреям лечь в ряд и лицом вниз. Позади них встали полицейские, как ранее им показывали приставили штыки к хребту над лопатками, и, по приказу Каммера, дали залп в унисон.

В это время на опушку леса прибыло ещё больше полицейских первой роты для заполнения второй расстрельной команды. Как первая вышла из леса, вторая взяла своих жертв и пошла тем же путём вглубь. Чтобы новые жертвы не видели трупов предыдущих, Волауф выбрал место несколькими ярдами дальше. Евреев снова заставили лечь в ряд и лицом вниз. Повторилась процедура расстрела.

С этого момента «челночное движение» двух расстрельных команд «в» и «из» леса не прекращалось весь день. Не считая полуденного перерыва, когда кто-то «организовал» поставку алкоголя стрелкам, до темноты расстрелы не останавливались. К концу дня постоянных расстрелов, люди совершенно потеряли счёт убитым евреям. Словами одного полицейского, в любом случае, это «большое число».¹⁴⁰

Когда Трапп ранним утром делал своё предложение, настоящая природа действия только что стала ясна и было мало времени всё обдумать и среагировать. Лишь дюжина инстинктивно ухватила момент и вышла вперёд, сложила оружие и, таким образом, избавила себя от участия в последовавших убийствах. Вполне возможно тогда многие не осознали всю реальность происходящего, в частности того, что они сами могли оказаться в расстрельной команде. Но когда людей первой роты на рынке

проинструктировали о «выстреле в шею» и послали в лес убивать евреев, некоторые из них попытались воспользоваться упущенной ранее возможностью. Один полицейский хорошо знал старшего сержанта Каммера и подошёл к нему, признался, что находит задачу «отталкивающей» и попросил другую. Каммер согласился, назначив его в кордон на границу леса, где тот и оставался весь день.¹⁴¹ Получили обязанности по охране вдоль дороги и некоторые другие знавшие Каммера полицейские.¹⁴² После некоторого количества расстрелов, к Каммеру обратилась ещё одна группа и заявила, что продолжать больше не может. Он освободил их из расстрельной команды и назначил в сопровождение грузовиков.¹⁴³ Двое полицейских допустили ошибку, обратившись вместо Каммера к капитану (и гауптштурмфюреру СС) Волауфу. Они попытались сослаться на то, что они сами отцы с детьми и не способны продолжать. Волауф резко отказал им, намекнув, что они могут лечь рядом с жертвами. В полуденный перерыв, однако, Каммер освободил от обязанностей не только этих двух, но и несколько других старших мужчин — в компании унтер-офицера с рапортом для Траппа их отправили на рынок. Трапп отстранил их от участия в дальнейших работах и позволил пораньше вернуться в бараки Билгорая.¹⁴⁴

Некоторые полицейские не пытались искать понимания у старших по званию и искали другие способы уклониться. Унтер-офицера с пистолетом-пулемётом пришлось назначить на осуществление «выстрелов из жалости», «потому что из-за возбуждения, а также *намеренно* [выделено автором] некоторые полицейские стреляли мимо своих жертв».¹⁴⁵ Другие предприняли попытку уклониться ещё раньше. Во время операции по зачистке некоторые члены первой роты прятались в саду католического священника до тех пор, пока не испугались, что их отсутствие будет замечено. Вернувшись на рынок, для своего «алиби» они запрыгнули в грузовик, который отправлялся собирать евреев с окрестных деревень.¹⁴⁶ Некоторые, не желая участвовать в сборе евреев, просто ошивались на рынке.¹⁴⁷ Другие же наоборот, боясь быть назначенными в расстрельные команды и поэтому стараясь держаться подальше от рынка, проводили как можно больше времени обыскивая дома.¹⁴⁸ Прежде чем попросить освобождение от обязанностей, водитель, назначенный на перевозку евреев до леса, сделал лишь одну поездку. «Предположительно у него были слишком слабые нервы для отвоза евреев к месту расстрела», — прокомментировал человек, взявший на себя его обязанность по отправке евреев на смерть.¹⁴⁹

После ухода членов первой роты в лес, вторая рота осталась заканчивать облаву и погружать евреев в грузовики. С первым раздавшимся

из леса залпом по рынку пронёсся ужасный плач, когда евреи осознали свою судьбу.¹⁵⁰ После этого, однако, ими овладело молчаливое самообладание. Словами немецких свидетелей: «невероятное» и «потрясающее» самообладание.¹⁵¹

Если жертвы были спокойны, то немецкие офицеры становились всё более возбуждёнными, пока для них постепенно становилось ясно, что казнь протекает слишком медленно для её завершения за один день. «Постоянно шли толки вроде „это никогда не кончится!“ и „идёт слишком медленно!“».¹⁵² Трапп пришёл к решению и выдал новые приказы: третью роту отозвали с оцепления деревни и приказали занять охрану рынка; вторая рота лейтенанта Гнаде получила приказ присоединиться к расстрельным командам в лесу. Сержант Штайнмец ещё раз дал своим людям возможность отказаться, если они желают, но никто предложение не принял.¹⁵³

Лейтенант Гнаде разделил свою роту на две группы и отправил в разные сектора леса. Затем он нанёс визит первой роте Волауфа, дабы стать свидетелем демонстрации казни.¹⁵⁴ В тоже время лейтенант Шир и сержант Гергерт* повели первый взвод второй роты вместе с некоторыми людьми третьего взвода к месту казни в лесу. Шир разделил людей на четыре группы, назначил каждой свою зону для расстрела и послал их обратно за евреями для убийства. Прибыл лейтенант Гнаде и между ним и Широм возник возбуждённый спор — якобы людей недостаточно глубоко послали в лес.¹⁵⁵ К моменту, когда каждая из групп совершила два или три похода за евреями, Ширу стало очевидно, что процесс идёт слишком медленно, и он спросил совета у Гергерта. «Я затем сделал предложение», — вспоминал Гергерт, — «что для евреев будет достаточно лишь двоих сопровождающих из каждой группы, тогда как остальные стрелки могут сдвинуться к следующему месту расстрела и ожидать. Далее, эти места должны сдвигаться каждый раз ближе к точке сбора и лесной дороге. Мы так соответственно и поступили».¹⁵⁶ Предложение Гергерта заметно ускорило процесс убийства.

В отличие от первой роты, члены второй не получали инструкций о том как проводить расстрел и не использовали штыки в качестве помощи в прицеливании. Гергерт заметил, что было «значительное количество промахов, приведших к излишним ранениям жертв». Один из полицейских в отряде Гергерта тоже отметил сложности в прицеливании у людей: «Сначала мы стреляли с руки. Когда целились слишком высоко, весь череп взрывался. Повсюду разлетались кости и мозги. Чуть позже мы получили инструкцию приставлять штыки к шее».¹⁵⁷ Решением проблемы

использование штыков не стало, если верить Гергерту: «Из-за выстрелов в упор пуля часто попадала в череп под такой траекторией, что иногда целый череп, а иногда задняя его часть отрывались, и кровь, осколки костей и мозгов разлетались и пачкали стрелков».¹⁵⁸

Гергерт решительно подчёркивал, что никому в первом взводе до начала «акции» не предлагали отказаться от обязанностей, но с началом казней к нему или Ширу стали подходить люди, которые не могли стрелять в женщин или детей. Им раздавали другие обязанности, что было подтверждено одним из людей Гергерта.¹⁵⁹ «Во время казней распространился слух, что любой неспособный продолжать может доложить об этом». В продолжении тот заметил: «Я сам участвовал где-то в десяти расстрелах, пришлось стрелять и в мужчин, и в женщин. Я просто не мог больше стрелять в людей и из-за того что я раз за разом стрелял мимо, это стало очевидно моему сержанту Гергерту. По этой причине он снял меня с работы. Рано или поздно другие товарищи тоже снимались с неё, когда они просто переставали выносить происходящие».¹⁶⁰

В другую часть леса назначение получил второй взвод лейтенанта Дракера и большая часть третьего взвода сержанта Штайнмеца. Как и людей Ширы, их разделили в небольшие группы от пяти до восьми человек каждая, в отличие от больших групп от тридцати пяти до сорока первой роты Волауфа. Хотя людей проинструктировали приставлять стволы их карабинов к шейным позвонкам в основании шеи, расстрелы сначала производили без помощи штыков.¹⁶¹ Результат был ужасающим: «Стрелков покрывал отвратительный слой из крови, мозгов и обломков костей. Всё это висело на их одежде».¹⁶²

Разделив людей на группы стрелков, Дракер оставил где-то треть в резерве. В конце концов в расстрелах поучаствовали все, но идея была в частых отдыхах и «перекурах».¹⁶³ Люди не оставались в фиксированных группах из-за постоянных перемещений туда сюда — между местами казней в тернистом лесу и грузовиками.¹⁶⁴ Путаница давала возможность замедлить работу или вовсе избежать её. Те, кто торопился выполнить приказ застрелил намного больше евреев, чем те, кто всеми силами старался «не торопиться».¹⁶⁵ После двух казней один из полицейских просто «ускользнул» и остался с грузовиками на опушке.¹⁶⁶ Ещё один умудрился полностью пропустить свою очередь быть стрелком.

«Проблема лежала не в тех людях, кто не мог или не хотел своими руками

убивать других людей и кто избегал обязанностей. Не было никакого строгого контроля. Я поэтому остался около прибывающих грузовиков и занял себя делами. Во всяком случае, своей активности я придал именно такой вид. Неизбежно кто-то из моих товарищей замечал, что я не хожу на казни для расстрела жертв. В своём отвращении ко мне они обзывали меня разными словами вроде „говнюк“ или „слабак“. Но ни с какими последствиями для себя я не столкнулся. Должен отметить здесь, что я был не единственным уклоняющимся от казней».¹⁶⁷

Большая часть допрошенных людей, причастных к расстрелам в Юзефове, принадлежали к третьему взводу второй роты. Возможно с их помощью нам получится сложить наиболее чёткую картину эффекта казней, производимую на людей, а также процент отказников.

Ганс Деттельман*, сорокалетний парикмахер, прикреплен Дракером к расстрельной команде. «На первой же казни я не смог выстрелить в свою первую жертву, так что я слинял и попросил ... лейтенанта Дракера освободить меня». Деттельман сказал лейтенанту, что у него «очень слабый характер», и Дракер его отпустил.¹⁶⁸

Уолтер Нихаус*, бывший торговый представитель сигаретной компании Реемтсма [Reemtsma], получил для первой казни старую женщину. «После того как я застрелил старую женщину, я пошёл к Тони Бентхейму* (его сержанту) и сказал, что не могу выполнять дальнейшие экзекуции. Я не хотел больше участвовать в этом ... мои нервы были на пределе после одного этого расстрела».¹⁶⁹

Первой жертвой Августа Зорна* стал очень пожилой мужчина. Зорн* вспоминал, что тот:

« ... не мог поспевать за своими земляками, потому что постоянно падал и просто валялся. Снова и снова мне приходилось поднимать его и тащить вперёд. Так что мы дошли до места казни тогда, когда мои товарищи своих евреев уже застрелили. Увидев мёртвых земляков мой еврей кинулся на землю и остался лежать. Я вскинул мой карабин и застрелил его в затылок. Из-за жестокого обращения с евреями во время чисток города я уже был на нервах и полностью разбит, так что выстрелил слишком высоко. Вся задняя часть черепа моего еврея оторвалась и оголила мозг. Часть черепа отлетела в лицо сержанта Штайнмеца. Это был предлог, на котором вернувшись к грузовикам я обратился к старшему сержанту с просьбой об освобождении.

Мне стало так плохо, что я просто больше не мог. Старший сержант меня освободил». ¹⁷⁰

Джордж Кагелер*, тридцати семи летний портной, столкнулся с трудностями после первой стрельбы: «По возвращению после первой казни на точку разгрузки мне в качестве жертв выдали женщину с дочерью. Я поговорил с ними и узнал, что они немцы из Касселя, и я принял решение не участвовать в дальнейших казнях. Все это дело теперь казалось таким отвратительным, что я вернулся к командиру взвода и сказал ему, что я болен и должен быть освобождён от обязанностей». Кагелера послали охранять рынок. ¹⁷¹ Не были уникальными ни его разговор с жертвой перед казнью, ни его открытие, что это немецкие евреи в Юзефуве. Шимке — первый отказник — встретил евреев из Гамбурга на рынке. Другой полицейский тоже. ¹⁷² И ещё один вспомнил, что первый расстрелянный им еврей был награждён медалью в Первую Мировую ветераном из Бремена, тщетно молившим о пощаде. ¹⁷³

В прокуратуру Гамбурга неожиданно явился Франц Кастенбаум*, во время допросов до этого отрицавший любое своё знание об убийстве евреев в Польше. Он признался, что был членом расстрельной команды из семи или восьми человек. Эта команда уводила жертв в лес и стреляла в шею в упор. Процедура повторялась до четвёртой жертвы.

«Для меня была настолько отвратительна стрельба по людям, что я промазал по четвёртому. Просто невозможно было нормально прицелиться. Внезапно я почувствовал тошноту и убежал с места казни. Я неправильно выразился. Не то чтобы у меня были проблемы с прицеливанием — в четвёртый раз я промазал намеренно. Затем я убежал в лес, где меня стошнило, и сел под деревом. Дабы убедиться что я один — я хотел побыть один — я громко крикнул. Сейчас я могу сказать, что мои нервы были на пределе. Думаю, я пробыл один в лесу два или три часа».

Кастенбаум вернулся на опушку и отвёз пустой грузовик на рынок. Никаких последствий для него не наступило, а его отсутствие не заметили из-за путаницы. Он пришел сделать заявление, объяснил он адвокату по расследованию, потому что скрывая расстрелы, ему не удалось найти мира. ¹⁷⁴

Большинство из тех, кто не выносил расстрелов уходили быстро.¹⁷⁵ Но не всегда. Члены одной команды попросили освобождения от обязанности лишь после того как убили десять или двадцать евреев каждый. Как один из них объяснил: «Причина по которой я попросил освобождения состоит в том, что человек рядом со мной стрелял просто ужасно. Судя по всему, он всегда целился слишком высоко, нанося ужасные ранения своим жертвам. Во многих случаях отрывалась вся задняя часть черепа, мозги разлетались повсюду. Я просто не мог больше на это смотреть».¹⁷⁶ В зоне разгрузки сержант Бентхейм наблюдал выходящих из леса людей — трясущихся, покрытых кровью и мозгами, на нервах и с потрясённым боевым духом. Он советовал желающим отказаться просто «улизнуть» на рынок.¹⁷⁷ Как результат, там постоянно росло количество полицейских.¹⁷⁸

Что касается первой роты под командованием Дракера и Штайнмеца, то там полицейские получили доступ к алкоголю и остались в лесу заниматься расстрелами.¹⁷⁹ Темнота постепенно покрывала этот длинный летний день, убийственная миссия никак не завершалась, а стрельба становилась всё менее организованной и всё более суматошной.¹⁸⁰ Лес настолько переполнился телами, что стало сложно найти куда положить евреев.¹⁸¹ Примерно спустя семнадцать часов после прибытия Полицейского Резервного Батальона 101 на окраину Юзефуба, когда около девяти вечера наступила темнота и последний еврей был убит, люди вернулись на рынок и подготовились к возвращению в Билгорай.¹⁸² Планов по захоронению не было — тела мёртвых евреев просто оставили лежать в лесу. Официально ни одежда, ни ценности не собирались, хотя некоторые полицейские обогатили себя часами, украшениями и деньгами жертв.¹⁸³ Кучу багажа евреев, который их заставили бросить на рынке, сожгли.¹⁸⁴ Перед тем как полицейские погрузились в грузовики и покинули Юзефув, появилась десятилетняя девочка, из головы у неё шла кровь. Её привели к Траппу, который взял её на руки и сказал: «Ты должна остаться в живых».¹⁸⁵

В бараки Билгорая люди вернулись подавленные, разозлённые, ожесточённые и потрясённые.¹⁸⁶ Мало ели и много пили. Алкоголь поставлялся щедро, многие полицейские сильно напились. Трапп устроил обход, пытаясь утешить и подбодрить их, снова перекидывая ответственность на высшие чины.¹⁸⁷ Но ни выпивка, ни утешения Траппа не могли смыть переполнявшие барак чувства позора и ужаса. Трапп попросил людей не говорить о случившемся¹⁸⁸, но их и не нужно было — кто не был в лесу не хотели знать больше, а кто был желания говорить не имели.¹⁸⁹ Резню в Юзефубе по молчаливому согласию в Полицейском Резервном Батальоне

101 просто не обсуждали. «Вся тема была табу».¹⁹⁰ Но сдержанность днём не спасала от ночных кошмаров — первой же ночью после Юзефува, один полицейский проснулся, стреляя из своего оружия в потолок барака.¹⁹¹

Несколько дней спустя Юзефува батальону кажется чудом удалось избежать участия в ещё одной бойне. Отряды первой и второй рот под командованием Траппа и Волауфа вошли в Александрув [Aleksandrów] — так называемая уличная деревня, состоявшая из растянутых вдоль дороги домов в двенадцати километрах к западу от Юзефува. Там они захватили небольшое количество евреев. И те, и полицейские опасались, что очередная резня неизбежна. После небольшой заминки операцию, однако, прекратили, и Трапп разрешил евреям вернуться в свои дома. Один полицейский хорошо запомнил «как отдельные евреи падали на колени перед Траппом, пытаюсь поцеловать его руки и ноги. Трапп, однако, не разрешал подобного и отвернулся». Полицейские вернулись в Билгорай без объяснения этому странному событию.¹⁹² 20 июля — ровно месяц после их отправки из Гамбурга и спустя неделю после резни в Юзефуве — Полицейский Резервный Батальон 101 покинул Билгорай для передислокации в северный сектор округа Люблина.

Глава 8

Размышления о резне

В Юзефуве лишь дюжина людей из пяти сотен инстинктивно приняла предложение Траппа не участвовать в предстоящей резне и вышла вперёд. Почему оказалось столь малым число людей, с самого начала заявивших о своём нежелании участвовать в расстрелах? Отчасти объяснение лежит во внезапности — не было предупреждения и времени подумать — люди были полностью «удивлены» действиями в Юзефуве.¹⁹³ Не среагировав сразу же на предложение Траппа, они упускали первую возможность уклониться.¹⁹⁴

Такой же важной частью как и внезапность является давление «общественности», или склонность к конформизму — базовая идентификация людей в форме со своими товарищами и сильное желание не разделяться с группой, выходя вперёд из неё. Батальон только недавно был пополнен до полного состава, люди плохо знали друг друга, узы боевого братства до конца ещё не сложились, но тем не менее, сам акт выхода вперёд тем утром в Юзефуве означал уход от товарищей и признание себя «слабым» или

«трусливым». Кто мог «посметь», как горячо заявил один из полицейских, «потерять лицо» перед всем батальоном.¹⁹⁵ «Если бы мне задали вопрос — почему я вообще стрелял вместе со всеми», — сказал другой, — «я бы ответил, что никто не хочет прослыть трусом». «Одно дело отказаться с самого начала», — добавил он, — «и совершенно другое — попробовать пострелять и не смочь продолжать».¹⁹⁶ Ещё один полицейский, более осведомлённый о том для чего нужна смелость, сказал просто: «я струсил».¹⁹⁷

Большинство допрошенных полицейских отрицали наличие какого-либо выбора. Узнав о показаниях остальных, многие не стали оспаривать того, что предложение Траппа имело место быть, однако заявляли, что не слышали эту часть речи или не помнили её. Несколько полицейских попытались описать проблему выбора, но не смогли подобрать слова. Это было другое время и место, будто они побывали на другой политической планете и политические ценности со словарём 1960-х были просто бесполезны в описании ситуации, в которой люди находились в 1942-м. Довольно нетипичным в описании своего состояния утром 13 июля был полицейский, признавший убийство двадцати евреев перед отказом от продолжения: «Я думал, что смогу контролировать ситуацию, и что без меня евреи все равно не избежали бы своей судьбы ... По правде говоря, в то время я об этом не думал. Лишь годы спустя мы по-настоящему осознали случившееся ... Лишь после меня впервые посетила мысль, что всё это было неправильно».¹⁹⁸

Помимо лёгкой рационализации о неизбежной судьбе евреев даже в случае отказа, полицейские разработали и другие оправдания своему поведению. Возможно самой поразительной рационализацией всему является пример тридцати пяти летнего металлурга¹⁹⁹ из Бремерхафена:

«Приложив усилия, я стал способен расстреливать только детей. Так случилось, что матери вели детей за руки. Мой сосед застрелил мать, а я застрелил её ребёнка, потому, рассудил я, что после смерти матери он бы всё равно умер. Это должно было стать, так сказать, успокоением моей совести — освобождение детей не способных жить без матери».²⁰⁰

Весь смысл этого заявления, значение выбора слов бывшего полицейского нельзя оценить без знания немецкого. Немецкое слово «освобождение» [erlösen] так же означает «искупление» или «спасение», когда используется в религиозном смысле. Тот кто «освобождает», тот Избавитель

[Erlöser] — Спаситель или Искупитель!

В вопросе мотивации и сознательности самый вопиющий пробел в допросах — это любая дискуссия об антисемитизме. По большей части этим следователи не занимались, как и не стремились пролить на эту тему свет и сами допрашиваемые, по понятным причинам не желая оговаривать себя. За несколькими исключениями, вся тема антисемитизма покрыта саваном тишины.²⁰¹ Что точно ясно, так это что озабоченность людей своим образом в глазах товарищей не могла сравниться с какими-либо их человеческими связями с жертвами. Евреи стояли вне круга человеческих обязательств и ответственности. Такая поляризация на «мы» и «они» между товарищами и врагами, конечно же, является стандартом в войне.

Создаётся впечатление, что даже если члены Полицейского Резервного Батальона 101 не принимали сознательно доктрину антисемитизма режима, они как минимум приняли слияние образа еврея и образа врага. Майор Трапп в своей утренней речи перед батальоном прибегнул к обобщённой идее о евреях как о враждебной стороне. Стреляя в еврейских женщин и детей, люди должны помнить, что враг бомбит Германию, убивает немецких женщин и детей.

Если лишь дюжина полицейских вышла вперёд в самом начале и избавила себя от предстоящей роли массовых убийц, намного большее количество либо искало способ незаметно уклониться от расстрелов, либо просило освобождения от обязанностей после начала казней. Сколько полицейских в этих категориях не поддаётся точному подсчёту, но оценка в 10-20% назначенных в расстрельные команды не кажется неправдоподобной. Сержант Гергерт, к примеру, признал снятия с команд пятерых людей из отряда в сорок или сорок пять человек. В группе Дракера-Штайнмеца, в которой было наибольшее количество допрашиваемых стрелков, мы можем идентифицировать шестерых полицейских, вышедших из дела после четырёх казней, а так же целый отряд от пяти до восьми, кто отказался значительно позже. Хоть число уклонистов и отказников и нельзя назвать незначительным, стоит не забывать, что одновременно с этим как минимум восемьдесят процентов стрелков продолжало заниматься казнями, пока все полторы тысячи еврея Юзефува не были убиты.

Даже двадцать или двадцать пять лет спустя, те, кто отказался уже поучаствовав в казнях, поголовно рассказывают о поглощавшем их физическом отторжении к своим действиям и называют это главным мотивом для отказа. Однако они не выражают этических или политических

причин в основе этого отторжения. С учётом уровня образования полицейских запаса не стоит ожидать утончённой артикуляции абстрактных принципов, но отсутствие подобного однако не означает, что их отторжение не имеет в своей основе базовый человеческий инстинкт, которому нацизм радикально противостоял и который пытался преодолеть.²⁰² Однако сами люди кажется не осознавали противоречие между своими чувствами и сутью режима, которому они служили. Слабость духа и невозможность продолжать казни, конечно, являлись проблемой для «продуктивности» и морали батальона, но не бросали вызов политической дисциплине и власти режима в целом. Действительно, 4 октября 1943 года Генрих Гиммлер самостоятельно санкционировал толерантность к подобной «слабости» в своей печально известной речи лидерам СС в Позене. Превознося повинование как одну из главных доблестей всех членов СС, он однако сделал явное исключение для «тех, чьи нервы сдают, чей дух слаб. Такому можно сказать: хорошо, иди возьми свою пенсию».²⁰³

Достаточно редким явлением для полицейских было определение себя в «оппозицию» на основе политических или этических взглядов. Один заявил, что решительно отказался от действий против евреев, потому как был активным членом коммунистической партии и, таким образом, полностью отвергал социал-национализм.²⁰⁴ Другой заявил, что отказался от расстрела евреев, так как многие годы был социал-демократом.²⁰⁵ Третий поведал, что был известен в партии как «политически ненадёжный» и «ворчун», но не раскрыл своих политических взглядов.²⁰⁶ Некоторые обосновывали свою оппозицию режиму антисемитизмом. «Раннее в Гамбурге у меня уже сложилось подобное отношение», — сказал один ландшафтный садовник, — «потому что из-за проводимых против евреев действий в Гамбурге я потерял большую часть своих клиентов».²⁰⁷ Другой полицейский просто идентифицировал себя как «хорошего друга евреев» без дальнейших объяснений.²⁰⁸

Два человека, подробно объяснивших свой отказ, подчёркивали тот факт, что они не имели никаких карьерных амбиций и могли действовать свободнее остальных. Один принимал возможные недостатки своего выбора «потому что я не был карьеристом и не собирался им становиться, а был независимым умелым ремесленником, имел бизнес дома ... для меня ничего не значило отсутствие успехов в полицейской карьере».²⁰⁹

Этическую позицию для оправдания своего отказа занял Лейтенант Бухман — как офицер запаса и бизнесмен Гамбурга, он не мог стрелять в беззащитных женщин и детей. Однако объясняя отличие своего положения

от положения других офицеров, он так же подчёркивал свою экономическую независимость: «Я был немногим старше и к тому же офицером запаса, так что для меня не было важно повышение или продвижение по службе, у меня был процветающий бизнес дома. Командиры роты ... с другой стороны, были молодыми людьми, амбициозными полицейскими, желающими кем-то стать». Бухман так же признался во взглядах, которых нацисты без сомнения заклеямили бы «космополитскими» и про-еврейскими. «В моем опыте ведения бизнеса, особенно с учётом его протяжённости за границу, я получил лучшее представление о вещах. Более того, благодаря моей предыдущей деловой деятельности я уже знал многих евреев».²¹⁰

После Юзефува негодование и горечь распространились на всех членов батальона, даже на тех, кто занимался расстрелами весь день. Громкое заявление старшему сержанту Каммеру от одного полицейского — «Я сойду с ума если мне придётся ещё раз это делать» — выражало настроение многих.²¹¹ Однако лишь малая часть пошла дальше жалоб в своей попытке избежать повторения опыта. Группа людей постарше с большими семьями воспользовалась регуляцией, требовавшей от них письменного согласия на несение службы в зоне боевых действий. Один, не подписавший ранее, теперь отказался её подписывать, а другой аннулировал её действие. Обоих впоследствии перевели обратно в Германию.²¹² Самым драматичным ответом опять оказался ответ лейтенанта Бухмана, который попросил Траппа перевести его в Гамбург и заявил, что исключая прямого приказа от Траппа, он не будет больше принимать участия в операциях против евреев. В конце концов он написал в Гамбург, открыто прося об отзыве со службы из-за своей «непригодности» для выполнения «чуждых полиции» задач, которые проводились его подразделением в Польше.²¹³ Бухману пришлось ждать до ноября, но его усилия по переводу в конечном итоге были успешны.

Таким образом, перед Траппом и его руководителями стояла не проблема политически и этически настроенного против них меньшинства, а ясно выраженная деморализованность большинства. И тех, кто стрелял до конца, и тех, кто не смог выдержать. Прежде всего это была реакция на сущий ужас самого процесса убийства. Чтобы Полицейский Резервный Батальон 101 продолжал предоставлять так необходимую рабочую силу для имплементации Окончательного Решения в округе Люблина, психологическую нагрузку на людей следовало в дальнейшем учитывать и по возможности снимать.

В последующих акциях ввели на постоянную основу (с некоторыми

заметными исключениями) два главных изменения. Во-первых, большинство будущих операций Полицейского Резервного Батальона 101 включали в себя чистки гетто и депортации, но не казни на месте. Таким образом, полицейских освободили от ужаса массовых убийств, которые проводились в лагере смерти Трешлинка (именно там казнили депортированных из северной части округа Люблина). Во-вторых, хоть депортация и характеризуется нуждой в ужасном насилии, необходимым для загона людей в поезда смерти, а также в систематическом убийстве нетранспортируемых, подобные акции обычно производились совместными отрядами Полицейского Резервного Батальона 101 и Травников — тренированных СС вспомогательных отрядов, набранных в лагерях военнопленных на территориях Советского Союза, обычно назначаемых на самые худшие задания по зачисткам гетто и депортациям.

Обеспокоенность психологической деморализацией после Юзефува является наиболее вероятным объяснением загадочного инцидента в Александрове несколькими днями спустя. Возможно Трапп был убеждён, что расстрелами займутся Травники, а когда те не явились, то он решил отпустить собранных его людьми евреев. Иными словами, облегчение психологической ноши для интеграции Полицейского Резервного Батальона 101 в процесс по убийству достигалось двойным разделением труда. Большая часть убийств перенесли в лагерь смерти, а худшие части «грязной работы» — убийств на месте — обязали выполнять Хиви из Травников. Это изменение показало свою эффективность и позволило людям Полицейского Резервного Батальона 101 привыкнуть к своему участию в Окончательном Решении. Когда настало время снова убивать, полицейские не «сошли с ума». Вместо этого, они стали эффективными и безжалостными палачами.

Глава 9

Падение второй роты

Приказ о передислокации полицейских батальонов в округ Люблина пришел ещё 13 июля, до резни в Юзефуве.²¹⁴ Округ разделили на четыре «сектора безопасности» — южный, восточный, центральный и северный. В последний назначали Полицейский Резервный Батальон 101. Сектор включал в себя районы [Kreise]²¹⁵ с запада на восток: Пулавы, Радзиль [Radzyń] и Бяла Подляска [Biała Podlaska].²¹⁶ Вторую роту лейтенанта Гнаде

назначили в Бяла Подляска, а штаб расположился в административном центре района Бяла. Первый взвод разделили между деревнями Пишац [Piszczac] и Тучна [Tuczna] на юго-востоке, второй взвод назначили на юг в Вишнице [Wisznice]. Третий располагался в Парчеве [Parczew] на юго-западе, по соседству с районом Радзинь.

10 июня 1942 года стартовало Окончательное Решение в районе Бяла Подляска, когда 3 000 евреев депортировали из Бялы в Собибор. Сотни евреев из малых коммун собрали в деревне Ломазы [Łomazy] — располагающейся по середине между Бялой и Вишницей — именно эти евреи стали первой целью для совместной казни Полицейским Резервным Батальоном и Травниками.²¹⁷ Пока не прибыла вторая рота лейтенанта Гнаде, кровавая компания приостановилась. Эта рота должна была предоставить бóльшую часть людей для захвата, а главной функцией Травников являлось формирование расстрельных команд, таким образом, облегчая ношу немецких полицейских, испытанную ими в Юзефове.

Ранним августом в Ломазы расположился один отряд третьего взвода под командованием сержанта Генриха Бекемейера* — от пятнадцати до восемнадцати человек. Насколько известно, отряд Бекемейера без происшествий провёл несколько недель в городе, наполовину населённом поляками, а наполовину евреями. Хотя те и жили отдельно, еврейская часть города не охранялась и не обносилась забором.²¹⁸ Немецкие полицейские расквартировались в школе в еврейской части.

16 августа, за день до предстоящей операции, Генриху Бекемейеру в Ломазы поступил звонок от лейтенанта Гнаде. Тот информировал его, что следующим утром предстоит «переселение» евреев, и в четыре утра уже следует быть готовым. Для Бекемейера было «ясно» что это значило.²¹⁹ В тот же день Гнаде вызвал в Бялу лейтенантов Дракера и Шира. Возможно в присутствии офицера Службы Безопасности, он проинформировал их о задаче следующего дня, которую предстояло выполнить в кооперации с СС: всё население евреев подлежало расстрелу.²²⁰ Второму взводу в Вишнице предоставили грузовик для полчасовой поездки к месту.²²¹ Первому взводу пришлось изъять с польских ферм фургоны с лошадьми и провести всю ночь в пути. Прибыли ранним утром.²²²

В Ломазы у Гнаде состоялась встреча с его унтер-офицерами. Он передал им приказ зачистить еврейский квартал и собрать всех евреев во дворе школы. Офицерам сообщили, что стрельбой займутся Хиви из Травников, а полицейские останутся в стороне. Тем не менее сам сбор

должен был пройти «как уже делалось» — младенцев, старых, больных и немощных предстояло расстреливать на месте. Согласно командиру одного отряда, однако, большинство детей вновь привели на точку сбора. Как и в Юзефове, люди столкнулись не просто с немецкими евреями, но с евреями Гамбурга. Евреи быстро заполнили школьный двор и часть спортивного поля. С некоторой стрельбой, но сбор закончился за два часа.²²³

1 700 евреев Ломазы заставили сидеть и ждать. Выбрали группу из 60 или 70 молодых мужчин, выдали им лопаты, погрузили в грузовики и отправили в лес. По дороге туда нескольким удалось выбраться из грузовиков и убежать. Один попытался было напасть на немецкого капрала — чемпиона батальона по боксу — и тот быстро отправил нападавшего в нокаут. В лесу евреев заставили рыть яму для массового захоронения.²²⁴

В Ломазы ожидание обречённых евреев и их полицейских охранников затянулось на часы. Неожиданно в город под командованием немецкого офицера СС прибыла группа из пятидесяти Травников. «Я до сих пор чётко помню», — дал показания полицейский, — «что Травники взяли перерыв сразу после прибытия. Помимо еды я видел, как они распаковывали и пили водку». Пить начали и офицер СС с Гнаде. От унтер-офицеров тоже разлило алкоголем, но пьяными они не выглядели.²²⁵ Для полицейских подготовили хлеб с маслом.²²⁶

После того как могилу выкопали, а полицейские с Травниками закончили перерыв на обед, начался километровый «марш на смерть» в лес.²²⁷ На создание кордона к лесу отвезли часть фургонов фермеров.²²⁸ Для марша евреев разделили «порциями» на группы по 200 или 300 человек, упавших по пути просто расстреливали.²²⁹ Когда процесс показался слишком медленным, решили отправить оставшихся евреев одной большой группой. С польских жителей собрали верёвки, связали их в одну длинную и окружили ею евреев. Им приказали подняться, взять верёвку в руки и отправиться в лес.

Сержант Тони Бентхейм описал последовавшее:

«Марш был крайне неуклюжим. Предположительно, люди спереди шли слишком быстро, так что в конце образовалась огромная толпа, в которой евреи не могли даже переставлять ноги. Неизбежно люди начали падать ещё до того, как группа покинула спортивное поле. Первые упавшие повисли на верёвке и их тащили за собой. Внутри толпы людей даже затаптывали. Упавших евреев либо заставляли подниматься и возвращаться

в толпу, либо расстреливали на месте. Однако даже первые расстрелы не изменили ситуацию, так что нагромождение людей позади никак не могло распутаться и наконец двинуться вперёд. У меня в то время не было задачи и я подумал, что там мы ни к чему не придём, так что я либо один, либо с несколькими товарищами последовал за евреями. Когда после первых выстрелов изменений не последовало, я громко проревел что-то вроде „Какой в этом смысл? Долой верёвку“. Из-за моего крика вся формация остановилась, включая Хиви, и те недоумением повернулись ко мне. Я снова прокричал им что-то о том, что они вооружены и вся затея с верёвкой это нонсенс. Долой верёвку ... После второго моего крика евреи отпустили её и вся группа пошла вперёд обычной колонной. Сам я вернулся в школьный двор. Возбуждённый и злой, я незамедлительно ушёл в школу пить шнапс».²³⁰

По прибытию к лесу колонну евреев разделили по шестеро и отправили в один из трёх пунктов сбора, где им приказали раздеться. Женщинам позволили оставить сорочки. Где-то мужчины были полностью голы, а где-то им разрешали остаться в исподнем. Евреи шли со стопками одежды в руках и сваливали их в кучу, которая затем обыскивалась. В каждой из зон сбором одежды и ценностей занимались назначенные полицейские — их заранее предупредили, что и их самих потом будут обыскивать. После сброса ценностей в большой контейнер или в одеяло, евреев заставляли лечь лицом вниз и ждать, иногда часами, пока их неприкрытая кожа горела под горячим августовским солнцем.²³¹

В преобладающем количестве показаний отмечалось, что лейтенант Гнаде был «убеждённым нацистом» и антисемитом. К тому же непредсказуемым — приветливый и дружелюбный в одно время, жестокий и беспощадный в другое. Худшие его черты сильнее всего проявлялись под алкоголем, и по всем показаниям тем днём в Ломазы Гнаде был пьян до безобразия. На самом деле в Польше он выродился в «пьяницу».²³² Его зависимость от алкоголя не была для батальона чем-то ненормальным. Как отметил один непьющий полицейский: «Большинство товарищей пило так много исключительно из-за множества расстрелов евреев, такая жизнь была невыносима в трезвом состоянии».²³³

Если пьянство Гнаде было нормой, то садизм, который он начал проявлять в Ломазы, нормальным уже не был. Предыдущей осенью Гнаде посадил своих людей на ночной поезд дабы избежать участия в казни евреев в Минске, которых они привезли из Гамбурга. В Юзефове садизмом среди

офицеров он тоже не выделялся. Всё изменилось в лесу неподалёку от Ломазы, когда Гнаде решил развлечь себя во время ожидания, пока евреи закончат рыть себе могилу.

«Ещё до начала расстрелов старший лейтенант Гнаде персонально выбрал около двадцати или двадцати пяти старых евреев. Исключительно мужчин с длинными бородами. Он заставил стариков ползти по земле перед могилой. А перед этим заставил раздеться. Пока полностью голые евреи ползли, старший лейтенант Гнаде кричал в сторону остальных: „Где мои унтер-офицеры? У вас что, ещё нет дубинок?“. Унтер-офицеры отправились на опушку, насобирали дубинок и начали энергично бить ими евреев».²³⁴

Когда подготовка в расстрелам завершилась, Гнаде погнал евреев от зон раздевания к могиле.²³⁵

Малыми группами их заставили бежать между тонким заграждением из охранников — от зон до могилы где-то тридцать или тридцать пять метров.²³⁶ Могилу с трёх сторон окружали горы земли, а четвёртая была пологим склоном — туда евреев и гнали. В своём опьяняющем возбуждении Хиви открыли огонь по евреям ещё на спуске. «Как результат, убитые евреи блокировали спуск. Поэтому некоторых евреев отправили вниз, и те оттащили трупы подальше от входа. Без промедления большое количество евреев погнали в могилу, а Хиви заняли свою позицию на импровизированных стенах. Оттуда они открыли огонь по жертвам».²³⁷ Могила постепенно начала заполняться. «Последующим евреям приходилось перелезать трупы и потом даже карабкаться по телам, потому что могила наполнилась трупами почти до краёв».²³⁸

Хиви, часто с бутылкой в руках, а также Гнаде и офицер СС напивались всё сильнее.²³⁹ «Старший лейтенант Гнаде постоянно рисковал упасть в могилу пока стрелял из своего пистолета. Офицер Службы Безопасности (*sic!*) был слишком пьян чтобы стоять на стене, поэтому как и Хиви сам залез в могилу и стрелял оттуда». Из могилы вперемешку с кровью стали подниматься грунтовые воды, так что Хиви стояли по колено в ней. Число стрелков уверенно уменьшалось, пока одним за другим Хиви впадали в пьяный ступор. Гнаде и офицер СС кричали друг на друга с упрёками так громко, что их могли слышать все в радиусе тридцати метров от могилы. Офицер СС кричал: «Твоя дерьмовая полиция вообще не стреляет», Гнаде парировал: «Хорошо, тогда моим людям тоже придётся пострелять»²⁴⁰²⁴¹

Лейтенанты Дракер и Шир вызвали своих унтер-офицеров и передали приказ сформировать расстрельные команды и приступить к казням по примеру Хиви. Согласно сержанту Гергерту, унтер-офицеры отвергли предложенный метод, «потому что грунтовые грунтовые воды уже поднялись на полметра. К тому же, трупы уже лежали — плавали, если быть точным — по всей могиле. Особенно ужасным мне помнится судьба не смертельно раненных евреев, погребённых телами последовавших жертв. Выстрел милосердия им не предоставлялся». ²⁴²

Унтер-офицеры решили, что казнь следует продолжить двумя расстрельными командами с двух сторон могилы. Евреев заставили ложиться рядами вдоль стен, а полицейские с противоположных сторон их расстреливали. Из членов всех трёх рот были сформированы отряды по восемь или десять человек с постоянной ротацией после пяти или шести выстрелов. Из своего ступора Хиви вышли где-то через два часа и продолжили расстрелы вместо немецких полицейских. Стрельба завершилась около 7 вечера. Рабочих-евреев, которых держали около могилы, тоже застрелили после того, как они «закопали» могилу землёй. ²⁴³ Покрывавший переполненную могилу тонкий слой земли продолжал двигаться. ²⁴⁴

Тем же вечером первый и второй взводы вернулись на свои станции, но отряд Бекемейера остался в Ломазы. Несколькими днями спустя он провёл чистку еврейского квартала. Рыская по чердакам и ища самодельные землянки под полами, полицейские захватили ещё двадцать или тридцать евреев. Бекемейер связался с Гнаде по телефону, и тот приказал стрелять. В сопровождении трёх или четырёх польских полицейских, Бекемейер и его люди отвели евреев на опушку, заставляли лечь на землю и, вновь используя штыки в качестве прицела, застрелили в шею. Каждый выстрелил минимум единожды, кто-то дважды. Захоронение тел поручили польскому мэру. ²⁴⁵

Резня в Ломазы — второй массовый расстрел с цифрами больше тысячи, выполненный Полицейским Резервным Батальоном 101 — значительно отличался от резни в Юзефове. Со стороны жертв, судя по всему, было больше попыток сбежать ²⁴⁶, предположительно потому, что молодых и здоровых «рабочих-евреев» не щадили, и евреи с самого начала представляли себе свою участь. Несмотря на все старания евреев сбежать или спрятаться, эффективность процесса убийства значительно повысилась в сравнении с импровизированным и дилетантским методом, применявшимся в Юзефове. Сравнивая с той резнёй — примерно треть полицейских убила больше евреев (1 700) и в два раза быстрее. К тому же, собрали вещи и

ценности, а от тел избавились в массовом захоронении.

Психологически же, нагрузка на убийц снизилась. Большую часть расстрелов провели Хиви, не просто выпивающие, а пьяные с самого начала. Согласно сержанту Бентхейму, его люди были «вне себя от радости», что им не пришлось стрелять в этот раз.²⁴⁷ Те, кому удалось избежать прямого участия в убийствах, кажется вовсе не чувствовали себя соучастниками убийства. После Юзефува сбор и охрана евреев для убийства кем-то другим казалось относительно невинной задачей.

Даже полицейские, которым пришлось заменять Хиви и несколько вечерних часов стрелять, не рассказывали ни о каком ужасном опыте, который доминировал в показаниях о Юзефуве. В этот раз люди не находились со своими жертвами лицом к лицу — личный контакт между убийцей и жертвой был разрушен. На ярком контрасте с Юзефувом лишь один полицейский вспомнил личность конкретного еврея, которого застрелил.²⁴⁸ В дополнение к обезличиванию процесса убийства, быстрая ротация расстрельных команд позволила избежать стрелкам там заметного в Юзефуве чувства непрекращающейся, бесконечной стрельбы. Их прямое участие в убийстве было не только безличным, но и конечным. Свою роль сыграло и привыкание. Убив однажды, люди не испытывали такой травмирующий шок во второй раз. Как и ко всему остальному, к убийствам можно привыкнуть.

Ещё одним моментом, остро отличающим Ломазы от Юзефува, и который можно назвать неким «психологическим» облегчением ноши, является выбор. А именно то, что в этот раз перед людьми не стояла «проблема выбора», которую Трапп чётко поставил перед ними в первый раз. Не было шанса выйти вперёд для тех, кто не ощущал себя готовым к расстрелу. Никто систематически не освобождал тех, кто не был готов продолжать. Каждый назначенный в расстрельную команду выполнял данный ему приказ.²⁴⁹ Таким образом, те, кто стрелял, не жили дальше с чётким осознанием того, что всего этого можно было избежать.

Нельзя правда сказать, что у этих людей не было выбора, а только что его им не дали так открыто и явно как в Юзефуве. В этот раз искать пути для уклонения от убийств приходилось самостоятельно. Даже сержант Гергерт решительно подчёркивал, что никто не спрашивал добровольцев и буквально каждому в роте пришлось поучаствовать в стрельбе, однако некоторые «ускользнули» в лес.²⁵⁰ Число уклонистов, судя по всему, было довольно мало. Лишь двое дали показания о том, что сознательно уклонялись от казней тем

или иным путём. Джордж Кагелер заявил о своей принадлежности к группе тех, кто дважды сопровождал евреев из Ломазы в лес, а затем «более менее ускользнули» для избежания дальнейших приказов.²⁵¹ На опушке леса стоял кордон для пресечения попыток бегства из зон раздевания, в него был назначен Пол Мецгер*. В Юзефуве после двух казней он «спрятался» среди грузовиков, а теперь в Ломазы, когда один еврей внезапно побежал ему навстречу, тот позволил ему пройти. Как он вспоминал: «Старший лейтенант Гнаде ... к тому моменту уже пьяный, пытался выяснить, кто из охраны позволил еврею сбежать. Я не признался, а товарищи меня не выдали. Из-за своего опьянения старший лейтенант Гнаде не смог разобраться в деле, так что к ответственности меня не призвали».²⁵²

В показаниях Кагелера и Мецгера содержалась информация о действиях в какой-то мере рискованных, однако они не столкнулись с последствиями своего уклонения. Большинство же полицейских не прикладывало видимых усилий по избежанию расстрелов. В Ломазы приказы подкреплялись естественным стремлением к конформизму и соответствию поведению своих товарищей. Это было вынести намного легче, чем ситуацию в Юзефуве, где полицейским пришлось принимать личное решение об участии, но «цена» отказа была отделение себя от товарищей и выставление себя «слабым».

Трапп не только предложил выбор, но и задал тон. «У нас задача застрелить евреев, но не избивать или мучить их». — заявлял он.²⁵³ Его собственное беспокойство было явным для всех в Юзефуве. Впоследствии, однако, большинство «еврейских действий» совершалось силами взводов или рот, а не полным составом батальона. Таким образом, не Трапп, а командующие роты, как Гнаде в Ломазы, задавали людям модель поведения. Беспричинный и ужасный садизм Гнаде около могилы является лишь одним примером того, каким он видел лидерство в тот момент, а со временем таких примеров становилось всё больше. Когда на школьном дворе в Ломазы всё ещё пьяные Гнаде и командир СС Травников встретились с Тони Бентхеймом, Гнаде спросил его: «Ну, скольких ты застрелил?» Когда сержант ответил «нисколько», Гнаде выразил своё презрение: «Другого я и не ожидал, ты же всё таки католик».²⁵⁴ С таким руководством и с помощью Травников в Ломазы, члены второй роты сделали решительный шаг в становлении закалёнными убийцами.

Глава 10

Августовская депортация в Трешлинку

Из расположенного далеко от железнодорожной станции Ломазы нельзя было с лёгкостью депортировать сконцентрированных там в июне 1942 года евреев — отсюда и вытекает вышеописанная резня 17 августа. Однако большинство евреев северного округа Люблина проживали в соседствующих с железной дорогой городах Радзиль, Лукув, Парчев и Медзыжец [Мендзыжец-Подляски, Miedzyrzec Podlaski]. Так что большим вкладом Полицейского Резервного Батальона 101 в Окончательное Решение стало не резня на местах, а чистки гетто и депортации в лагерь смерти Трешлинка, расположенный в около 110 километрах к северу от штаба батальона в Радзине.

Первый депортационный поезд в Трешлинку покинул Варшаву вечером 22 июля 1942 г., прибыл в лагерь смерти следующим утром. После него поезда с евреями из Варшавы и окрестностей прибывали ежедневно. Между 5 и 24 августом в Трешлинку дополнительно доставили около 30 000 евреев из Радома и Кельце. Хотя доступные ресурсы лагеря для убийств уже находились на грани, Глобочник нетерпеливо решил начать депортации дополнительно и из северного Люблина. Евреи Парчева и Медзыжеца в районе Радзиль, в центре зоны операций Полицейского Резервного Батальона 101, стали первой целью.

Кроме отряда Бекемейера в Ломазы, весь третий взвод второй роты под командованием Штайнмеца расположился в Парчеве. В его не огороженной ни стенами, ни проволокой части города проживало более 5 000 евреев. Однако отсутствие опечатанного гетто не означает, что коммуна евреев не страдала от дискриминации и унижения немецкими оккупационными силами. Как вспоминал Штайнмец, к тому времени как его полицейские прибыли, главная улица города уже была устелена надгробными камнями евреев.²⁵⁵ В начале августа от 300 до 500 евреев погрузили в фургоны с лошадьми и под охраной полиции провезли пять или шесть километров в лес, где их передали отряду СС. Полицейские ушли до того как услышали выстрелы и судьба евреев им неизвестна.²⁵⁶

По Парчеву прошёл слух о крупной депортации, и многие евреи сбежали в леса,²⁵⁷ но большинство, однако, осталось в городе. Всего два дня после событий в Ломазы — утром 19 августа — в Парчев прибыли первая и

вторая роты Полицейского Резервного Батальона 101 вместе с отрядом Хиви. Трапп выступил с очередной речью, проинформировав людей, что евреев следует отправить на железнодорожную станцию в двух или трёх километрах от города. Он «не напрямую», но недвусмысленно намекнул, что старых, немощных и непригодных к маршу предстоит расстреливать на месте.²⁵⁸

Вторая рота установила кордон, а первая устроила обыск еврейского квартала.²⁵⁹ К полудню от рынка до железнодорожной станции растянулась длинная колонна людей — в тот день депортировали около 3 000 евреев Парчева. Операция повторилась несколькими днями спустя, но уже без помощи Хиви. Оставшихся 2 000 евреев так же отправили в Трешлинку.²⁶⁰

В воспоминаниях полицейских депортация из Парчева прошла без каких-то особенных событий. Всё прошло гладко, стрельбы было мало, Хиви не отличались обычной для них жестокостью и алкоголизмом. Из-за предположительно малого количества «грязной работы» на вторую депортацию Хиви вовсе не отправили. Полицейские, конечно же, точно не знали куда отправляют евреев и что именно с ними делалось, но «нам всем было ясно и понятно», — как признал Генрих Штайнмец, — «что депортированные евреи отправляются на смерть. Мы подозревали, что их убьют в каком-нибудь лагере».²⁶¹ Избежав прямого участия в убийствах, люди Полицейского Резервного Батальона 101 не кажутся обременёнными этим знанием, хоть депортированных и было больше, чем жертв в Юзефове и Ломазы вместе взятых. „С глаз долой из сердца вон“. И действительно, для некоторых членов взвода Штайнмеца самым ярким воспоминанием стало несение службы в болотистых лугах к северу от Парчева, где им приходилось весь день стоять с мокрыми ногами.²⁶²

Намного более запоминающимся для Полицейского Резервного Батальона 101 стала депортация 11 000 евреев из Мендзыжеца в Трешлинку 25-26 августа.²⁶³ В августе 1942 г. Мендзыжец, в сравнении с 10 000 евреями Лукува и 6 000 Радзиня, был крупнейшим гетто района Радзень, с еврейским населением более 12 000. В июне 1942-го администрация гетто в округе Люблина передала гражданскую администрацию СС, таким образом, оставив эти гетто под руководством людей, назначенных из Радзиня Полицией Безопасности.²⁶⁴

Как и Избица с Пяски на юге округа Люблина, Мендзыжец был определён как «транзитное гетто», в которое собирали евреев с окрестностей перед отправкой в Трешлинку. Для получения евреев ещё откуда-либо, гетто

в Мендзыжеце периодически освобождалось от жителей. Первая и крупнейшая такая чистка состоялась 25-26 августа объединёнными силами первой роты, третьего взвода второй роты и первого взвода третьей роты Полицейского Резервного Батальона 101, отряда Хиви и Полиции Безопасности Радзиня.²⁶⁵

Когда в конце июля штаб батальона переместился из Билгорая в Радзине, людей первой роты расположили там же, а так же в Коцке [Kock], Лукуве и Комарувке [Komarówka]. Первый взвод третьей роты расположился в районе Радзиня в городе Чемерники [Czemierniki], а третий взвод второй роты в Парчеве. Все эти пять взводов мобилизовали для акции в Мендзыжеце. Часть полицейских прибыла туда ночью 24 августа, один отряд с конвоем фургонов привёз дополнительных евреев.²⁶⁶ Большинство людей, однако, собралось под командованием старшего сержанта Каммера в Радзине ранним утром 25 августа. Отсутствие Волауфа объяснилось, когда конвой грузовиков остановился перед его частной резиденцией на выезде из города. Волауф и его молодая невеста на четвёртом месяце беременности, с военным пальто на плечах и фуражкой на голове, вышли из дома и залезли в грузовик. «Когда капитан Волауф сел рядом с водителем», — вспоминал один полицейский, — «мне пришлось уступить своё место его жене».²⁶⁷

До вступления в Полицейский Резервный Батальон 101 Волауф испытал несколько серьёзных проблем в своей карьере. В апреле 1940-го его посылали в Норвегию вместе с Полицейским Батальоном 105, но его командующий потребовал его отзыва. Тот отмечал, что Волауф был энергичным и умным, но недисциплинированным и с большим самомнением.²⁶⁸ Дома в Гамбурге следующий командир Волауфа оценил его как человека без интереса к службе на домашнем фронте и требовавшим постоянного наблюдения.²⁶⁹ В этот момент весной 1941-го, когда тот только вернулся из Лодзе, Волауфа назначили в Полицейский Резервный Батальон 101, и его профессиональная удача резко переменилась. Всего через несколько месяцев новый командир батальона Трапп рекомендовал Волауфа к повышению и к командованию ротой. Трапп писал: Волауф — человек с военной выправкой, энергичный, полный жизни и обладает качествами лидера. К тому же он старался действовать согласно принципам национал-социализма и инструктировал своих людей соответственно. Он был «готов в любое время и не сдерживаясь выступить за национал-социалистическое государство».²⁷⁰ Волауфа повысили до капитана, он принял командование первой ротой и стал заместителем командующего Траппа.

Людам Волауф казался претенциозным. Один полицейский помнил,

как тот ездил в машине стоя будто генерал. Другой, что его пренебрежительно называли «маленький Роммель». ²⁷¹ Старший секретарь ²⁷² первой роты упоминал его энергичность, решительность в командовании и способность выполнять поставленные задачи. ²⁷³ Его более сдержанный командир взвода лейтенант Бухман описывал его как не очень яркого антисемита и более «прямого и искреннего» человека, чем лейтенант Гнаде (стоит признать, не очень высокий стандарт для сравнения). Он был офицером, серьёзно относившимся к своим обязанностям, но прежде всего он был молодым человеком, и женихом, поглощённым романом. ²⁷⁴

Внезапная отправка Полицейского Батальона 101 в Польшу застала Волауфа врасплох, расстроив планы на свадьбу 22 июня. Только прибыв в Билгорай, он сразу же начал умолять Траппа позволить ему на время вернуться в Гамбург на свадьбу к его беременной девушке. Трапп поначалу отказывался, но затем всё же дал ему специальный отпуск. Волауф женился 29 июня, а в Польшу вернулся как раз к Юзефову. Когда его рота расположилась в Радзине, Волауф устроил себе визит своей невесты и медовый месяц. ²⁷⁵

Как предположил Бухман, Волауф привёл с собой невесту на депортацию в Мендзыжец, потому что не мог расстаться с ней в расцвете их медового месяца. С другой стороны, претенциозный и самодовольный капитан мог пытаться впечатлить невесту, показав ей как он управляет жизнью и смертью польских евреев. Люди явно думали второе — их реакцией было единогласное возмущение и негодование тем, что женщина становилась свидетелем их ужасной деятельности. ²⁷⁶ Члены первой роты, если не их капитан, всё ещё могли испытывать стыд.

Операция уже шла полным ходом, когда конвой с большей частью первой роты, Волауфом и его невестой прибыл в Мендзыжец, менее чем в тридцати километрах к северу от Радзиня. Хиви и Полиция Безопасности производила сбор евреев, раздавались крики и выстрелы. Его люди остались ждать, пока Волауф пошёл получать инструкции. Он вернулся спустя двадцать или тридцать минут и раздал приказы роте — часть людей отправилась на внешний кордон, но большинству было приказано присоединиться к Хиви в зачистке. По обыкновению был отдан приказ расстрела любого пытавшегося сбежать, а также больного, старого или немощного, неспособного к маршу до железнодорожной станции за чертой города. ²⁷⁷

Пока люди ждали возвращения Волауфа, им встретился офицер

Полиции Безопасности. Уже пьяный, несмотря на раннее время.²⁷⁸ Скоро стало ясно, что пьяны и Хиви.²⁷⁹ Они стреляли так часто и так бездумно, что полицейским периодически приходилось искать укрытие, чтобы не попасть под пули.²⁸⁰ Полицейский «видел трупы застреленных евреев везде — на улицах и в домах».²⁸¹

Подгоняемые Хиви и полицейскими, евреи тысячами загонялись на рынок, где их принудили сидеть не двигаясь и запретили вставать на ноги. Проведя так часы под жарким августовским солнцем многие люди теряли сознание и падали. Более того, избивания и стрельба продолжались и на рынке.²⁸² Фрау Волауф, сняв военное пальто как стало теплее, в своём наряде была хорошо заметна — она наблюдала за происходящим с близкого расстояния.²⁸³

Около двух часов дня внешний кордон вызвали на рынок, и спустя час или два начался марш к железнодорожной станции. Все силы Хиви и полиции были заняты конвоированием евреев. И вновь стрельба была обычным делом. Кто не мог больше идти, тех расстреливали и оставляли лежать на обочине. Она была устелена телами.²⁸⁴

Один финальный ужас ожидал в конце, когда предстояла погрузка в поезд. Пока Хиви и Полиция Безопасности запихивали от 120 до 140 евреев в каждый вагон, полицейские занимались охраной и наблюдали. Как вспоминал один:

«Когда что-то не получалось, они использовали оружие и стеки²⁸⁵. Погрузка была просто пугающей. От этих людей раздавались неземные крики, десять или двадцать вагонов грузили одновременно. Весь грузовой поезд был страшно длинным — нельзя было обозреть его целиком. Может пятьдесят или шестьдесят вагонов, может больше. После погрузки двери заколотили и забили гвоздями».²⁸⁶

После запечатывания вагонов и не дожидаясь отправки поезда, члены Полицейского Резервного Батальона 101 быстро ушли.

Чистка гетто Мендзыжеца была крупнейшей операцией по депортации, в которой принимал участие батальон во время Окончательного Решения. Только тысяче евреев Мендзыжеца позволили временно остаться в гетто для работы, но только до того момента, как их заменили бы поляки.²⁸⁷ Таким образом, жертвами депортации стали 11 000 человек. Полицейские

знали, что «многие сотни» были застрелены во время операции, но не знали сколько точно.²⁸⁸ Выжившие евреи, однако, знали — они похоронили 960 человек.²⁸⁹

Требуется иметь некоторую перспективу, чтобы показать, что депортация в Мендзыжеце была зверской даже по стандартам нацистов в 1942-м. Между 22 июня и 21 сентября из Варшавы депортировали около 300 000 евреев. За эти два месяца всего было казнено в процессе 6 687 евреев.²⁹⁰ Следовательно, процент тех, кого казнили на месте, а не депортировали, был около 2. В Мендзыжеце же он был 9. Евреи Мендзыжеца не маршировали «как овцы на бойню», их подгоняли с практически невиданным зверством и жестокостью, оставив сильный отпечаток даже на всё более бесчувственных и жестоких членах Полицейского Резервного Батальона 101. Это не было случаем «с глаз долой, из сердца вон».

Почему же такая разница между относительно спокойной и не запоминающейся депортацией из Парчева и ужасом Мендзыжеца, ведь прошла всего неделя? С немецкой стороны ключевым фактором стало соотношение преступников к жертвам. Для более чем 5 000 евреев Парчева немцы привели две роты Полиции Порядка и отряд Хиви в 300 или 350 человек. В Мендзыжеце для вдвое большего количества евреев выделили пять взводов Полиции Порядка²⁹¹, местную Полицию Безопасности и отряд Хиви в 350 или 400 человек. Чем большее давление на участников чистки гетто создавал недостаток людей, тем больше зверств и жестокости для выполнения задачи они совершали.

Нетерпеливая попытка Глобочника начать депортации в Треблинку из северной части округа Люблина, одновременно с теми, кого отправили из округов Варшавы и Радома, оказалось слишком многим для пропускной способности лагеря смерти. К концу августа стремительно росло число ожидающих смерти евреев и число трупов, от которых нельзя было быстро избавиться. Перегруженная машина смерти сломалась. Депортации по всем округам Варшавы, Радома и Люблина временно приостановились — это включало в себя два запланированных после 28 августа поезда из Лукува в Треблинку.²⁹² Глобочник и его руководитель лагеря Кристиан Вирт поспешили в Треблинку для реорганизации лагеря. Из Собибора вызвали Франца Штангля и назначили комендантом — Собибор тогда из-за ремонта железнодорожных путей был относительно неактивен и был доступен только для окрестностей. 3 сентября, после недели реорганизации, возобновились депортации в Треблинку из Варшавы, а в середине сентября и из Радома. Тем временем члены Полицейского Резервного Батальона 101 наслаждались

короткой передышкой. В северном Люблине убийства возобновились лишь в конце сентября.

Глава 11

Расстрелы поздним сентябрем

Незадолго до возобновления депортаций в северной зоне безопасности округа Люблина Полицейский Резервный Батальон 101 поучаствовал в нескольких массовых расстрелах. Первый произошёл в деревне Серокомля [Serokomla], где-то в девяти километрах к северо-западу от Коцка. Серокомля уже переживала одну бойню в мае 1940-го от рук этнических немцев, организованных в отряды «линчевателей», известных как Самооборона²⁹³. Эти подразделения сформировались²⁹⁴ на территории оккупированной Польши осенью 1939 и весной 1940 гг. под командованием близкого друга Генриха Гиммлера — Людольф-Германа фон Альвенслебена. Проведя серию массовых убийств, включая ту в Серокомле, «Самооборона» была реорганизована в «спецслужбу» [Sonderdienst] и была передана под юрисдикцию глав районных гражданских администраций.²⁹⁵

В сентябре 1942 г. немцы вновь посетили Серокомлю. В близлежащем Коцке располагался взвод первой роты лейтенанта Бранда. От него поступил приказал сержанту Гансу Келлеру и десяти людям взвода собрать евреев в округе Серокомли и привести их в деревню.²⁹⁶ Тогда, ранним утром 22 сентября, взвод Бранда выехал из Коцка и на перекрёстке стал ждать остальных. К ним постепенно присоединились отряды первой роты под командованием Волауфа, прибывшие из Радзиня в двадцати километрах к северо-востоку, а так же первый взвод третьей роты под командованием лейтенанта Питерса, расположенного ранее в Чемерниках в пятнадцати километрах к востоку. Под командованием капитана Волауфа полицейские запаса выдвинулись в Серокомлю.

Незадолго до прибытия в деревню Волауф остановил конвой и раздал приказы. На двух холмах за чертой города, как на удобных точках обзора, следовало расположить пулемёты. Часть людей взвода Бранда получила распоряжение сформировать кордон вокруг еврейского квартала деревни, а остальная часть первой роты отправилась собирать еврейское население.²⁹⁷

Пока ещё Волауф ничего про стрельбу не говорил кроме стандартного

— не прямые отсылки на то, что любые попытавшиеся сбежать или спрятаться подлежали казни на месте, как и все неспособные к перемещению. Однако оставшийся в резерве взвод лейтенанта Питерса послали меньше чем за километр от деревни в сторону гравийного карьера и гор отходов. Сержанту Келлеру, наблюдавшему с пулемётной точки на холме дислокацию отрядов, было очевидно, что евреев Серокомли расстреляют, хотя Волауф упоминал перед людьми лишь «переселение».

Этим тёплым солнечным днём около 11 утра завершился сбор евреев — около 200 или 300 человек — после чего Волауф «внезапно» объявил о казни всех этих евреев.²⁹⁸ К гравийному карьере на помощь взводу лейтенанта Питерса послали людей из первой роты под командованием сержанта Юриха*. Около полудня оставшиеся члены первой роты группами от двадцати до тридцати евреев погнали «переселенцев» из деревни.

В Юзефове люди взвода лейтенанта Питерса стояли в кордоне и не участвовали в расстрелах, в Ломазы они отсутствовали, но в Серокомле, наконец, настала их очередь.

Без помощи опытных Хиви, как было в Ломазы, Волауф организовал казни в стиле Юзефува. Группы по двадцать или тридцать евреев гнали к ямам и передавали равному количеству полицейских из групп Питерса и Юриха. Таким образом, каждый полицейский вновь столкнулся лицом к лицу с евреем, которого ему предстояло застрелить. Евреев не заставляли раздеваться, ценности не собирали. Никто «рабочих-евреев» не отбирал. Всех людей, независимо от возраста и пола, предстояло убить.

Полицейские расстрельных команд отводили евреев к кучам мусора и двухметровых ям с гравием, где жертв ставили на самый край лицом в пропасть. По команде полицейские с близкого расстояния стреляли им в шею. Тела падали вниз. Следующую группу евреев ставили на место предыдущих, так что им приходилось смотреть сверху вниз на растущую гору трупов их близких и друзей, а потом и присоединяться к ним. Точки расстрелов сменялись только после множества казней.

Во время расстрелов сержант Келлер спустился с пулемётной точки поговорить с сержантом Юрихом. Пока они вблизи наблюдали за казнями, Юрих жаловался на Волауфа — после того как капитан приказал это «дерьмо», он «улизнул» в Серокомлю и отсиживался в станции польской полиции.²⁹⁹ Не имея возможности выпендриваться перед невестой, которая в этот раз с ним не поехала, Волауф, судя по всему, не имел желания присутствовать при убийствах. Впоследствии Волауф утверждал,

что о Серокомле ничего не помнит. Возможно его ум был тогда уже был занят предстоящей поездкой в Германию с невестой.

Расстрелы продолжались до трёх часов дня. Захоронения не было, тела просто оставили лежать в гравийных ямах. В Коцке полицейские остановились пообедать, а вечером в бараках их уже ждал дополнительный рацион алкоголя.³⁰⁰

Тремя днями после массового убийства в Серокомле, сержант первой роты Джобст*, одетый в гражданское и сопровождаемый польским переводчиком, отправился из Коцка на randevu — ловушку. Её целью был член польского сопротивления, скрывавшийся где-то между деревнями Серокомля и Тальчин [Talczyn]. Ловушка сработала, и партизана захватили, но на пути назад в Коцк через Тальчин Джобст сам попал в засаду и был убит. Польскому переводчику удалось сбежать и поздней ночью он добрался до Коцка, где передал новость о гибели сержанта.³⁰¹

Около полуночи сержант Юрий связался со штабом батальона в Радзине и доложил об убийстве Джобста.³⁰² Во время разговора по телефону с Келлером у него сложилось впечатление, что в штабе не собираются никак наказывать деревню. Однако вскоре поступил звонок от майора Траппа из Радзиня. Тот передал приказ из Люблина в качестве возмездия расстрелять 200 человек.³⁰³

Тот же состав, что участвовал в Серокомле четырьмя днями ранее 26 сентября, вновь встретился на том же перекрёстке недалеко от Коцка. Волауф в этот раз не командовал, так как уже отбыл в Германию. Вместо него лично принял командование майор Трапп, сопровождаемый своим адъютантом лейтенантом Хагеном и персоналом штаба батальона.

По прибытию в Тальчин всей первой роте продемонстрировали тело сержанта Джобста, который так и лежал на улице на окраине посёлка.³⁰⁴ Посёлок опечатали, польских жителей вытащили из своих домов и собрали в школе. В деревне мужчин было мало — многие уже сбежали³⁰⁵ — но оставшихся собрали в школьном спортзале, где Трапп собирался провести отбор.

Очевидно стараясь как можно меньше сердить местное население, Трапп и Хаген в вопросе отбора консультировались с польским мэром. Только две категории поляков оказались под ударом — незнакомцы и временные жители Тальчина с одной стороны, и «без необходимых средств к существованию» с другой.³⁰⁶ В одной из классных комнат школы отчаянно

плакала и орала задержанная женщина, и Трапп послал как минимум одного полицейского успокоить её.³⁰⁷ Отобрали 78 польских мужчин — их вывели из города и расстреляли. Как вспоминал немецкий полицейский, они стреляли только «беднейших из бедных».³⁰⁸

Лейтенант Бухман повёл часть людей сразу в Радзинец, но другая часть осталась на ланч в Коцке. Во время еды они узнали, что убийства на сегодня ещё не закончились. Все ещё не выполнив квоту по убийству 200 человек, Траппу, судя по всему, пришла в голову изобретательная идея как выполнить задачу и не разозлить местное население — вместо расстрела поляков в Тальчине его полицейские расстреляют евреев из гетто Коцка.³⁰⁹

Один немецкий полицейский — водитель на пути в Радзинец — утверждал, что остановился в гетто предупредить о неминуемом.³¹⁰ Однако такое предупреждение было бесполезно для уже находившихся в ловушке людей. Поисковые отряды немецкой полиции вошли в гетто и хватали всех кого могли, независимо от пола и возраста. Старых евреев, неспособных ходить, стреляли на месте. Один полицейский позже дал показания: «Хоть я и был назначен на поиски, мне и тут удалось покрутиться по улицам изображая деятельность. Я не одобрял действия против евреев в любой форме и таким образом, не застрелил ни одного».³¹¹

Однако как обычно, малая часть уклонистов или отказников выполнению самой задачи никак не помешала. Пойманных в «невод» евреев тащили из гетто в большой дом с огороженным стеной двором. Группами по тридцать их отводили туда и заставляли лечь рядом со стеной, где унтер-офицеры с пистолетами-пулемётами казнили их по приказу лейтенанта Бранда. Тела оставили лежать до следующего дня, пока «рабочих-евреев» из гетто не отправили закопать их в братскую могилу.³¹² Незамедлительно в Люблин пришел рапорт от майора Траппа, что в качестве возмездия за засаду на Джобста в Тальчине казнили 3 «бандитов», 78 польских «пособников» и 180 евреев.³¹³ Судя по всему, человек, проплакавший всю массовую казнь в Юзефове, который раньше ещё отказывался без дискриминации вырезать евреев больше не имел никаких внутренних запретов на расстрел необходимого для выполнения квоты количества людей.

Если майору Траппу удалось примириться со своей ролью убийцы польских евреев, то лейтенанту Бухману нет. После Юзефова он проинформировал Траппа, что будет участвовать только получив прямой приказ на убийство от самого Траппа, а так же попросил о переводе. Делая

такой запрос, Бухман имел важное преимущество в сравнении с остальными — ещё до офицерской подготовки он служил водителем Траппа во время первого визита батальона в Польшу в 1939-м, так что он знал Траппа лично. Он чувствовал, что Трапп «понимал» его и не был «возмущён» занятой Бухманом позицией.³¹⁴

Трансфер в Германию для Бухмана Траппу удалось заполучить не сразу, но он защищал его и удовлетворял его просьбу по неучастию в еврейских делах. Бухман был расквартирован в Радзине в том же здании, что и штаб батальона, так что несложно было выработать процедуру обхода «отказа от выполнения приказов». Когда планировалась акция против евреев, то приказ об этом передавали напрямую из штаба заместителю Бухмана — сержанту Грунду*. Грунд спрашивал Бухмана — хотел бы тот сопровождать взвод к предстоящей акции. По вопросу Бухман понимал, что предстоит акция против евреев, и отказывался. Таким образом, он не присутствовал вместе с первой ротой ни при Мендзыжеце, ни при Серокомле. В Тальчине же всё начиналось не так, поэтому Бухман присутствовал в школе, когда Трапп отбирал поляков. Хотя не было случайностью то, что перед тем как начать массово казнить евреев гетто Кюцка, тот сначала отправил Бухмана обратно в Радзине.

В Радзине Бухман не старался скрыть своё мнение. Наоборот, он «возмущался отношением к евреям и открыто выражал свою позицию при любой возможности».³¹⁵ Для всех вокруг было очевидно, что Бухман «сдержанный», «утончённый» человек, «типичный гражданский» без какого-либо желания быть солдатом.³¹⁶

Тальчин стал для Бухмана последней каплей. По его возвращению вечером в барак, офисный служащий попытался было передать ему доклад, но Бухман «сразу же ушёл в свою комнату и заперся в ней. Четыре дня со мной не разговаривал, хотя мы вроде бы хорошо друг друга знали. Он был очень зол и горько жаловался, говоря что-то в духе: „Всё, отныне я этим дерьмом не занимаюсь. С меня довольно“».³¹⁷ Бухман не только жаловался. В конце сентября написал напрямую в Гамбург, прося срочного перевода. Задачи его отряда в Польше — «чуждые полиции» — он больше выполнять не мог.³¹⁸

Если поведение Бухмана Трапп терпел и защищал, то его люди реагировали смешано. «Среди моих подчинённых многие понимали мою позицию, но другие делали пренебрежительные комментарии обо мне и смотрели на меня свысока».³¹⁹ Некоторые его люди следовали его примеру и

говорили старшему сержанту Каммеру, «что они и не могут, и не хотят больше принимать участия в подобных событиях». Рапорт на них Каммер не составлял, вместо этого он кричал на них, называл «ни на что не годными» и «говнюками». Но по большей части он всё же освобождал их от участия в еврейских акциях.³²⁰ Поступая так, Каммер следовал заданному с самого начала Траппом примеру — пока нет нехватки готовых убивать по приказу, было проще терпеть Бухмана и его подражателей, чем разбираться с ними.

Глава 12

Возобновление Депортаций

К концу сентября 1942 года Полицейский Резервный Батальон 101 поучаствовал в расстреле примерно 4 600 евреев и 78 поляков, помог депортировать около 15 000 евреев в лагерь смерти в Трешлинке. Эта кровавая деятельность включала в себя восемь независимых акций, раскинутых на три месяца. Три из них — первая депортация из Парчева, расстрелы в Ломазы и депортация из Мендзыжеца проходили при помощи отрядов Хиви из Травников. Другие пять — Юзефув, вторая депортация из Парчева, Серокомля, Тальчин и Коцк проводились полицейскими самостоятельно.

Полицейским удалось отдельно сохранить эти события у себя в памяти, так что они могли часто детально описать их и довольно точно назвать даты. Однако интенсивность событий между началом октября и началом ноября сильно увеличилась. Одна операция сразу следовала за другой в непрекращающемся потоке убийств, пока десятки тысяч евреев депортировались из района Радзиня повторяющимися чистками гетто. Следовательно, очень сложно точно реконструировать события тех беспощадных шести недель. В памяти полицейских всё перемешалось, одна акция смешивалась с другой. Они могли припомнить отдельные инциденты, но уже не могли разложить их в хронологическом порядке и на отдельные операции. Моя реконструкция этой стремительной серии событий, с которой следовало соотносить запутанные воспоминания полицейских, основана в первую очередь на исследовании, проведённом сразу после окончания войны польско-еврейским историком Татьяной Брустин-Беренштейн и Еврейским Историческим Институтом в Варшаве.³²¹

В начале сентября изменилось распределение Полиции Порядка по

округу Люблина — создали четвертую зону безопасности, включавшую в себя Бяла-Подляска, Хрубешув [Hrubieszów] и Хелм на восточной границе округа. Это позволило перевести первый и второй взводы второй роты Гнаде из района Бяла-Подляска в города Мендзыжец и Комарувка на севере района Радзиня.³²²

Последнюю неделю сентября оставшихся евреев в Бяла-Подляске захватывала именно вторая рота. Их собирали и отправляли в теперь уже почти пустое гетто Мендзыжеца.³²³ Так же «транзитное» гетто Мендзыжеца «пополнялось» в сентябре и октябре из городов района Радзинь напрямую из Комарувки, а также из Вохиня [Wołyn] и Чемерников через Парчев.³²⁴ Из всех этих депортаций полицейским запомнился лишь трансфер из Комарувки, где второй взвод второй роты регулярно располагался.³²⁵ Среди евреев Комарувки была женщина из Гамбурга, ранее владевшая кинотеатром — Миллертор-Кино [Millertor-Kino] — который полицейские часто посещали.³²⁶ Гетто в Лукуве служило вторым «транзитным гетто», получая евреев из малых посёлков округа Радзинь.³²⁷ Этот процесс концентрации, конечно же, служил зловещей прелюдией к возобновлению транспортов смерти в Треблинку и систематической кампании по очищению северного округа Люблина, превращения его в *judenfrei*, «свободного от евреев».

Координационным центром октябрьского «наступления» против гетто района Радзинь служило местное отделение Полиции Безопасности под командованием унтерштурмфюрера Фрица Фишера [Fritz Fischer]. Администрации гетто Радзиня, Лукува и Мендзыжеца в июне 1942 г. перевели под управление офицеров Полиции Безопасности³²⁸, однако количество кадров на местах было сильно ограничено. Отделение в Радзине и его аванпост в Лукуве насчитывали в сумме возможно всего 40 членов немецкой Полиции Безопасности и этнических немецких «помощников». Фишеру так же был доступен на постоянной основе отряд из 20 Хиви. Мендзыжец, Лукув и Радзинь насчитывали на своей территории не больше 40 или 45 членов Жандармерии.³²⁹ Очевидно, что такие ограниченные силы Полиции Безопасности и Жандармерии, даже с учётом Хиви Фишера, в чистках и депортациях евреев гетто полностью зависели от помощи извне. И вновь Полицейский Резервный Батальон 101 предоставил большую часть рабочей силы, без которой чистки гетто невозможно было бы осуществить.

Депортации в Треблинку возобновились 1 октября, когда отправили 2 000 евреев из гетто Радзиня. Из Лукува депортировали 5 октября 5 000 евреев и 8 октября ещё 2 000. Параллельно с этим депортировали тысячи

евреев из Мендзыжеца 6 и 9 октября. Поезда из Лукува и Мендзыжеца, предположительно, соединялись после погрузки, хоть этому и нет показаний свидетелей. Между 14 и 16 октября чистка гетто Радзиня завершилась отправкой от 2 000 до 3 000 евреев в Мендзыжец. Остановка там продлилась недолго — их повезли дальше 27 октября и 7 ноября. 6 ноября последние 700 евреев Коцка отправили в Лукув. На следующий день зачистили гетто в Мендзыжеце, отправив 3 000 евреев в Треблинку.³³⁰ В депортации вносили разнообразие периодическая казнь и ликвидация тех евреев, кому удалось избежать чисток спрятавшись, или кого оставили сознательно из-за нехватки места в поездах или для работ в гетто. По завершению шестинедельного «нападения» члены Полицейского Резервного Батальона 101 в восьми отдельных операциях помогли депортировать более чем 27 000 евреев в Треблинку и убили возможно около 1 000 во время захватов и в как минимум четырёх «завершающих» расстрелах.

Что полицейские помнили обо всем этом варьируется невероятно. Начальная операция — депортация 2 000 евреев из Радзиня 1 октября — совершалась совместными силами людей первой роты и двадцати Хиви унтерштурмфюрера Фишера. Судя по всему, расстрелов там было мало, хоть Хиви для подгона евреев часто использовали предупредительные выстрелы на пути к железнодорожной станции.³³¹ На следующий день 2 октября третий взвод второй роты сержанта Штайнмеца по приказу Гнаде завершил расстрелами ликвидацию гетто Парчева — по всей видимости, более сотни евреев привели туда слишком поздно для их транспортировки в Мендзыжец.³³²

После этого одновременные депортации из двух транзитных гетто Лукува и Мендзыжеца выполнялись первой и второй ротой соответственно. С начала сентября в Мендзыжеце располагался новый штаб роты лейтенанта Гнаде. Дабы избежать проблем с польским произношением, члены второй роты называли это место подходящим немецким прозвищем «меншеншрек» [Menschenschreck], или «ужас человеческий»³³³. Водитель Гнаде Альфред Хайльманн* вспоминал, как отвозил лейтенанта вечером на пятичасовое заседания в здании на главной площади Мендзыжеца, служившем Полиции Безопасности штабом и тюрьмой. Во время заседания из подвала раздался кошмарный крик. Два или три офицера СС вышли из здания и разрядили свои пистолеты-пулемёты в окно подвала. «Теперь будет тихо». — сказал один, заходя обратно в здание. Хайльманн попытался осторожно подойти к окну, но запах был настолько отвратительным, что он повернул обратно. Шум с верхних этажей всё усиливался, пока около

полуночи пьяный Гнаде не вышел и не сказал Хайльманну, что следующем утром будет чистка гетто.³³⁴

Людей в Мендзыжеце подняли в 5 утра. К ним присоединились второй взвод Дракера из Комарувки и значительный контингент Хиви. Судя по всему, люди Дракера организовывали кордон гетто, пока Хиви и остальные из Полиции Порядка выгоняли евреев на главную площадь. Гнаде и другие плетями принуждали евреев к тишине, из-за побоев некоторые умерли ещё до марша к железнодорожной станции.³³⁵ Хайльманн смотрел, как вытаскивали и уводили евреев, запертых в тюрьме подвала штаба Полиции Безопасности — они были покрыты экскрементами и явно много дней ничего не ели. После сбора необходимого количества евреев, начался марш к станции. Не способных к передвижению казнили на месте, охрана безжалостно стреляла в колонну евреев каждый раз, как та замедлялась.³³⁶

Небольшой контингент полицейских уже располагался на станции, держа польских зевак подальше. Погрузкой евреев в поезд руководил Гнаде. Людей набивали в вагоны как скот, стрельба и избиения применялись без каких-либо ограничений. Двадцать два года спустя старший сержант под командованием Гнаде сделал необычное признание, учитывая выраженное ранее нежелание свидетелей критиковать бывших товарищей: «К моему сожалению, я должен сказать, что старший лейтенант Гнаде создал у меня ощущение, будто всё происходящее приносило ему много удовольствия».³³⁷

Но даже самое необузданное насилие не могло превозмочь недостаток вагонов в поезде, так что когда двери наконец намертво закрылись, около 150 евреев — по большей части женщины и дети — остались снаружи. Гнаде вызвал Дракера и сказал ему вести тех на кладбище. У входа на кладбище один полицейский разгонял «любопытных наблюдателей»³³⁸ и ждал, пока не прибудет старший сержант Остман* с грузовиком водки для стрелков. Остман упрекал одного из своих людей, кто до этого избегал участия в расстрелах: «Давай пей, Пфайффер*, настала твоя очередь, потому что еврейки должны быть расстреляны. Пока что тебе удавалось улизнуть, но теперь ты должен сделать это». Сформировали расстрельную команду — где-то 20 человек, евреев приводили группами такого же размера. Сначала мужчины, затем женщины и дети. Их заставляли лечь лицом вниз около ограждения кладбища, и затем убивали выстрелами в шею. Каждый полицейский произвёл семь или восемь выстрелов.³³⁹ У ворот кладбища один еврей набросился на Дракера со шприцем, но был быстро повязан. Даже когда евреев группами уводили на расстрел и раздавались выстрелы, остальные евреи тихо сидели и ожидали своей участи. «Они были весьма

истощены и выглядели голодными до смерти», — вспоминал один охранник.³⁴⁰

Не может быть точно установлено количество жертв депортаций 6 и 9 октября в Мендзыжеце, а показания свидетелей сильно различаются.³⁴¹ В любом случае, в середине октября гетто снова пополнилось, когда туда перевезли от 2 000 до 3 000 евреев из Радзиня. Этих людей ранним утром 14 октября собрали и погрузили в караван из более чем сотни фургонов с лошадьми. Охраняемый польской полицией, этническими немцами «самообороны» и несколькими полицейскими первой роты караван медленно пустился в путь в Мендзыжец, в двадцати девяти километрах к северу, куда прибыл уже поздно ночью. Пустые фургоны потом вернули в Радзине.³⁴²

В последующих акциях 27 октября и 7 ноября гетто Мендзыжеца отчистили от около 1 000 рабочих-евреев. Эти акции должно быть были меньше в размахе, чем предыдущие, потому как ни Хиви, ни отряды Полиции Безопасности Радзиня не оказывали помощь полицейским. Теперь всем заправлял Гнаде. По-видимому, он ввёл дополнительную процедуру в депортации — «быстрый обыск». После сбора на рынке, депортированных загоняли в барак, раздевали и обыскивали ради ценностей. Несмотря на холодную осеннюю погоду, им позволяли надеть обратно только исподнее. В этой скудной одежде их гнали маршем на железнодорожную станцию и загоняли в вагоны для скота в предназначенном Треблинке поезде.³⁴³ В период с конца августа и с завершением акции 7 ноября из города «человеческого ужаса» в лагерь смерти Треблинка отряды Полицейского Резервного Батальона 101 депортировали как минимум 25 000 евреев.

Пока Гнаде занимался депортациями в Мендзыжеце, такую же работу выполняла первая рота в Лукуве, однако капитан Волауф ею больше не командовал. Его отношения с Траппом неуклонно ухудшались, пока майор открыто не высказал свою тревогу по поводу эпизода в Мендзыжеце, в котором Волауф привёл свою невесту посмотреть на чистку гетто.³⁴⁴ После резни в Серокомле Волауф сопровождал свою невесту в Гамбург, где оставался несколько дней. Вернувшись в Радзине в середине октября, Волауф заболел желтухой. В начале ноября был убит его единственный брат — пилот Люфтваффе, а несколькими днями позже в Дрездене погиб отец. Волауф отправился на похороны в Дрезден, рапортовал о болезни и снова поехал в Гамбург, теперь уже на амбулаторное лечение. Выздоровливая, он узнал, что одобрили его запрос о трансфере с «фронта» как единственного выжившего сына. В январе 1943 г. ненадолго вернулся в Радзине забрать свои вещи.³⁴⁵

Если Волауфу удалось вырваться из Полицейского Резервного Батальона 101, то его людям так не повезло. Совместно с людьми Штайнмеца из Ломазы и Парчева (третий взвод, вторая рота) и отрядом Хиви они провели две депортации из Лукува. 5 000 человек 5 октября и 8 ещё 2 000. Воспоминания об этом резко расходятся. Часть заявляла, что стрельбы было минимум и никого не убивали.³⁴⁶ Другие вспоминали множество расстрелов.³⁴⁷ Одного едва не подстрелили свои же.³⁴⁸ Мало что говорит заключение одного полицейского о том, что депортации из Лукува были «несомненно более организованными и человечными», чем депортации в августе из Мендзыжеца, учитывая несравнимую жестокость последней.³⁴⁹ На месте сбора во время первой депортации — Швайнемаркте [Schweinemarkt] или «рынке свиней» — главу еврейского совета вместе с другими важными евреями убили на месте. Избежавших первой операции евреев нашли и депортировали тремя днями позже.³⁵⁰

После первых операций взвод Штайнмеца вернулся в Парчев, а штаб батальона переместился из Радзиня в Лукув. 6 ноября лейтенант Бранд и сержант Юрий руководили трансфером последних 700 евреев Коцка в Лукув. Когда Юрий обнаружил отсутствие большого числа евреев, он застрелил главу еврейского совета в голову. Как и при транспортировке из Радзиня в Мендзыжец, использовались запряжённые лошадьми фургонами и достигнуть Лукува удалось лишь поздней ночью.³⁵¹

Заключительная депортация от 3 000 до 4 000 евреев из Лукува началась следующим утром 7 ноября и растянулась на несколько дней.³⁵² Уже не имея сомнений о своей судьбе, евреи на марше пели «Мы путешествуем в Треблинку». Полиция Порядка расстреляла от 40 до 45 человек в отместку за неспособность еврейской полиции гетто доложить о спрятанных евреях.³⁵³

Судя по всему, евреи упорно скрывались во время последней депортации. Чтобы выманить их из укрытий, Полиция Безопасности придумала уловку — по всему гетто объявили, что будут выпущены новые удостоверения личности. Пришедшие за новыми документами будут помилованы, а всех, кого найдут без них, убьют. Надеясь хоть на небольшую передышку между депортациями, отчаявшиеся евреи вышли из укрытий и пошли за новыми удостоверениями. После сбора как минимум 200 евреев, 11 ноября их вывели из Лукува и расстреляли. Вторую группу собрали и казнили 14 ноября.³⁵⁴

Члены Полицейского Резервного Батальона 101 участвовали в одной, а

может и в обеих казнях. Потому как Трапп и большинство первой роты находились где-то в другом месте, Бухман временно остался без защитника. Он и буквально все доступные люди, включая штабных кадров — клерков, связистов и водителей — все, кто до этого избегал прямого участия в казнях — оказались под давлением к выполнению задания местной Полицией Безопасности. В сравнении с расплывчатыми воспоминаниями тех, кто к осени уже был утомлённым ветераном многих еврейских акций, воспоминания о расстреле евреев в Лукуве у новопосвящённых были очень яркими.³⁵⁵ Один полицейский вспомнил, что слух о неизбежном расстреле распространился ещё предшествующей ночью.

«Тем вечером нашим гостем стал развлекательный отряд берлинской полиции — так называемая благотворительность для фронта. Развлечение состояло из музыкантов и артистов. Они слышали о предстоящем расстреле евреев и просили, даже решительно умоляли, позволить им участвовать в казни евреев. Запрос был одобрен батальоном».³⁵⁶

Утром Бухман вернулся с собрания и повёл своих людей к зданию Полиции Безопасности рядом со входом в гетто. Полицейские заняли посты охраны по сторонам улицы. Открылись железные ворота гетто, и полицейские погнали несколько сотен евреев наружу и из города.³⁵⁷

Для колонн евреев требовалось всё больше охранников, и члены штаба батальона получили приказ прибыть в штаб Полиции Безопасности. Несколькими днями ранее из окон переделанной в бараки школы они смотрели, как мимо них на железнодорожную станцию вели евреев Лукува. Теперь пришла их очередь заниматься подобным. Им выдали контингент от 50 до 100 евреев и знакомым путём отправили из города.³⁵⁸

Тем временем первая колонна свернула с дороги и последовала на открытый луг с песчаной почвой. Офицер СС приказал остановиться и сказал заместителю Бухмана Гансу Пруцману* приступить к расстрелу евреев. Пруцман сформировал расстрельную команду размером от 15 до 25 человек, в основном из волонтёров отряда развлечения, экипированных вооружением батальона. Евреям пришлось раздеться — мужчинам полностью, женщинам до исподнего. Они сложили обувь и одежду в кучу и их группами повели на место казни где-то в пятидесяти метрах на отдалении. Там их как обычно положили лицом вниз и застрелили со спины, используя штыки как прицелы. Рядом вместе с несколькими офицерами СС

стоял Бухман.³⁵⁹

Когда члены штаба батальона прибыли на песчаный луг, расстрелы уже начались. Подошедший к ним Бухман сообщил, что от них требуется предоставить расстрельную команду для приведённых ими евреев. Один клерк, заведующий униформами, попросил исключить себя из этого. «Потому что среди приведённых нами евреев было много детей, а тогда я и сам был отцом в семье с тремя детьми. Я сказал лейтенанту что-то вроде того, что я не мог стрелять и попросил назначить меня на какие-нибудь другие работы». Несколько других незамедлительно сделали тот же запрос.³⁶⁰

Таким образом, Бухман обнаружил себя в той же позиции, что и Трапп в Юзефуве и в целом отреагировал тем же образом. Получив прямой приказ от вышестоящего офицера СС Полиции Безопасности произвести массовую казнь евреев силами своего подразделения Полиции Порядка, он подчинился. Столкнувшись с подчинёнными, которые открыто просили о другом назначении, как и он сам сделал в Юзефуве, Бухман согласился и отпустил четырёх. В процессе самой казни Бухман удалился. В компании старшего члена штаба, человека, которого он хорошо знал и чей запрос об отказе от участия только что одобрил, ушёл далеко от места казни.

Какое-то время спустя связисты и водители штаба батальона получили приказ принять участие в ещё одном расстреле евреев, собранных Полицией Безопасности в Лукуве. В этот раз Бухмана на месте не было³⁶¹ — его многочисленные запросы о переводе в Гамбург наконец-то одобрили. По возвращению он сначала занял позицию офицера воздушной защиты. Между январём и августом 1943 года служил адъютантом президента полиции в Гамбурге. После этого ему позволили вернуться в свою лесозаготовочную фирму, по делам которой во время последнего года войны он путешествовал во Францию, Австрию и Чехословакию. Незадолго до своего расставания с Полицией Порядка получил повышение до старшего лейтенанта запаса.³⁶² Совершенно ясно, что Трапп не только защищал его от участия в действиях против евреев в Польше (за исключением стрельбы в Лукуве), но и позаботился о том, чтобы его личное дело содержало положительную характеристику и не вредило его карьере.

Глава 13

Странности со здоровьем капитана Хоффмана

До осени 1942-го третья рота Полицейского Резервного Батальона 101 под командованием капитана и гауптштурмфюрера СС Вольфганга Хоффмана наслаждалась безоблачной жизнью, по большей части избавленной от ставшей основной кровавой деятельности других отрядов батальона. В Юзефове два взвода третьей роты назначили во внешний кордон, так что никто из их членов не вступал в расстрельные команды в лесу. Когда батальон перевели в северную зону безопасности округа Люблина, второй и третий взводы третьей роты расположились в районе Пулавы. Третий взвод под прямым командованием Хоффмана размещался в самом городе Пулавы, а неподалёку и второй взвод лейтенанта Хоппнера, сначала в Куруве [Kurów], а затем в Вандолине [Wandolin]. Большую часть евреев района Пулавы депортировали в Собибор ещё в мае 1942 г. — первые евреи убитые в том лагере — а остальная часть еврейского населения была сконцентрирована в «сборочных гетто» в небольшом городе Коньсковоля [Końskowola], где-то в шести километрах к востоку от Пулавы. Таким образом, только первый взвод лейтенанта Питерса, расположенный в соседнем районе Радзине, был вовлечён в августовские депортации и сентябрьские расстрелы. В Пулавы даже польское сопротивление не беспокоило третью роту — Хоффман в своём рапорте писал, что они нашли район «достаточно тихим», и до октября не было ни одного столкновения с «вооружёнными бандитами».³⁶³

Однако в начале октября удача третьей роты закончилась. В «сборочном гетто» Коньсковоля, содержащем от 1 500 до 2 000 евреев³⁶⁴, планировалась чистка, подобная чисткам в соседнем Радзине. Северный Люблин должен был стать *judenfrei*. Для выполнения задачи собрали значительные силы: все три взвода третьей роты, включая Питерса в Чемерниках, местный контингент Жандармерии из примерно двенадцати человек под командованием старшего лейтенанта Джаммера (чьей основной задачей был надзор за местной польской полицией), передвижную моторизованную роту³⁶⁵ Жандармерии под командованием старшего лейтенанта Мессмана*, около 300 Хиви и трёх членов СС из Люблина.³⁶⁶ Третья рота собралась в Пулавы, где Хоффман зачитал инструкции с бумажки: гетто должно быть зачищено, евреи собраны на рынке; кто не может ходить — старые, немощные, больные и младенцы — застрелены на

месте. Это было стандартной процедурой, он добавил, уже какое-то время.³⁶⁷

Полицейские выехали в Коньсковолу. Хоффман, старший по званию офицер полиции, проконсультировался с Джаммером и Мессманом и распределил назначения. Вопреки обычной практике, Хиви назначили в кордон вместе с частью полицейских. Первые поисковые команды в гетто состояли из людей третьей роты и моторизированной роты Жандармерии Мессмана. Каждой команде определили свою зону поисков.³⁶⁸

Гетто страдало от эпидемии дизентерии, множество евреев не могло не то что дойти до рынка, но и встать с кровати, в следствии чего стрельба шла по всему гетто. Один полицейский вспоминал: «я сам застрелил шестерых стариков в их домах; они были прикованы к постелям и сами попросили меня об этом».³⁶⁹ После завершения первых поисков и сбора выживших евреев на рынке, на поиски отправили назначенные ранее в кордон отряды. Они уже слышали непрекращающуюся стрельбу, а проводя обыск, встретили разбросанные повсюду трупы.³⁷⁰

Многим особенно ярко запомнилось здание, служившее гетто госпиталем — что на самом деле было не более чем большой комнатой, заполненной тремя или четырьмя рядами двухъярусных кроватей и ужасной вонью. На зачистку и ликвидацию госпиталя выделили группу из четырёх или пяти человек. В госпитале находилось от 40 до 50 пациентов, большинство из которых страдало от дизентерии. «В любом случае, почти все были до жути тощими и голодными до смерти. Можно сказать, что они состояли из кожи и костей».³⁷¹ Пытаясь, без сомнения, как можно быстрее покинуть помещение с такой вонью, полицейские открыли беглый огонь как только вошли в комнату. Под оружейным огнём тела падали с верхних коек. «Такой способ действий был мне так противен, я испытал такой стыд, что я сразу повернулся и покинул комнату». — сообщил один полицейский.³⁷² Другой вспоминал: «Увидев больных евреев, для меня стало невозможно выстрелить в кого-нибудь из них, так что все выстрелы я намеренно произвёл мимо».³⁷³ Присоединившийся к расстрелам сержант обратил внимание на такую стрельбу: «По завершению он отвёл меня в сторону и поносил как «предателя» и «труса», угрожал доложить об инциденте капитану Хоффману. Однако так этого и не сделал».³⁷⁴

На рынке евреев разделили — мужчины в одну сторону, женщины и дети в другую. Провели отбор мужчин возрастом от 18 до 45, в особенности искали квалифицированных рабочих, возможно отобрали и некоторых женщин. Отобранных погнали из гетто на железнодорожную станцию

Пулавы для отправки в рабочие лагеря Люблина. Они были так ослаблены, что многие не смогли справиться с пятикилометровым маршем до станции. Свидетели оценивали, что для работ отобрали от 500 до 1 000 евреев, но около сотни упавших от истощения расстреляли по пути.³⁷⁵

Пока пригодных для работ евреев выводили из города, оставшихся — от 800 до 1 000 женщин и детей, а так же большое количество стариков — повели к месту казни в лесу за чертой города. Для расстрельных команд людей предоставляли первый взвод Питерса и часть жандармерии Мессмана. Сначала в лес отвели мужчин, положили лицом вниз и застрелили. За ними последовали женщины и дети.³⁷⁶ Один полицейский беседовал с главой еврейского совета — немецким евреем из Мюнхена — пока того тоже не увели.³⁷⁷ Когда полицейские из эскорта рабочих евреев вернулись на рынок, то обнаружили его пустым, однако могли слышать доносившиеся из леса выстрелы. Их отправили ещё один раз обыскать гетто, после чего позволили разойтись и отдохнуть. К тому времени уже наступил вечер, некоторые нашли приятный фермерский домик и играли в нём в карты.³⁷⁸

Двадцать пять лет спустя Вольфганг Хоффман утверждал, что не помнит ровным счётом ничего об акции в Коньсковоле, в которой полицейские под его командованием убили за один день от 1 100 до 1 600 евреев. Его амнезия может иметь в своей основе не только юридические причины, но и проблемы со здоровьем, испытываемые им во время назначения в Пулавы. В то время Хоффман винил в своей болезни вакцину от дизентерии, сделанную в конце августа. В 1960-х он подумал, что более удобным будет отслеживать своё заболевание до психологического стресса, полученного во время резни в Юзефове.³⁷⁹ Какой бы ни была причина, Хоффман начал страдать от диареи и болях в животе в сентябре и октябре 1942 г. По своим собственным показаниям его состояния — вегетативный колит [vegetative colitis] — сильно усугублялось тряской при поездках, особенно на велосипеде или машине, так что он в то время редко лично руководил деятельностью своей роты. Тем не менее, из-за «солдатского энтузиазма» и желания поправиться, он до конца октября отказывался сообщать о своей болезни. В военный госпиталь он пришёл только 2 ноября по приказу доктора.

Люди Хоффмана единогласно озвучивают другую версию. По их наблюдениям, его «предполагаемые» приступы боли в животе, приковывающие его к безопасности постели, слишком удачно совпадали с не привлекательными или опасными операциями роты. Было обычным дело

для них предсказать, услышав ночью о предстоящем, что командир роты к утру решит остаться в постели.

Из-за двух усугубляющих факторов поведение Хоффмана терзало его людей особенно сильно. Во-первых, тот был всегда строгим и недоступным — типичным «штабным офицером», любившим свои белый воротник и перчатки, носившим инсигнии СС на униформе и требовавшим значительного почтения. Его явная робость перед лицом действия выглядела вершиной лицемерия, и его окрестили «Пимпф» — названием для членов гитлерюгенда, возрастом от десяти до четырнадцати лет, по смыслу — «бойскауты Гитлера».

Во-вторых, Хоффман стремился компенсировать отсутствие своей мобильности усиленным надзором за своими подчинёнными. Он пытался действовать не только как командир роты, но и как командир взвода, а приказы настойчиво раздавал из постели. Перед каждым патрулём или операцией, унтер-офицеры рапортовали в спальню Хоффмана лично ему. Третий взвод, расположенный в Пулавы, был без лейтенанта и руководился старшим сержантом Джастменом*. Он в особенности не имел права распоряжаться людьми без личного на то одобрения от Хоффмана. Джастмен и другие сержанты чувствовали, будто их понизили до звания капралов.³⁸⁰

С 2 по 25 ноября Хоффман был госпитализирован в Пулавы, а затем в отпуске по состоянию здоровья³⁸¹ находился в Германии. После нового года всего на месяц вернулся руководить ротой, перед тем как снова вернуться на лечение в Германию, во время которого и узнал, что Трапп освободил его от должности командира роты.

Отношения между Траппом и Хоффманом стали портиться ещё в январе, когда командующий батальоном приказал всем офицерам, унтер-офицерам и рядовым подписать специальную декларацию, по которой солдат обязывался не воровать, грабить или отбирать вещи без оплаты. Хоффман написал Траппу разъярённое письмо, в котором открыто отказывался выполнять подобный указ, потому как тот глубоко нарушал «его честь».³⁸² Трапп так же прослышал о нелестных отзывах о деятельности Хоффмана в Пулавы от его временной замены — старшего лейтенанта Мессмена, командира моторизированной роты Жандармерии, участвовавшей в резне в Коньсковоле. 23 февраля 1943 года проконсультировавшись со старшим сержантом третьей роты Карлсенем*, подтвердившим паттерн заболевания Хоффмана, Трапп отправил запрос об освобождении Хоффмана с поста командующего ротой. Основанием служили

его рапорты о болезни перед каждой важной операцией, и этот «недостаток чувства долга» плохо сказывался на морали людей.³⁸³

Гордый, чувствительный Хоффман энергично и горячо ответил на своё отстранение, снова утверждая, что его «честь офицера и солдата были глубоко задеты», после чего обвинил Траппа в действии из личных мотивов.³⁸⁴ Трапп во всех подробностях объяснился и был оправдан. Командир Полиции Порядка округа Люблина заключил, что поведение Хоффмана не было «ни в коем случае удовлетворительно»; если он действительно был болен, то действовал безответственно, игнорируя касающиеся такой ситуации регуляции; и ему должна быть предоставлена возможность проявить себя в командовании другим отрядом.³⁸⁵

Осенью 1943 года Хоффмана действительно перевели в полицейский батальон с фронтовым опытом в Советском Союзе, где он получил железный крест второго класса. Позже ему дали в командование белорусский вспомогательный батальон под Минском, а затем батальон кавказских «добровольцев». Закончил войну старшим офицером штаба командующего генерала полиции в Познани.³⁸⁶ Говоря иначе, из его поведения после осени 1942-го сложно подумать, что Хоффман был трусом, как подозревали его люди и Трапп. Он был болен. Нельзя установить, вызвана ли его болезнь кровавой деятельностью Полицейского Резервного Батальона 101, но у него были симптомы психологически вызванного «раздражённого кишечника» или «адаптивного колита» и, конечно же, обязанности Хоффмана ухудшали его состояние. Более того, ясно видно, что вместо того, чтобы использовать заболевание как оправдание для получения другого назначения вместо убийства евреев, Хоффман всеми силами старался скрыть своё заболевание от начальства и избегал госпитализации. Если массовые убийства давали Хоффману боли в животе, то можно считать фактом, что он испытывал глубокий стыд, но изо всех сил старался его превазможь.

Глава 14

«Охота на евреев»

К середине ноября 1942 года, после массовых убийств в Юзефове, Ломазы, Серокомле, Коньсковоле и в других местах, ликвидаций гетто Мендзыжеца, Лукува, Парчева, Радзиня и Коцка, члены Полицейского Резервного Батальона 101 приняли прямое участие в казне как минимум 6

500 польских евреев и депортации по консервативным оценкам от 42 000 в газовые камеры Трешлинка. Но их роль в кампании по массовому убийству всё ещё не была завершена. Отчистив города и гетто северного округа Люблина, батальон получил приказ отслеживать и систематически уничтожать всех, кто спрятался и избежал предыдущих облав. Если коротко — они были ответственны за окончательное превращение округа в *judenfrei*.

Годом ранее 15 октября 1941 г., глава Генерал-губернаторства Ганс Франк объявил, что любой еврей обнаруженный вне гетто будет отправлен на специальный суд и приговорён к смерти. Этот указ как минимум отчасти возник в ответ на запрос членов немецкого здравоохранения в Польше, которые пришли к заключению, что только самое суровое наказание сможет удержать голодающих евреев от покидания гетто для контрабанды еды, тем самым разнося эпидемию тифа, которая опустошала гетто. К примеру, глава здравоохранения в округе Варшавы Доктор Ламбрехт поддерживала закон, угрожающий евреям вне гетто «смертью через повешение», что было «сильнее страха смерти от голода».³⁸⁷ Вскоре, однако, возникли жалобы на имплементацию этого указа — рабочая сила для эскорта евреев была сильно ограничена, расстояния слишком большими, судебные процедуры специального суда слишком накладными и затратными по времени. Решение было простым — все судебные процедуры отменялись, а евреев вне гетто расстреливали на месте. На встрече 16 декабря 1941 года между Франком и главами округов заместитель губернатора округа Варшавы заметил, с какой «благодарностью люди приняли приказ о расстреле от командира Полицией Порядка, в котором евреев в сельской местности можно было расстреливать».³⁸⁸

Таким образом, даже до систематических депортаций в лагеря смерти евреев Польши подвергали казням вне гетто. Этот «приказ о расстреле» применялся в округе Люблина достаточно «слабо», так как в сравнении с остальной территорией Генерал-губернаторства, «геттоизация» была лишь частичной. До сентября и октября 1942-го евреи жили в малых городах и деревнях и не были сконцентрированы в транзитных гетто Мендзыжеца и Лукува. Предшественник батальона Траппа в северном округе Люблина, Полицейский Батальон 306, периодически действительно занимался расстрелом найденных вне городов евреев³⁸⁹, но систематический поиск евреев не начался, пока не закончилась «геттоизация». В полную силу закон стал применяться лишь после ликвидации гетто.

В конце августа гетто Парчева стало первым полностью зачищенным на территории зоны безопасности батальона. Согласно сержанту

Штайнмецу, чей третий взвод второй роты располагался там, евреев всё ещё продолжали находить и сажать в местные тюрьмы. Гнаде отдал приказ о расстреле узников. «Этот приказ лейтенанта Гнаде явно распространялся и на все следующие дела ... Мне дали задачу поддерживать мою территорию свободной от евреев». ³⁹⁰ Лейтенант Дракер так же вспоминал о получении приказа из штаба батальона в конце августа: «свободно перемещающихся евреев в сельской местности расстреливать на месте при встрече». Но приказ не был полностью имплементирован, пока не состоялась финальная депортация евреев из деревень в транзитные гетто.

К октябрю же приказ стал реальностью. ³⁹¹ Развешенные повсюду плакаты объявляли, что все евреи, найденные вне гетто, будут застрелены. ³⁹² «Приказ на расстрел» стал частью стандартных ротных инструкций и выдавался регулярно, особенно перед отправкой патрулей. ³⁹³ Ни у кого не было сомнений, что ни один еврей не останется в живых на территории действия батальона. В официальном жаргоне батальон совершал «лесные патрули» за «подозреваемыми». ³⁹⁴ Выживших евреев отслеживали и отстреливали как животных, а члены Полицейского Резервного Батальона 101 неофициально окрестили эту фазу Окончательного Решения *judenjagd* — «охота на евреев». ³⁹⁵

«Охота на евреев» принимала множество форм. Самыми выдающимися стали две чистки батальоном леса Парчева осенью 1942 и весной 1943 гг. Последняя совместно с отрядами армии. Целью этих чисток являлись не только евреи, но и партизаны, и сбежавшие советские военнопленные, хотя судя по всему, евреи являлись главной целью первой чистки в октябре. Джордж Леффлер* из третьей роты вспоминал:

«Нам сказали, что в лесу прячется множество евреев. Поэтому мы прочесали лес цепью стрелков, но ничего не нашли. Прочесали ещё раз и только тогда мы нашли торчащие из земли дымоходные трубы. Мы обнаружили, что евреи там прятались в подземных бункерах. Их вытащили наружу, сопротивлялись только в одном бункере. Часть товарищей спускалась в бункера и вытаскивала евреев. Их расстреливали на месте ... евреев клали на землю лицом в низ и расстреливали в шею. Не помню кто был в расстрельных командах. Кажется, приказали тем, кто просто рядом оказался. Застрелили где-то пятьдесят евреев, включая женщин и мужчин всех возрастов, там прятались целые семьи ... Расстрел производился в открытую. Кордон вообще не формировали, какое-то количество поляков из Парчева стояло неподалёку от места казни и смотрело. Им потом

приказали, предположительно Хоффман, закопать мёртвых евреев в недостроенном убежище». ³⁹⁶

Другие отряды батальона так же вспоминали об обнаружении убежищ и убийстве евреев группами от 20 до 50. ³⁹⁷ Один полицейский оценил, что в октябре было убито где-то 500. ³⁹⁸

К весне ситуация немного изменилась. Немногочисленные выжившие евреи по большей части присоединились к отрядам партизан или сбежавших военнопленных. Весенний поиск открыл «лесной лагерь» сбежавших советов и евреев, оказавших вооружённое сопротивление. От 100 до 120 евреев и советов убито. Батальон понёс как минимум одну потерю, так как адъютант Траппа, лейтенант Хаген, был случайно убит своими людьми. ³⁹⁹

Некоторое количество евреев было послано на работу в различные крупные сельскохозяйственные поместья, захваченные и теперь управляемые немцами. В Гут Джаблоне [Gut Jablon] около Парчева, отряд взвода Штайнмеца погрузил тридцать евреев в грузовики, вывез в лес и казнил привычным теперь выстрелом в шею. Немецкая администрация, которую не предупредили о предстоящей ликвидации, безуспешно подавала жалобы. ⁴⁰⁰ Администратор Гут Паннвица [Gut Pannwitz] около Пулавы столкнулся с противоположной проблемой — слишком большим количеством рабочих евреев. Его поместье стало прибежищем для сбежавших из гетто в леса, ищущих защиты и еды евреям. Когда население евреев заметно раздулось, администрация поместья созвонилась с капитаном Хоффманом, и расстрелять излишек евреев послали команду немецкой полиции. ⁴⁰¹ После госпитализации Хоффмана, его преемник — лейтенант Мессман, сформировал эскадроны ⁴⁰², которые занялись систематическим уничтожением небольших скоплений рабочих евреев в радиусе пятидесяти или шестидесяти километров от Пулавы. Водитель Мессмана Альфред Шперлих* так описывал эту процедуру:

«В случаях, когда до ферм и барачных евреев можно было легко добраться, я на большой скорости заезжал на ферму, а полиция мгновенно выскакивала и бежала к еврейским барачкам. Затем всех присутствующих евреев выгоняли и расстреливали на ферме рядом со стогами сена, картофельными ямами или кучами навоза. Жертвы почти всегда лежали нагими и их убивали выстрелом в шею».

Однако если подъезд к ферме хорошо просматривался, полиция скрытно приближалась пешим ходом, не давая жертвам возможности сбежать. Обычно на рабочих местах рядом с лесами полиция находила больше евреев, чем ожидала.⁴⁰³

Какая-то часть из них выжила прячась в городах, а не лесах, но и их выследили.⁴⁰⁴ Самым запоминающимся стал случай в Коцке, где польский переводчик, работающий на немцев, выдал местоположение убежища в подвале. Захватили четверых евреев. Под «допросом» они открыли местоположение ещё одного убежища в большом доме на границе города. Не ожидая сопротивления, туда отправились единственный полицейский вместе с польским переводчиком. Но это был тот редкий случай, когда евреи были вооружены и открыли стрельбу по приближающемуся полицейскому. Было вызвано подкрепление, и началась перестрелка. В конце концов четырёх или пятерых евреев убили при попытке прорваться, от восьми до десяти нашли мёртвыми или тяжело ранеными в подвале, и только четверых захватили невредимыми. Их тоже «допросили» и тем же вечером застрелили.⁴⁰⁵ Затем немецкая полиция отправилась на поиски владельца дома — польскую женщину, успевшую вовремя сбежать. Её выследили до дома её отца в деревне неподалёку. Лейтенант Бранд предоставил отцу суровый выбор — его жизнь или жизнь дочери. Мужчина сдал свою дочь, и её застрелили на месте.⁴⁰⁶

Самой типичной формой «охоты на евреев» стали малые патрули в лесах для ликвидации отдельных известных бункеров. Батальон сформировал сеть информаторов и «лесных бегунов» или ищеек, которые искали убежища евреев и докладывали о них. Многие поляки добровольно предоставляли информацию о евреях в лесах, которые в отчаянных попытках выжить крали еду с ближайших полей, ферм и деревень. Получив донесение, командир местной полиции отправлял небольшой патруль для установления местоположения спрятавшихся евреев. Подобный сценарий проигрывался раз за разом лишь с небольшими отклонениями: польские проводники вели полицейских прямо к убежищам, а те забрасывали гранаты в отверстия бункеров; переживших атаку гранатами и выбегающих из бункеров евреев клали лицом вниз и стреляли в шею; тела обычно оставляли на захоронение местным деревенским полякам.⁴⁰⁷

Такие патрули проходили «слишком часто» для того, чтобы большинство полицейских запомнило в скольких они принимали участие. «Для нас это был более менее хлеб насущный». — сказал один.⁴⁰⁸ Выражение «хлеб насущный» применительно к «охоте на евреев» употреблял и другой

полицейский.⁴⁰⁹ Уже по поведению лидера патруля люди могли быстро сказать, что их ждало — возможное столкновение с партизанами или обычный поиск евреев по доносу. Допускалось, что те не вооружены.⁴¹⁰ Согласно как минимум одному полицейскому, патрули «охоты на евреев» были основной формой патрулей. «Подобные действия были нашей основной задачей, и в сравнении со столкновениями с настоящими партизанами, происходили намного чаще».⁴¹¹

Пока эти небольшие патрули выслеживали выживших евреев, члены Полицейского Резервного Батальона 101 прошли почти полный круг и вернулись к опыту Юзефува. Во время больших операций по депортации, хотя бы в кордоне, но буквально всем полицейским приходилось нести обязанности. Они вели массы людей на поезда, но могли дистанцировать себя от убийств на другом конце поездки. Их ощущение отстранённости от судеб депортируемых ими евреев было непоколебимо.

Однако «охота на евреев» отличалась. Им вновь приходилось сталкиваться с жертвами лицом к лицу и убийства несли личный характер. Что более важно, каждый полицейский столкнулся с проблемой выбора. Как каждый из них делал этот выбор показывало, как именно батальон разделился на «крепких» и «слабых». Месяцы спустя Юзефува многие стали онемевшими, безразличными и в некоторых случаях охотливыми убийцами. Другие же старались ограничивать своё участие в процессе убийства, избегали, если могли это сделать без неудобства или последствий для себя. Лишь меньшинство неконформистов смогло сохранить осаждённую сферу моральной автономии, которая давала им храбрость применять поведенческие паттерны или стратегии по уклонению, предохранявшие их от становления убийцами.

Касаясь выработавших вкус к убийству, жена лейтенанта Бранда ярко помнила один вечер во время визита к своему мужу в Польшу:

«Я сидела завтракала с моим мужем в саду нашего дома, когда обычный полицейский из взвода моего мужа подошёл к нам, встал по стойке смирно и объявил „Герр Лейтенант, я ещё не завтракал“. Когда мой муж вопросительно взглянул на него, он пояснил: „Я ещё не убил ни одного еврея“. Это звучало так цинично, что я возмущенно отчитала этого человека грубыми словами и назвала его — если я правильно помню — мерзавцем. Мой муж отослал полицейского и подошёл ко мне, сказав, что я попаду в неприятности если буду так говорить».⁴¹²

Возрастающую чёрствость можно наблюдать и в поведении полицейских после расстрелов. После Юзефува и ранних расстрелов люди возвращались в казармы потрясёнными и озлобленными, без аппетита и желания говорить о том что сделали. С постоянными убийствами такая чувствительность притупилась. Один полицейский вспоминал: «За обеденным столом какие-то товарищи обменивались шутками о случаях, которые с ними приключились во время операций. Из их историй я смог понять, что они только что закончили расстрел. Я помню что особо грубым мне показалось, как один из них сказал, что сейчас мы едим „мозги забитых евреев“». ⁴¹³ Только сам свидетель нашёл эту «шутку» не такой уж и смешной.

В подобной атмосфере для офицеров и унтер-офицеров было легко набирать людей в патрули «охоты на евреев», просто спросив о добровольцах. Самым настойчивым в этом плане был Адольф Биттнер*: «Прежде всего я должен категорично подчеркнуть, что для формирования команд палачей набиралось достаточно добровольцев по простому запросу командующего офицера ... Я должен далее добавить, что часто было так много добровольцев, что некоторые получали отказ». ⁴¹⁴ Другие были не столь категоричны и отмечали, что вдобавок к добровольцам, иногда офицеры или унтер-офицеры набирали в команды из стоящих рядом людей, обычно тех, кто был известен как желающий пострелять. Как сказал сержант Бекемейер: « Суммируя, можно сказать, что в небольших операциях, где не требовалось много стрелков, всегда хватало добровольцев. В больших операциях, с бóльшим требованием к численности, тоже было много добровольцев, но если не хватало, то назначали и других». ⁴¹⁵

Как и Бекемейер, Уолтер Циммерманн* тоже делал различие между большими и малыми казнями. Касаясь последних, он подмечал:

«Не помню ни одного случая, что бы того, кто отказался, заставляли продолжать. Что касается операций взвода или совместных, я должен честно признать, что с этими небольшими казнями всегда находились товарищи, кому было проще стрелять евреев, чем другим, так что командирам команд никогда не составляло труда находить подходящих стрелков». ⁴¹⁶

Те, кто не желал идти на «охоту на евреев» или вступать в расстрельные команды следовали трём моделям поведения: они не делали

секрета из своей антипатии к убийствам; никогда не вызывались добровольно; и держали дистанцию от офицеров и унтер-офицеров, когда те формировали патрули или расстрельные команды. Некоторых никогда не выбирали просто из-за известной всем позиции. Отто Юлиус Шимке — первый человек вышедший вперёд в Юзефове, часто назначался на выступления против партизан, но никогда на «охоту на евреев». «Нельзя исключать того», — он сказал, — «что из-за того инцидента я был освобождён от других еврейских действий». ⁴¹⁷ Адольф Биттнер так же признавал, что его ранняя и открытая оппозиция действиям батальона против евреев освободила его от дальнейшего участия.

«Я должен подчеркнуть, что с первых дней я не оставлял моим товарищам сомнения в том, что я не одобряю подобных мер и никогда не вызывался на них. Так что во время одного из первых поисков евреев, когда один мой товарищ в моем присутствии избил еврейскую женщину, я ударил его по лицу. Составили рапорт, и моё отношение стало известно начальству. Меня никогда официально не наказывали, но любой знакомый с системой знает, что помимо официального наказания существует возможность постоянных придинок, которые более чем компенсируют наказание. Поэтому меня назначали на несение службы по воскресеньям и специальные вахты». ⁴¹⁸

Но Биттнер никогда не назначался в расстрельные команды.

Густав Майклсон*, который, несмотря на издёвки товарищей, прятался среди грузовиков в Юзефове, также получил некоторый иммунитет благодаря своей репутации. Майклсон рассказывал следующее о частых «охотах на евреев»: «Никто никогда не обращался ко мне по поводу этих операций. Для подобного офицеры брали с собой „мужиков“, а в их глазах я не был „мужиком“. Другие товарищи, демонстрировавшие моё отношение и поведение, также избежали подобных операций». ⁴¹⁹

Генрих Фейхт*, применявший тактику выдерживания дистанции, объяснял как он избежал всех расстрелов кроме одного: «Всегда есть некоторая свобода передвижения в пределах пары метров, и из моего опыта я очень быстро заметил, что лидер взвода почти всегда выбирал из стоящих рядом с ним. Так что я всегда пытался держать как можно большую дистанцию от центра событий». ⁴²⁰ Другие тоже пытались избежать расстрелов держась на заднем фоне. ⁴²¹

Иногда не хватало ни дистанции, ни репутации и помогал только прямой отказ от убийства. Во втором взводе третьей роты лейтенант Хоппнер стал одним из самых фанатичных участников «охоты на евреев» и со временем попытался навязать политику, требовавшую участия от каждого. Некоторые, кому раньше удавалось остаться в стороне, тогда и убили своего первого еврея.⁴²² Но Артур Рорбо* не мог стрелять в незащищенных людей: «Лейтенант Хоппнер к тому моменту знал, что я не могу на такое пойти. Он уже говорил мне ранее, что я должен стать тверже. В таком ключе он однажды сказал, что я когда-нибудь тоже научусь стрелять по шеем». Патрулируя лес с капралом Хайденом* и пятью другими полицейскими, Рорбо натолкнулся на трёх еврейских женщин с ребёнком. Хайден приказал ему застрелить евреев, но Рорбо просто ушёл. Тогда Хайден схватил своё оружие и застрелил евреев сам. Рорбо указывал, что в отсутствии для себя негативных последствий стоит винить Траппа: «По поводу старика, я думаю, у меня не было проблем».⁴²³

Другие были осторожнее и воздерживались от стрельбы только когда рядом не было офицера или когда они были среди товарищей, которым могли доверять и которые разделяли их взгляды. Мартин Детмольд* описывал это так: «В небольших операциях часто так случалось, что найдя евреев, мы их снова отпускали. Так делали, когда все были уверены, что старший по званию не узнает. Со временем мы научились оценивать товарищей, и если не было риска не стрелять пойманных евреев, то мы их отпускали, несмотря на приказ».⁴²⁴ Связисты батальона также утверждали, что когда работали над кабелями одни, то игнорировали встреченных в сельской местности евреев.⁴²⁵ Стреляя не в шею, а с расстояния, один полицейский просто «стрелял в воздух».⁴²⁶

Как много сотен евреев — хотя скорее тысяч — расстрелял Полицейский Резервный Батальон 101 во время «охоты на евреев»? Рапортов с цифрами об этом для этого подразделения не сохранилось. Однако мы можем понять насколько важным компонентом Окончательного Решения была «охота на евреев» из сохранившихся рапортов трёх других подразделений, оперировавших в Польше.

С мая по октябрь 1943 г., сильно позже того, как большинство сбежавших из гетто и попытавшихся спрятаться евреев уже было найдено и застрелено, командир Полиции Порядка округа Люблина (KdO) — таким образом, эти цифры будут включать в себя вклад Полицейского Резервного Батальона 101 — ежемесячно рапортовал своему начальству в Кракове (VdO) о количестве убитых его людьми евреев. За этот шестимесячный

период, сильно после пика убийств в округе Люблина, общее число 1 695 — в среднем 283 в месяц. Два месяца особенно выделались: август, когда проходила большая чистка леса; и октябрь, когда нашли сбежавших из лагеря смерти Собибор.⁴²⁷

Для демонстрации масштаба убийств на пике «охоты на евреев» подходят рапорты варшавского взвода Жандармерии. Отряд лишь из 80 человек, ответственный за патрулирование близлежащих городов и местности вокруг города, руководился лейтенантом Либшером [Liebscher], печально известным энергичным и ярким сторонником Окончательного Решения. Его ежедневные отчёты с 26 марта по 21 сентября 1943 г. называют цифру в 1 094 евреев убитых его отрядом — в среднем 14 на полицейского. Пиковыми месяцами, ожидаемо, стали апрель и май, когда евреи отчаянно пытались убежать от финальной ликвидации гетто Варшавы и проходили по территории Либшера. Его отчёты содержат подробные описания различных повседневных инцидентов. Они начинались фразой «Выполнили в соответствии с установленными рекомендациями», а после шли дата, место, количество евреев, мужчин и женщин. Под конец даже от заголовка он отказался как от ненужного и указывал лишь дату, место и количество еврейских мужчин и женщин без дополнительных разъяснений.⁴²⁸

Возможно самой близкой и похожей на ситуацию Полицейского Резервного Батальона 101 была ситуация роты Полицейского Резервного Батальона 133, расположенного в Рава-Русская [Rawa-Ruska] в соседнем округе Галиции к востоку от Люблина. Согласно шести еженедельным рапортам периода от 1 ноября до 12 декабря 1942 г., эта рота казнила 481 еврея, которые либо скрывшись избежали депортации или спрыгнули с поездов на пути в Белжец. За этот короткий период, таким образом, в роте на каждого полицейского пришлось по три убитых еврея. И это на территории, которая была очищена депортациями и держалась *judenfrei* «охотой на евреев».⁴²⁹

Хоть «охота на евреев» не получила много внимания, она была важной и статистически значимой фазой Окончательного Решения. Значительный процент еврейских жертв в Генерал-губернаторстве достигнут именно этим путём. Отбрасывая статистику, «охота на евреев» важна как психологический ключ к складу ума преступников. Многие немецкие оккупанты в Польше могли неоднократно становиться либо свидетелями, либо участниками чисток гетто — несколько коротких периодов в жизни, которые можно легко подавить в воспоминаниях. Но «охота на евреев» не

была коротким эпизодом — она была упорной, безжалостной, продолжительной кампанией, в которой «охотники» выслеживали и убивали своих «жертв» в прямом и личном столкновении. Это не было проходящей фазой, но экзистенциальным состоянием постоянной готовности и намерения убивать каждого найденного еврея.

Глава 15

Последние боины: «Фестиваль Урожая»

28 октября Высший Руководитель Полиции и СС Генерал-губернаторства Вильгельм Крюгер постановил, что в Люблине останутся только восемь еврейских гетто.⁴³⁰ Четыре из них находились в зоне безопасности Полицейского Резервного Батальона 101: Лукув, Мендзыжец, Парчев и Коньсковоля, но в осенних депортациях последние два будут ликвидированы. Помимо них в округе Люблина остались гетто в Пясках, Избице и Влодаве. Под угрозой голода и раскрытия с одной стороны, предательством и расстрелом с другой, многие сбежавшие в леса в октябре и ноябре евреи впоследствии вернулись в гетто Лукува и Мендзыжеца. Зимняя погода сделала жизнь в лесу тяжёлой и опасной — любое передвижение оставляло следы на снегу, как минимум в одном случае отходы жизнедеятельности выдали убежище евреев, вырезанное внутри замёрзшего стога сена.⁴³¹ Таким образом, когда казалось, что депортации подошли к концу, многие евреи посчитали свои шансы на выживание выше на территории гетто, чем в качестве добычи в лесу.

Депортации из района Радзинь на время действительно остановились, но в гетто Лукува и Мендзыжеца жизнь от этого не перестала быть опасной. В декабре администратором СС гетто Лукува Джозефом Бургером для уменьшения популяции был отдан приказ об убийстве от 500 до 600 евреев.⁴³² Избежавших депортаций осенью 500 работников щёточной фабрике Мендзыжеца отправили в рабочий лагерь Травники 30 декабря 1942 г.⁴³³ Около 11 вечера в канун нового года следующей ночью, Полиция Безопасности соседнего Бяла-Подляски появилась в пьяном состоянии в гетто Мендзыжеца и начала стрелять по оставшимся евреям «спорта ради». Остановить и прогнать их удалось лишь прибывшей на место Полиции Безопасности.⁴³⁴

Спустя четыре месяца относительного спокойствия наступил конец.

Ночью 1 мая члены второй роты, выполнившие множество депортаций в Мендзыжеце прошлой осенью, вновь окружили гетто. Снова работая совместно с отрядом Травников, они к утру вошли внутрь и собрали евреев на рынке. Полицейские оценивали количество депортированных в этой операции от 700 до 1 000, хотя один указывал цифру около 3 000.⁴³⁵ Еврейский свидетель оценивал количество жертв в 4 000 или 5 000.⁴³⁶ И снова евреев тщательно обыскивали в бараке для раздевания Гнаде, после чего загнали в вагоны так тесно, что едва смогли закрыть двери. Часть отправили в рабочий лагерь Майданек [Majdanek] в Люблине, но большинство в газовые камеры Трешлинки для завершения так называемой пятой операции в Мендзыжеце.⁴³⁷ «Шестая операция» прошла 26 мая, когда в лагерь Майданек послали ещё около 1 000 евреев.⁴³⁸ К тому моменту в гетто осталось лишь 200 человек. Часть сбежала, но 17 июля 1943-го Полиция Безопасности в финальном акте застрелила 170, после чего Мендзыжец объявили *judenfrei*. 2 мая, одновременно с возобновлением депортаций в Мендзыжеце второй роты Гнаде, отряды СС Люблина вместе с вспомогательными украинскими Травниками ликвидировали гетто Лукува, депортировав от 3 000 до 4 000 евреев в Трешлинку.⁴³⁹

Постепенно людей, пришедших в Польшу в июне 1942-го вместе с Полицейским Резервным Батальоном 101, переназначали на новые задачи. Зимой 1942-1943 гг., люди в возрасте — рождённые до 1898 г. — отправились обратно в Германию.⁴⁴⁰ Одновременно с этим из каждого взвода батальона отобрали людей и сформировали специальный отряд под командованием лейтенанта Бранда. Их послали в Замосць [Zamość] в южной части округа, где им предстояло принять участие в изгнании поляков из деревень согласно плану Гиммлера и Глобочника по заселению внутренней Польши чистокровными немцами.⁴⁴¹ В начале 1943-го группа молодых унтер-офицеров батальона перешла под управление Войск СС [Waffen-SS] и отправилась проходить специализированную тренировку.⁴⁴² Какое-то время спустя лейтенанта Гнаде перевели в Люблин для формирования роты специальной охраны; в качестве заместителя он взял сержанта Штайнмеца.⁴⁴³ Однако Гнаде всё же ненадолго возвращался в Мендзыжец для проведения майских депортаций. И наконец, лейтенант Шир так же был переназначен в Люблин для руководства одним из двух специальных «взводов преследования» [Jagdzüge] — их обязанностью стала усиленная охота за отрядами партизан. Для пополнения кадров прислали подкрепления, в том числе для истощённой второй роты прислали группу берлинцев⁴⁴⁴, но по большей части, Полицейский Резервный Батальон 101

остался в неполном составе.

Из-за большого количества переназначений и переводов, в батальоне к ноябрю 1943 года осталась лишь часть полицейских, присутствовавших при первой резне в Юзефуве. Именно тогда — в ноябре 1943 г., участие батальона в Окончательном Решении достигло своего пика в великой резне «фестиваля жатвы» [Erntefest] — самой большой немецкой операции против евреев во всей войне. С числом жертв в 42 000 человек в округе Люблина, *Erntefest* превзошёл даже печально известную резню в Бабий Яр [Babi Yar], где под Киевом вырезали более 33 000 евреев. Её же превзошла только устроенная румынами бойня в Одессе в октябре 1941 г., когда было убито не менее 50 000 евреев.

Erntefest стал кульминацией крестового похода Гиммлера против польских евреев. Пока в 1942-м кампания по убийству набирала обороты, Гиммлера доводили жалобами руководства промышленного и военного комплексов из-за забора жизненно необходимых для войны рабочих евреев. В ответ на жалобы, в которых он не видел ничего кроме отговорок, он согласился пощадить некоторых, но с условием, что евреи будут проживать в лагерях и гетто под контролем СС. Это позволило Гиммлеру парировать практичный аргумент о необходимости для военной экономики, в то же время обеспечивая себе полный контроль над судьбами всех евреев. В конце концов спасение в рабочих лагерях и гетто было лишь временным. Словами самого Гиммлера: «Там евреи тоже должны в один день исчезнуть в соответствии с пожеланием Фюрера». ⁴⁴⁵

В округе Люблина рабочим гетто Мендзыжеца, Лукува, Пяски, Избицы и Влодавы позволили просуществовать зиму 1942-43 гг. Последние три ликвидировали в марте и апреле 1943 г. Как мы уже видели, в мае гетто Мендзыжеца и Лукува повторили их судьбу. ⁴⁴⁶ К тому времени в округе Люблина единственными сохранившими свои жизни с согласия немцев были 45 000 рабочих-евреев в империи трудовых лагерей Одило Глобочника. Это число включает в себя переживших гетто Люблина, а так же рабочих, присланных из ликвидированных гетто Варшавы и Белостока.

К осени 1943 года Гиммлеру стали очевидны две вещи: во-первых, для завершения его миссии рабочие-евреи в лагерях должны быть убиты; во-вторых, евреи в тех местах перестали видеть какую-либо надежду на выживание и за последние шесть месяцев организовали сопротивление — Варшава в апреле, Трешлинка в июле, Белосток в Августе, Собибор в октябре. До весны 1943-го польские евреи цеплялись за вполне понятное, но

ошибочное предположение, что нацисты не могут быть настолько иррациональными, чтобы убить всех евреев, так необходимых для функционирования немецкой военной экономики. Так что как свою последнюю надежду они преследовали отчаянную стратегию «спасения через работу» — эти стратегия и надежда лежали в основе еврейской уступчивости. Однако постепенно они лишались своих иллюзий. Немцы встретили сопротивление, когда попытались выполнить финальную ликвидацию гетто Варшавы и Белостока. Когда евреи поняли, что лагеря закрывают, то подняли восстание в лагерях смерти Треблинка и Собибор. Гиммлер не мог ожидать, что рабочие лагеря можно будет ликвидировать постепенно один за другим без какого-либо сопротивления — отчаяние евреев было слишком велико. Заключённых трудовых лагерей округа Люблина, следовательно, нужно было заставить врасплох и убить за одну крупномасштабную операцию. Так зародился *Erntefest* — «фестиваль жатвы».⁴⁴⁷

Массовое убийство в таких масштабах требовало тщательной планировки и подготовки. Преемник Глобочника в качестве Руководителя СС и Полиции (SSPF) Якоб Шпорренберг отправился в Краков на совещание со своим начальником — Вильгельмом Крюгером. От него он вернулся со специальной папкой и приступил к выполнению инструкций.⁴⁴⁸ В конце октября еврейских заключённых отправили копать траншеи недалеко от территорий лагерей Майданек, Травники и Понятова [Poniatowa]. Хотя траншеи и были глубиной три метра и шириной от полутора до трёх, их зигзагообразная форма придавала достоверность заявлению, что их копали в качестве защиты от воздушных нападений.⁴⁴⁹ По всему Генерал-губернаторству началась мобилизация отрядов СС и Полиции. Вечером 2 ноября Шпорренберг встретился с командующими различных сил, включая отряды Войск СС из округов Кракова и Варшавы, Полицейского Полка 22 из Кракова, Полицейского Полка 25 (включая Полицейский Резервный батальон 101) и Полиции Безопасности Люблина, а так же руководителями лагерей Майданека, Травников, Понятовы и членами штаба. Комната для заседаний была битком, и в ней Шпорренберг раздал инструкции из привезённой из Кракова специальной папки.⁴⁵⁰ Следующим же утром началась массивная операция по убийству.

Члены Полицейского Резервного Батальона 101 участвовали буквально в каждой фазе резни *Erntefest* в Люблине. Они прибыли в столицу округа 2 ноября (так что Трапп предположительно посетил конференцию Шпорренберга) и ночью заселились в бараки. Ранним утром 3 ноября они

заняли свои позиции. Одна группа батальона помогала маршировать евреев из малых рабочих лагерей Люблина в концентрационный лагерь Майданек в нескольких километрах от центра города по главной юго-восточной дороге.⁴⁵¹ По обе стороны угловой улицы, что вела с главной магистрали мимо дома коменданта ко входу во внутренний лагерь, на постах каждые пять метров занял позиции самый большой контингент Полицейского Резервного Батальона 101. Там они смотрели, как из лагерей Люблина вели бесконечный поток евреев.⁴⁵² Женщины-охранники на велосипедах эскортировали от 5 000 до 6 000 женщин-заключённых из «старого лагеря в аэропорту», где те на складах занимались сортировкой вещей из лагерей смерти. В течение дня по этой дороге прошли ещё 8 000 мужчин. Вместе с уже находившимися внутри от 3 500 до 4 500 евреями, суммарное количество жертв составляло от 16 500 до 18 000.⁴⁵³ Пока евреи шли между полицейскими запаса в лагерь, из громкоговорителей двух грузовиков раздавалась музыка. Несмотря на эту попытку приглушить шум, был хорошо слышан звук выстрелов.⁴⁵⁴

Евреев заводили в последний ряд бараков, где они раздевались. С поднятыми руками сцепленными за шеей, полностью голыми, группами их выводили из бараков через дыру в заборе и вели к вырытой ранее траншее. Этот путь также охранялся людьми Полицейского Резервного Батальона 101.⁴⁵⁵

Будучи расположенным всего в десяти метрах от могилы, Генрих Бохольт* стал свидетелем процедуры убийства:

«С моей позиции я мог видеть, как евреев голыми гнали из бараков члены нашего батальона ... стрелки расстрельных команд, сидевшие прямо передо мной на краю могилы, были членами Службы Безопасности ... На каком-то расстоянии от каждого стрелка находились несколько других членов Службы Безопасности, которые постоянно перезаряжали магазины пистолетов-пулемётов и передавали их стрелкам. К каждой могиле было прикреплено несколько таких стрелков. Сегодня я уже не могу предоставить детали о числе могил. Возможно таких могил было много и расстрелы в них проходили одновременно. Я точно помню, как нагих евреев вели прямо в могилу и ровно клали на тела уже застреленных ранее. Затем стрелки давали очередь по лежащим жертвам ... Как долго это продолжалось, я уже не могу с уверенностью сказать. Предположительно весь день, потому как помню, что меня один раз отпускали с поста. Не могу сказать сказать примерное количество жертв, но их был ужасно много».⁴⁵⁶

С дистанции за убийствами наблюдал Руководитель СС и Полиции Шпорренберг, который кружил над лагерем в самолёте фюзелере Шторх. С крыш смотрели поляки.⁴⁵⁷

Тем же днём и таким же способом другие немецкие подразделения вырезали еврейских пленников в трудовом лагере Травники в сорока километрах к востоку от Люблина (оценка варьируется от 6 000 до 10 000 жертв) и в других малых лагерях. Ещё живыми оставались 14 000 евреев Понятовы, в пятидесяти километрах к западу от Люблина, и 3 000 в лагерях Будзынь [Budzyń] и Красник. Последние ликвидации не подлежали — Будзынь работал на авиастроительную компанию Хейнкель, а Красник служил персональным нуждам Полиции и СС Люблина. Крупный лагерь в Понятове не ликвидировали 3 ноября лишь потому, что не хватило рабочей силы. Однако лагерь опечатали, а телефонные линии обрезами, так что события в Майданеке и Травниках не смогли послужить предупреждением о запланированной операции 4 ноября. Здесь всё тоже должно было стать полной неожиданностью.

В воспоминаниях многих членов Полицейского Батальона 101 две бойни в двух лагерях смешались в одну операцию, растянутую на два или три дня в одном лагере. Либо в Майданеке, либо в Понятове. Но некоторые свидетели — как минимум по одному с роты — вспоминали именно две операции в двух лагерях.⁴⁵⁸ Таким образом, становится ясно, что ранним утром 4 ноября члены Полицейского Резервного Батальона 101 проехали пятьдесят километров из Люблина в Понятову.

На этот раз батальон не разделялся. Люди распределились либо между бараками для раздевания и линией зигзага из могил, либо на самих местах расстрела.⁴⁵⁹ Они формировали кордон, через который 14 000 евреев Понятовы, голые и с руками за головами, маршировали на свою смерть, пока ревущая музыка тщетно пыталась заглушить звуки выстрелов. Ближайшим свидетелем стал Мартин Детмольд:

«Я со своей группой стоял в охране прямо перед могилой. Сама яма была зигзагообразной линией щелей траншей, где-то три метра в ширину и три или четыре метра в глубину. С моего поста я мог наблюдать как евреев ... заставляли раздеться в последнем бараке и отдать всё имеющееся, после чего их вели через наш кордон и по наклонному спуску вниз в траншеи. Люди Службы Безопасности стояли на краях траншей и гнали евреев

вперёд на точки казней, где другие члены Службы Безопасности с пистолетами-пулемётами стреляли с краёв. Потому как я был лидером группы и мог более свободно передвигаться, я один раз сходил к месту казни и увидел, как новоприбывших евреев клали лицом вниз на тела уже убитых. Их тоже убивали очередями из пулемётов. Люди Службы Безопасности заботились о том, что бы евреев расстреливали определенным образом, при котором гора трупов всегда была с наклоном, так что новые жертвы могли ложиться на неё и образовывать гору высотой до трёх метров.

... Всё это дело было самой отвратительной вещью, что я видел в своей жизни, потому что я часто мог видеть, как после очереди выстрелов евреи оставались лишь ранеными, все ещё живые хоронились заживо под телами тех, кого застрелили потом. Так называемые выстрелы милосердия не осуществлялись. Я помню, как из кучи трупов кто-то раненный проклинал людей СС». ⁴⁶⁰

Другие полицейские уже давно привыкли к массовым убийствам, и мало кто так сильно был впечатлён «фестивалем жатвы», как Детмольд. Однако что они нашли новым и впечатляющим, так это проблему — пока ещё сдерживаемую относительной секретностью лагерей смерти — избавления от трупов. Вильгельм Гебхардт*, состоявший в специальной роте охраны Гнаде оставшейся в Люблине после убийств, рассказывал: «Люблин целыми днями ужасно вонял. Стоял типичный запах горелой плоти. Любой может представить как много евреев сожгли в лагере Майданека». ⁴⁶¹

Если жителям Люблина приходилось лишь слышать запах горелой плоти с расстояния, то в Понятове многие члены третьей роты получили личный опыт по устранению тел. Понятова располагалась всего в тридцати пяти километрах к югу от Пулавы, и раньше иногда посещалась полицейскими, а теперь их назначили там охранять рабочих-евреев, пока те выполняли отвратительную работу по эксгумации и сожжению тел. Полицейские в деталях наблюдали, как с помощью лошадей трупы вытаскивали из траншей, тащили к месту сожжения, клали на решётку из железных рельс и сжигали. Всю местность накрыла «животная вонь». ⁴⁶² Грузовик с полицейскими однажды сделал остановку в лагере, как раз когда проходило сожжение. «Некоторым товарищам стало так плохо от запаха и вида полуразложившихся тел, что они заблевали весь грузовик». ⁴⁶³ Когда новый командир третьей роты капитан Хаслах* получил доклады вернувшихся, он посчитал их «невероятными» и сказал старшему сержанту Карлсену: «Давай, пойдём туда и сами посмотрим». К их прибытию работа

уже была завершена, но любезные офицеры СС показали им могилы и «гриль» из железных рельс где-то четыре на восемь метров.⁴⁶⁴

По результатам бойни «фестиваля жатвы» округ Люблина с чисто практической точки зрения стал *judenfrei*. Кровавое участие Полицейского Резервного Батальона 101 в Окончательном Решении подошло к концу. По консервативным оценкам во время ранних операций в Юзефове и Ломазы застрелено 6 500 евреев, 1 000 во время «охоты на евреев», 30 500 в Майданеке и Понятове. Члены батальона лично участвовали в расстреле как минимум 38 000 евреев. В начале мая 1943-го в лагерь смерти отправили 3 000 евреев Мендзыжеца, и количество человек, которых батальон погрузил на поезда в Трешлинку, выросло до 45 000. Для батальона с составом менее чем в 500 полицейских, окончательный подсчёт смертей приводит минимальную оценку в 83 000 человек.

Глава 16

Последствия

С завершением содействием Окончательному Решению и разворотом хода войны для Германии, члены Полицейского Резервного Батальона 101 все чаще стали находить себя на операциях против вооружённых партизан и вражеских солдат. Весной 1943 года батальон испытал редкую потерю, когда старший лейтенант Хайген был случайно убит огнём своих же полицейских, но в последний год войны потери заметно выросли. Лейтенанты Гнаде, Хоппнер и Питерс пали в бою, а лейтенант Дракер вернулся в Германию раненым.⁴⁶⁵ В начале 1944 г. в Германию вернулся и майор Трапп.⁴⁶⁶ Небольшое количество полицейских батальона было захвачено в плен наступающей советской армией, но большинство смогло вернуться в Германию на фоне терпящего поражение Третьего Рейха.

Многие вернулись к своей довоенной деятельности. Для двух гауптштурмфюреров СС Хоффмана и Волауфа, а так же для двенадцати из выборки в двадцать три унтер-офицера, это означало продолжение карьеры в полиции. Ещё двенадцать рядовых полицейских из выборки в сто семьдесят четыре умудрились использовать свою службу в резерве и после войны сделали карьеру в полиции. Не удивительно, но допросы содержат мало информации о том, насколько просто для этих двадцати шесть человек было продолжить служить в ней. Только двое резервистов состояли в партии,

в сравнении с девятью унтер-офицерами, трое из которых состояли так же и в СС. Хоффман и Волауф, конечно же, состояли и в партии, и в СС. Хоффман упоминал краткий период интернирования британцами из-за своего членства в нём. Хотя он и был допрошен властями Польши, его отпустили, и он незамедлительно вернулся в полицию Гамбурга.⁴⁶⁷

Иронично, но после войны из-за своей службы в Полицейском Резервном Батальоне 101 столкнулись с большими трудностями не фанатичные офицеры СС, но майор Трапп и лейтенант Бухман. Одного полицейского из расстрельной команды Тальчина сдала своя бывшая жена, и под допросом он назвал своего командира батальона Траппа, командира роты Бухмана и старшего сержанта Каммера. Всех их экстрадировали в Польшу в октябре 1947 года. 6 июля 1948-го они предстали перед однодневным судом в городе Седльце [Siedlce]. Суд сосредотачивался исключительно на расстреле семидесяти восьми поляков в Тальчине, а не на кровавых и намного более страшных действиях батальона против польских евреев. Полицейского и Траппа приговорили к смерти и казнили в декабре 1948 года. Бухмана приговорили к восьми годам тюрьмы, Каммера к трём.⁴⁶⁸

Полицейский Резервный Батальон 101 не был объектом дальнейшего судебного расследования вплоть до 1960-х. В 1958-м для инициации и координации судебного преследования нацистских преступлений сформировали *Zentrale Stelle* - Центральное Управления Государственной Юстиции в городе Людвигсбург к северу от Штутгарта. Кадры *Zentrale Stelle* организовали в оперативные группы, каждая из которых получила назначение расследовать разные «комплексы преступлений». Только проведя первоначальное исследование конкретного комплекса преступления и раскрыв причастность старших офицеров, они передавали всю собранную информацию в юрисдикцию Государственной Прокуратуре того федерального штата, в котором жили главные подозреваемые. Именно расследуя ворох преступлений в округе Люблина, следователи Людвигсбурга натолкнулись на нескольких свидетелей из Полицейского Резервного Батальона 101. В 1962-м дело передали полиции и судебной власти Гамбурга, где проживала большая часть выживших членов батальона.

С конца 1962 по начало 1967 гг. допросили 210 членов батальона, многих неоднократно. Четырнадцать предъявили обвинения: капитанам Хоффману и Волауфу, лейтенанту Дракеру, сержантам Штайнмецу, Бентхейму, Бекемейеру и Грунду, капралам Графману* и Мелеру*, а так же пяти рядовым полицейским из запаса. Суд начался в октябре 1967-го,

вердикт вынесен в апреле следующего года. Хоффман, Волауф и Дракер получили по восемь лет тюрьмы; Бентхейм шесть; Бекемейер пять. Графмана и пятерых полицейских признали виновными, но по решению судьи (суд проходил на основании положения уголовного кодекса 1940 года, потому как старались избежать критики, которой подвергся Нюрнбергский процесс, а именно о применении *ex post facto law* — обратной силы закона) — им сроков не дали⁴⁶⁹. Грунд, Штайнмец и Мелер не были включены в вердикт, так как их дела отделились от основного из-за их ухудшающегося здоровья. Затянувшийся процесс обжалований наконец завершился в 1972-м. Приговоры Бентхейму и Бекемейеру остались в силе, но они тоже не получили сроков. Приговор Хоффману сократили до четырёх лет, Дракеру до трёх с половиной. Предстоящие дела против других членов батальона сторона обвинения прекратила в свете невозможности добиться приговоров для кого-либо, кроме как для первых трёх подсудимых.

Как бы неадекватно не выглядел послевоенный судебный исход на первый взгляд, нужно держать в уме, что расследование Полицейского Резервного Батальона 101 являлось одним из немногих расследований деятельности полиции, приведших к осуждению бывших членов Полиции Порядка. Большинство расследований не привело даже к обвинениям. В тех же случаях, когда доходило до суда, лишь в горстке дел удалось добиться обвинительных заключений. Говоря в сравнении, расследование и суд над Полицейским Резервным Батальоном 101 был редким успехом немецких судебных властей, пытающихся разобраться с полицейскими батальонами.

Допросы 210 людей Полицейского Резервного Батальона 101 хранятся в архиве Государственной Прокуратуры в Гамбурге. Они составляют главный, незаменимый источник для этого исследования. Остаётся надеяться, что похвальные усилия стороны обвинения в подготовке этого дела послужат истории лучше, чем они послужили справедливости.

Глава 17

Немцы, Поляки, Евреи

Досудебные показания и показания непосредственно на суде членов Полицейского Резервного Батальона 101 должны быть, конечно же, использованы с большой осторожностью. Проблемы судебного расчёта, включающие в себя самообличение и обвинения товарищей, тяжело давили

на свидетелей. Также важны прожитые двадцать пять лет, забывание и искажение памяти, даже если те не вызваны судебными причинами. Механизм психологической защиты, особенно подавление и проекция, также принципиально исказили показания. Нигде оговорка о ненадёжности показаний не становится настолько важной, как в показаниях о роковом треугольнике отношений немцев, поляков и евреев. Говоря проще, описание отношений „немцев с поляками“ и „немцев с евреями“ в показаниях носят экстраординарно оправдательный характер, тогда как описание отношений „поляков с евреями“ экстраординарно осуждающий. Если мы начнём рассмотреть первых двух отношений как их описывали бывшие полицейские, мы сможем лучше увидеть асимметрию и искажения, существующие в их описании третьих отношений.

Что отличает польско-немецкие отношения, так это крайне примечательное отсутствие каких-либо комментариев. Люди упоминали партизан, бандитов, воров, но большая часть их замечаний не имеет антинемецкого сентимента и не связывает с ними вышеуказанные феномены. Наоборот, они описывают бандитизм как эндемическую проблему, существовавшую до немецкой оккупации Польши. Так что их упоминания партизан и бандитов идут двумя путями: с одной стороны, подразумевается, что немцы защищали поляков от врождённой проблемы беззакония, а с другой, скрывается частота и размах антиеврейской деятельности батальона с помощью предполагаемых партизан и бандитов, которые якобы на самом деле были главными врагами полиции, а не евреи.

Часть свидетелей ссылалась на конкретные попытки поддержания хороших польско-немецких отношений. Капитан Хоффман открыто хвалился о дружеских отношениях между его ротой и местным населением в Пулавы. Он утверждал, что предъявил обвинения лейтенанту Мессману, потому что тактика моторизированной роты Жандармерии, которой тот командовал, озлобляла поляков.⁴⁷⁰ Лейтенант Бухман отметил, что майор Трапп выполнил отбор жертв для карательного расстрела в Тальчине с помощью и согласием польского мэра города. Они позаботились о том, чтобы стреляли только неизвестных и ненужных, а не «хороших» граждан.⁴⁷¹

Картина относительно великодушной немецкой оккупации Польши противоречила лишь двум показаниям. Бруно Пробст вспоминал раннюю активность батальона в Познани и Лодзе в 1940-41 гг., где полицейские жестоко выгоняли и отвратительно развлекались, приставая к местному населению. К немецкому отношению к полякам в 1942-м он был ещё более критичен:

«В то время даже доноса или комментария от завистливого соседа было достаточно для расстрела поляка вместе со всей семьёй — всего лишь на основании подозрения о владении оружием, укрывания евреев или бандитов. Насколько я знаю, по таким обвинениям поляков никогда не арестовывали и не передавали соответствующим полицейским властям. Из моих наблюдений и из историй моих товарищей, я помню, что когда имелись подобные подозрения, поляков всегда расстреливали на месте».⁴⁷²

Вторым свидетелем, бросающим вызов взгляду на «благоухающие» польско-немецкие отношения, стал не полицейский, а жена лейтенанта Бранда, которая ненадолго с визитом посещала его в Радзине. В то время было обычным делом, рассказывала она, даже для немецких гражданских — не говоря даже о полицейских в форме — вести себя перед поляками как «раса господ». К примеру, когда немец шёл по улице в городе, поляки уступали ему дорогу; когда немец заходил в магазин, ожидалось, что польские клиенты выйдут. В один день в Радзине путь ей преградила враждебная польская женщина, но ей удалось пройти только лишь пригрозив позвать полицию. Майор Трапп разозлился, когда прознал об инциденте, и заявил, что польская женщина должна была быть застрелена на общественном рынке. Согласно Фрау Бранд, этот инцидент показателен в отношениях немцев к полякам.⁴⁷³

О сексуальных отношениях между немецкой полицией и польскими женщинами есть лишь два упоминания. Хоффман утверждал, что защитил одного из своих людей, не докладывая о случаи заражения венерическим заболеванием, полученным через запретную связь с поляками.⁴⁷⁴ Другому полицейскому повезло меньше — он провёл год в «лагере наказания» за нарушение запрета сексуальных отношений с поляками.⁴⁷⁵ Само существование такого запрета, конечно, говорит многое о реальных отношениях немцев с поляками, так удобно опущенное в большинстве показаний.

Могли ли немецкие полицейские делать с поляками то, что они делали с евреями? Хоть и в меньшей степени, но, судя по всему, укоренился тот же процесс растущей чёрствости и безразличия к польской жизни. В сентябре 1942-го в Тальчине батальон ещё задумывался о реакции местных жителей на показательную казнь поляков — после убийства семидесяти восьми «расходных» поляков, Трапп выполнил свою квоту, убив вместо поляков

евреев. Бруно Пробст вспоминал об уже другом превалирующем отношении к январю 1943 года. Пока Хоппнер и его второй взвод третьей роты собирался в кино в Ополе, пришло донесение, что на немецкого полицейского напали поляки и застрелили. Хоппнер повёл своих людей на карательную операцию в деревню Нездув [Niezdów], только чтобы узнать, что большинство старших жителей уже убежало. Хотя к тому моменту уже стало известно, что полицейского не убили, а лишь ранили, Хоппнер всё же приказал убить всех имеющихся (от 12 до 15) польских стариков — по большей части женщин, а деревню сжечь. После чего люди вернулись и пошли в кино в Ополе.⁴⁷⁶

Показания отличаются схожими пробелами в описании немецкого отношения к евреям. Одна причина для этого строго юридическая — согласно немецкому закону, среди критериев для определения убийства как преступного присутствует критерий «мотивации» — такой как расовая ненависть. Любой член батальона, кто открыто признался бы в антисемитизме, серьёзно подорвал бы своё юридическое положение. Любой, кто стал бы говорить об антисемитических взглядах других, нашёл бы себя в неудобной позиции свидетеля против своих бывших товарищей.

Однако нежелание обсуждать антисемитизм было частью большей, более обобщённой повсеместной сдержанности в разговоре о феномене национал-социализма и своего собственного отношения полицейских и их товарищей в этот период. Открыто признать политическую или идеологическую сторону в основе своего поведения — значило признать, что морально перевёрнутый взгляд на мир национал-социализма, стоящего так далеко от политической культуры и принятых норм 1960-х, в то время имел для них полный смысл. Признать, что они политические и моральные евнухи, которые просто подчиняются существующему режиму. Такая была правда, которую лишь немногие способны были принять.

Капитан Хоффман, который вступил в нацистскую организацию для студентов в шестнадцать лет, Гитлерюгенд в восемнадцать, в партию и СС в девятнадцать — хороший пример обычного отрицания политического и идеологического измерения. «Моё вступление в СС в мае 1933-го объясняется тем фактом, что в то время СС было исключительно оборонительным формированием. Идеологически сформированное мышление не лежало в основе причин моего поступления».⁴⁷⁷ Значительно менее бесчестное, но все ещё уклончивое стало объяснение лейтенанта Дракера — единственного подсудимого, который действительно серьёзно пытался разрешить конфликт со своим прошлым отношением:

«Я получал национал-социалистическую идеологическую тренировку только в рамках подготовки в Штурмовые Отряды; какое-то влияние оказала и пропаганда того времени. Тогда было желательно, чтобы командир взвода состоял в партии, поэтому, будучи командиром взвода, я вступил в неё незадолго до начала войны. Под влиянием времени моё отношение к евреям отмечалось некоторой антипатией. Но я не могу сказать, что я особенно ненавидел евреев — в любом случае, таково моё впечатление, что у меня было такое отношение».⁴⁷⁸

Немногочисленные случаи, когда полицейские в своих показаниях рассказывали о жестокости и антисемитизме других, обычно исходили от рядовых и касались офицеров. С некоторой сдержанностью, к примеру, свидетель признавал, что Гнаде был бесчеловечным садистом и пьяницей, «убеждённым» нацистом и антисемитом. Так же стали предметом негативных комментариев в ряде показаний два сержанта. Рудольф Грунд, замещавший Бухмана после отказа последнего от участия в действиях против евреев, получил прозвище «ядовитый карлик», потому как он компенсировал свой низкий рост громкими криками на своих людей. Его характеризовали как «особенно сурового и громкого», «настоящего активиста» и «нациста на сто десять процентов», который «рвался выполнить долг».⁴⁷⁹ Генрих Бекемейер описывался как «очень неприятный человек», всё время гордо носивший нацистские инсигнии. Своим людям он не нравился, а поляки и евреи его в особенности опасались, потому как к ним он был «бесчеловечен и жесток». Один из его людей вспоминал, как около Ломазы Бекемейер заставил группу евреев ползти через лужу грязи и одновременно с этим петь. Когда истощенный старик не выдержал и, моля о пощаде, потянул руки к Бекемейеру, сержант застрелил его в рот. Генрих Бекемейер, — заключил свидетель, — был «просто псом».⁴⁸⁰ Однако такое осуждение полицейскими, пусть и непопулярного начальника, а тем более товарища, было случаем крайне редким.

Диапазон взглядов по отношению к евреям раскрывался в менее прямых и более осторожных заявлениях, сделанных во время допросов. К примеру, когда спрашивали, а как они могли сказать разницу между поляком и евреем в сельской местности, то часть людей указывала на одежду, причёски и внешний вид в целом. Другие, однако, выбирали слова, все ещё отражающие нацистские стереотипы двадцатипятилетней давности: евреи были «грязными», «неопрятными» или «менее чистыми», чем

поляки.⁴⁸¹ Комментарии других полицейских отражали различную чувствительность к узнаванию в евреях пострадавших человеческих существ: они были изголодавшими и одетыми в лохмотья.⁴⁸²

Схожая дихотомия встречается в описании поведения евреев на местах расстрелов. Некоторые подчёркивали пассивность евреев, иногда в крайне объяснительной манере, подразумевая, что евреи «соучаствовали» в своей собственной смерти: не было сопротивления или попыток к бегству; евреи принимали свою судьбу; они практически сами ложились и ждали, пока их застрелят без всякой команды на то.⁴⁸³ В других описаниях ударение чётко ставилось на достоинство жертв — их самообладание называли «поразительным» или «невероятным».⁴⁸⁴

Небольшое количество показаний о сексуальных связях немцев и евреев дают картину, резко отличную от запретных романов или случайных связей между немецкими полицейскими и польскими женщинами. Такие случаи были делом доминирования над беззащитным — изнасилований и вуайеризма. Один полицейский, кого застали за попыткой изнасиловать еврейскую женщину, был тем самым, кого впоследствии отвергла и сдала оккупационному правительству союзников его собственная жена. Его экстрадировали в Польшу и судили вместе с Траппом, Бухманом и Каммером. Свидетель унтер-офицер не составлял рапорт на насильника.⁴⁸⁵ Второй случай касается лейтенанта Питерса, который напивался водкой и по вечерам отправлялся в ночной патруль гетто. Одетый как «при параде», он входил в жилища евреев, срывал одеяла с женщин, смотрел и потом уходил. К утру трезвел.⁴⁸⁶

По большей части в показаниях немцев евреи оставались анонимным коллективом. Было два исключения. Первое, полицейские часто упоминали встреченных ими немецких евреев и почти всегда могли сказать из какого те города: награждённый ветеран из Бремена; мать и дочь из Касселя, владельцы кинотеатра в Гамбурге; глава еврейского совета Мюнхена. Раз он так сильно отпечатался у них в памяти, то такой опыт должно быть был неожиданным и вызывал диссонанс на ярком контрасте с обычным взглядом на евреев как на иностранных врагов.

Другие еврейские жертвы, получившие персональность в глазах немецких полицейских — это те, кто работал на них, в частности на кухне. Один полицейский вспоминал закупку дополнительных рационов для еврейских рабочих под своим присмотром в Лукуве, потому что «евреи практически не получали еды, хоть они и работали на нас». Тот же человек

утверждал, что позволил сбежать жене главы еврейской полиции гетто, когда то подверглось зачистке.⁴⁸⁷ В Мендзыжеце работник кухни во время облавы умолял другого полицейского спасти его мать и сестру, так что тот привёл их на кухню.⁴⁸⁸ Во время сентябрьских расстрелов в Коцке полицейский встретил плачущую еврейку и тоже отправил её на кухню.⁴⁸⁹

Тонкая связь, сформировавшаяся между полицейскими и их еврейскими работниками кухни, редко спасала жизни последним. Когда две работницы не явились на смену во время депортаций из Лукува, один полицейский пошёл на точку сбора. Там он нашёл их обеих, но ответственный член СС отпустил лишь одну. Немного спустя забрали и её.⁴⁹⁰

Самыми яркими из всех воспоминаний для полицейских стали не те случаи, где они спасали еврейских работников, но где им предстояло лично участвовать в казни. В Пулавы капитан Хоффман в свою спальню вызвал капрала Неринга*, дал в подарок хорошее вино и сказал отправиться на сельскохозяйственное поместье, которое тот ранее охранял, и застрелить рабочих-евреев. Неринг пожаловался на это назначение, потому как «лично знал» многих работников, но тщетно. Он и его отряд разделили ответственность с офицером Жандармерии и его четырьмя или пятью людьми, расположенными в Пулавы. Неринг поведал офицеру, что многие евреи были ему знакомы и он не мог принять участия в казни. Более любезный чем Хоффман, офицер отправил своих людей заниматься расстрелами самостоятельно, так что присутствовать Нерингу не пришлось.⁴⁹¹

В Коцке две еврейские работницы кухни — Блюма и Рут, попросили помощи в побеге. Один полицейский сказал им что это «бессмысленно», однако другие помогли.⁴⁹² Две недели спустя полицейские в одном убежище нашли Блюму и Рут вместе с дюжиной других евреев. Один полицейский узнал их и попытался было уйти, так как знал что предстоит. Вместо этого ему приказали застрелить евреек, но он не подчинился и всё же ушёл, однако всех евреев убежища, включая бывших помощниц на кухне, расстреляли.⁴⁹³

В Комарувке второй взвод второй роты Дракера имел в своём распоряжении двух работников кухни, известных как Ютта и Гарри. В один день Дракер объявил, что они больше не могут оставаться и ничего не остаётся, кроме как застрелить их. Несколько полицейских вывели Ютту в лес и поболтали с ней прежде чем застрелить со спины. Вскоре Гарри застрелили выстрелом в затылок из пистолета, пока тот собирал ягоды.⁴⁹⁴

Полицейские явно предпринимали дополнительные шаги для расстрела тех, кто готовил им еду и кого они знали по имени. По стандарту отношений немцев и евреев в 1942-м быстрая смерть без мучительного ожидания считалась примером человеческого сострадания!

Тогда как показания полицейских предоставляют скудную информацию об отношении немцев к полякам и евреям, они часто содержат весьма осуждающие комментарии об отношении самих поляков к евреям. Как минимум два фактора следует держать в уме при оценке этих показаний. Первый фактор — это что немецкая полиция естественным образом имела значительное количество контактов с польскими коллаборационистами — соучастниками Окончательного Решения и помощниками в выслеживании евреев. Действительно, заработать расположение немецких оккупантов демонстрацией яркого антисемитизма пыталось множество поляков. Достаточно сказать, что те поляки, что помогали евреям, прикладывали все усилия для того, чтобы остаться для немцев неизвестными. Таким образом, имеется врождённая предвзятость в симпатиях и поведении поляков, с которыми общались немецкие полицейские.

Подобная присущая однобокость, по-моему, ещё сильнее искажается вторым фактором. Можно сделать разумное предположение, что на немецкие комментарии о польском антисемитизме сильно повлияла проекция. Часто не желая делать обвинительные заявления о своих товарищах или говорить правду о себе, эти люди должны были находили значительное психологическое утешение в разделении ответственности с поляками. Польские злодеяния озвучивались достаточно открыто, тогда как обсуждение немцев всегда проходило в защитной манере. Таким образом, чем больше вины лежало на польской стороне, тем меньше на немецкой. Рассматривая последующие показания, эти оговорки стоит держать в уме.

Литания немецких обвинений против поляков началась — как и сами массовые убийства — с показаний о Юзефуве. Согласно одному полицейскому, польский мэр предоставил им фляги со шнапсом на рынке.⁴⁹⁵ Согласно другим, поляки помогали вытаскивать евреев из их домов и раскрывали их землянки в садах или укрытия за двойными стенами. Даже после завершения обыска немцами, поляки весь день продолжали приводить евреев на рынок. Они вламывались и мародёрствовали в домах евреев сразу после того, как тех забирали, а после расстрела обирали тела.⁴⁹⁶

Классическое обвинение сделал капитан Хоффман, человек,

утверждавший, что не помнит абсолютно ничего о резне, учинённой его ротой в Коньсковоле. Следующее он помнил во всех деталях. После того как сняли внешний кордон и его третья рота выдвинулась в городской центр Юзефува, два польских студента пригласили его выпить водки в их доме. Молодые поляки обменивались с Хоффманом цитатами из греческой и латинской поэзии, и не скрывали своих политических взглядов. «Оба были польскими националистами, которые злились на то, как с ними обходятся и думали, что у Гитлера есть лишь одна искупительная черта — ведь он освобождал их от евреев».⁴⁹⁷

Буквально никакие показания об «охоте на евреев» не скрывали тот факт, что укрытия и убежища по большей части раскрывали польские «агенты», «информаторы», «лесные бегуны» и раздражённые крестьяне. Но выбор полицейскими слов раскрывает больше, чем просто информацию о поведении поляков. Снова и снова они использовали слово «предательство» с несомненной коннотацией сильного морального осуждения.⁴⁹⁸ Самым прямым в этом отношении был Густав Майклсон: «В то время я находил очень беспокоящим, что польское население предавало тех евреев, которые пытались спрятаться. Они хорошо себя маскировали в лесах, землянках или других убежищах и никогда бы не были найдены, если бы не были бы преданы польскими гражданами».⁴⁹⁹ Майклсон принадлежал к меньшинству «слабых» полицейских, которые никогда не стреляли и могли таким образом озвучивать моральную критику, не становясь полными лицемерами. Этого нельзя сказать о большинстве людей, обвиняющих поляков в «предательстве», но опускающих тот факт, что немецкая политика состояла в найме подобных людей и поощрении такого поведения.

И снова безжалостно честный Бруно Пробст предоставил более сбалансированную перспективу. Он отметил, что часто «охоту на евреев» провоцировала наводка польского информатора, но добавил: «Я так же помню, что в то время мы постепенно начали, более систематически чем до этого, стрелять поляков, предоставлявших жильё евреям. Почти всегда мы одновременно с этим сжигали их фермы».⁵⁰⁰ Кроме полицейского, который дал показания о польской женщине, сданной своим отцом и расстрелянной за укрытие евреев в подвале в Коцке, Пробст был единственным из 210 свидетелей, признавшим факт систематических расстрелов поляков за укрытие евреев.

Пробст так же поведал другую историю. Однажды патруль лейтенанта Хоппнера обнаружил бункер с десятью евреями. Молодой человек вышел из него и сказал, что спрятался там, потому как хотел побыть наедине со своей

невестой. Хоппнер дал ему выбор — уйти или быть застреленным вместе со своей женой-еврейкой. Поляк остался и был застрелен. Пробст заключил, что Хоппнер вовсе не предлагал это серьёзно. Поляка «точно» бы застрелили «при попытке к бегству», если бы тот решил уйти.⁵⁰¹

Немецкие полицейские описывали и другие примеры соучастия поляков. В Коньсковоле к одному полицейскому в кордоне подошла женщина, одетая как польская крестьянка. Поляки рядом сказали, что она была переодетой еврейкой, но полицейский все же её пропустил.⁵⁰² Значительное число полицейских рассказывало о поляках, что арестовывали и удерживали евреев до того, пока не прибудет немецкая полиция и не расстреляет их.⁵⁰³ Только один свидетель, однако, рассказал о польском полицейском, сопровождающем немецкий патруль и принимавшем участие в двух расстрелах.⁵⁰⁴ К моменту прибытия полиции евреи часто оказывались уже побитыми.⁵⁰⁵ Для сравнения, Тони Бентхейм вспоминал что случилось, когда польская полиция в Комарувке доложила о захвате четверых евреев. Дракер приказал Бентхейму расстрелять их. После того как он отвёл евреев на кладбище, где планировал самостоятельно застрелить всех четверых, его пистолет-пулемёт заклинило, и тогда он спросил польского полицейского: «не хочет ли он заняться этим. К моему удивлению, однако, он отказался». Бентхейм воспользовался пистолетом.⁵⁰⁶

Немецкие описания польского соучастия не ложны. Трагично, но такое поведение, что они приписывали полякам, подтверждается в других показаниях и случалось слишком уж часто. Холокост, в конце концов, история с малым количеством героев, но с большим количеством преступников и жертв. Что не так с немецкими описаниями, так это многогранное искажение перспективы. Почти все полицейские молчали о помощи поляками евреям и следовавшим за этим немецким наказанием. Почти ничего не было сказано о немецкой роли в подстегивании польского «предательства», которое полицейские так лицемерно осуждали. И никто не отметил тот факт, что большая часть кровавых вспомогательных отрядов — печально известных Хиви — не набиралась из польского населения, в отличии от других национальностей повсеместно антисемитской восточной Европы.⁵⁰⁷ В каком-то смысле, тем самым, комментарии немецких полицейских раскрывают больше о них самих, чем о поляках.

Глава 18

Обыкновенные люди

Почему большинство людей в Полицейском Резервном Батальоне 101 стали убийцами, тогда как лишь меньшинство — может быть десять процентов, но точно не больше двадцати — не стали? Приведён целый ряд объяснений для такого поведения: ожесточение войной, расизм, разделение и рутинизация труда, специальный отбор людей, подчинение приказам, почтение к власти, идеологическая индоктринация и конформизм. В той или иной степени каждый из этих факторов применим, но все только с оговорками.

Войны всегда сопровождалась зверствами. Как писал Джон Доуэр в своей замечательной книге «Война без жалости: Раса и Власть в тихоокеанской войне»⁵⁰⁸, „ненависть на войне“ стимулирует „военные преступления“⁵⁰⁹. Главным образом, когда глубоко укоренившиеся негативные расовые стереотипы добавляют к ожесточению, присущему отправке вооружённых людей на убийство друг друга в огромных масштабах, хрупкая завеса военной конвенции и правил боя всё чаще и порочнее нарушаются всеми сторонами. Из чего вытекает разница между обычной войной — между Германией и Западными союзниками, к примеру — и «расовыми войнами» недавнего прошлого. От нацистской «войны на уничтожение» в Восточной Европе и «войны против евреев» к «войне без жалости» в тихом океане и недавней вьетнамской, солдаты слишком часто пытали и вырезали безоружных гражданских и беззащитных пленников и совершали неопишное количество других зверств. Записи Доуэра о целых подразделениях американцев в тихом океане, открыто хвастающихся политикой «пленных не берём» и повседневно собирающих части тел солдат Японии как боевые трофеи — леденящее кровь чтение для любого, кто самодовольно предполагает, что военные преступления — это монополия нацистского режима.

Война, особенно расовая война, ведёт к ожесточению, что ведёт к зверствам. Эта общая черта, можно сказать, присуща всем от Бромберга⁵¹⁰ и Бабьего Яра, до Новой Гвинеи и Манилы и Сонгми. Но если война, особенно расовая война, являлась незаменимым контекстом, в рамках которого действовал Полицейский Резервный Батальон 101 (что я действительно буду утверждать), как многое объясняет идея военного ожесточения в поведении

полицейских в Юзефове и после него? В частности, где провести грань различия между разными военными преступлениями или мышлением людей, совершающих их?

Многие самые печально известные военные преступления — Орадурсюр-Глан и Мальмеди, японские зверства в Маниле, американские казни заключённых и надругательства над трупами на множестве тихоокеанских островов, резня в Сонгми — включали в себя что-то вроде «боевого безумия». Приученные к насилию солдаты, выработавшие толерантность к отнятию человеческой жизни, озлобленные своими собственными потерями, расстроенные упорством коварного и кажущегося им «не человеком» врага — иногда эта смесь взрывалась, а иногда находила выход в виде мести при первой же возможности. Хотя злодеяния такого типа слишком часто игнорировались, одобрялись или тактично (а иногда открыто) поощрялись элементами командной структуры, они все же не становились частью официальной политики правительства.⁵¹¹ Несмотря на полную ненависти пропаганду каждой нации и экстремальную риторику многих лидеров и командиров, такие зверства все ещё представляют собой нарушения дисциплины и цепочки командования. Они не становились «стандартной процедурой оперирования».

Зверства другого рода — без «боевого бешенства», но с полностью выраженным одобрением официальных представителей правительства — совершенно точно «стандартная процедура оперирования». Огненные бомбардировки немецких и японских городов, порабощение и убийственно жестокое обращение с иностранными рабочими в немецких лагерях и заводах или на железной дороге Сиам-Бурма, карательные расстрелы сотен гражданских за каждого убитого партизанами немецкого солдата в Югославии и восточной Европе в целом — всё это не было спонтанным проявлением накопленной ярости или жестокой мезтью огрубевших людей, но методично исполняемыми политиками государств.

Оба этих вида преступлений совершались в контексте жестокостей войны, но люди, выполнявшие всё это в стиле «зверства как политика» имели совершенно иное душевное состояние — они не действовали из бешенства, озлобления и расстройства, но с расчётом. Совершенно ясно, что члены Полицейского Резервного Батальона 101 в своей имплементации нацистской политики по уничтожению европейских евреев принадлежат ко второй категории. За исключением нескольких ветеранов Первой Мировой и нескольких переведённых из СССР унтер-офицеров, люди батальона не видели ни одной битвы и не встречали ни одного врага. Большинство из них

не стреляло из злости и не было под обстрелом, а тем более не теряло товарищей. Таким образом, огрубение войной через сражения не стало тем опытом, что повлиял на поведение полицейских в Юзефове. Однако с началом убийств люди всё же начали ожесточаться. Как и в боях, ужасы первого столкновения стали рутинной, а убийства давались всё легче. В этом смысле, огрубение не было причиной, но результатом поведения этих людей.

Однако контекст войны точно стоит рассматривать и в более широком смысле, чем только лишь как основу вызванных битвами ожесточения и безумия. Война, борьба между «нашими» и «вашими», создаёт поляризованный мир, в котором «враг» легко объективизируется и исключается из человеческого сообщества и обязательств к нему. Война — это продуктивная среда, в которой правительство может принять «зверства как политику» и едва ли встретить препятствия в её имплементации. Как заметил Джон Доуэр: «Обесчеловечивание других вносит неоценимый вклад в психологическое дистанцирование, что облегчает убийства».⁵¹² Дистанцирование, а не безумие и ожесточение — это один из главных ключей к пониманию поведения Полицейского Резервного Батальона 101. Война и негативные расовые стереотипы были взаимодополняющими факторами в этом дистанцировании.

Многие исследователи Холокоста, в особенности Рауль Хильберг, ставили акцент на бюрократическом и административном аспектах процесса разрушения.⁵¹³ Этот подход подчёркивает степень, в которой современная бюрократическая жизнь воспитывает функциональное и психологическое дистанцирование в том же смысле, что и война и негативные расовые стереотипы продвигают психологическое дистанцирование между убийцей и жертвой. В действительности многие соучастники Холокоста были так называемыми офисными убийцами, чья роль в массовом уничтожении значительно облегчалась бюрократической природой их участия. Их работа часто состояла из маленьких шагов в глобальном процессе убийств, и они выполняли её как рутину, никогда не видя своих жертв и как на тех влияют их действия. Разделённая, рутинизированная и деперсонализированная работа бюрократа или специалиста — неважно, будь то конфискация имущества, составление расписаний поездов, указов о призыве, отправка телеграмм или составление списков — может быть выполнена без столкновения с реальностью массового убийцы. Люди Полицейского Резервного Батальона 101, конечно же, такой роскошью не располагали. Они буквально были покрыты кровью своих жертв от выстрелов в упор. Никто не сталкивался с реальностью массовых убийц сильнее, чем люди в лесу

Юзефува. Сегментирование и рутинизация — это обезчеловечивающие аспекты бюрократического убийства и не могут служить объяснением поведению батальона.

Незначительным, однако, нельзя назвать облегчение психологической ноши разделением труда. Тогда как члены батальона самостоятельно проводили расстрелы в Серокомле, Тальчине и Коцке, а в последствии и в многочисленных «охотах на евреев», большие операции включали себя совместную деятельность и распределение обязанностей. Полицейские всегда предоставляли кордон, а многие занимались отправкой евреев из их домов на точки сбора и поезда смерти. Но на самые большие массовые расстрелы отправляли «специалистов» по убийству. В Ломазы Хиви сами бы выполнили казнь, если бы не были слишком пьяны. В Майданеке и Понятове во время «фестиваля жатвы» стрелков предоставляла Полиция Безопасности. Депортации в Треблинку добавили психологическое преимущество — не только убийством теперь занимался кто-то другой, но и происходило где-то там, а не на глазах людей, которые занимались чистками гетто и загоном евреев в поезда смерти. После откровенного ужаса Юзефува отстранённость полицейских, отсутствие чувства личного участия и ответственности за происходящее после выполнения своих обязанностей по чистке и охране — решительное свидетельство десенсибилизации от разделения труда.

До какой степени, если до какой-либо вовсе, люди Полицейского Резервного Батальона 101 представляют собой результат специального отбора для имплементации Окончательного Решения? Согласно недавнему исследованию немецкого историка Ганса Генриха Вильгельма, значительные время и силы были затрачены отделом персонала Главного Управления Имперской Безопасности Рейнхарда Гейдриха для отбора и назначения офицеров в Айнзацгруппы.⁵¹⁴ Гиммлер, стремящийся назначить нужного человека на нужное место, также был аккуратен в отборе кандидатов на роль Глав Полиции и СС и других ключевых должностей. Отсюда вытекает его настойчивость в сохранении назначения неприятного Глобочника в Люблине, несмотря на его предыдущую историю коррупции и протесты этому назначению даже среди нацистской партии.⁵¹⁵ В её книге «Во тьму» [Into that Darkness], классическом исследовании Франца Штангля — коменданта Треблинки, Гитта Серени заключила, что специальный отбор прошли лишь 96 из примерно 400 людей, переведённых из программы по эвтаназии в Германию в лагеря смерти Польши.⁵¹⁶ Схожий ли отбор — аккуратный выбор персонала особенно подходящего для массовых убийств, определил состав Полицейского Резервного Батальона 101?

Относительно рядовых, ответ твёрдое «нет». По всем критериям, на самом деле, всё было наоборот. По возрасту, географическому и социальному происхождению, люди Полицейского Резервного Батальона 101 были наименее подходящим материалом для создания будущих массовых убийц. На основе таких критериев — средний возраст, большинство из рабочего класса, из Гамбурга — состав не представлял собой результат специального отбора, как и не представлял даже случайный. По всем признакам они прошли отрицательную селекцию для этой работы.

В одном отношении, однако, могла пройти ранняя и более общая форма отбора. Большой процент (25%) членов партии среди рядовых батальона — непропорционально большой для людей из рабочего класса, предполагает, что первоначальный набор резервистов — задолго до того как они стали использоваться в качестве убийц Окончательного Решения — не был полностью случайным. Если Гиммлер сначала думал о резервистах как о возможной структуре внутренней безопасности, когда большая часть профессиональной полицейской силы находилась бы за рубежом, логично предположить, что он подозрительно относился к набору людей с сомнительной политической надёжностью. Одним из решений мог бы стать призыв в большом количестве членов партии среднего возраста из всего населения. Однако существование такой идеи всего лишь предположение, никаких документов для подтверждения того, что членов партии намеренно вербовали в резервные отряды Полиции Порядка не существует.

Ещё сложнее допустить наличие специального набора в офицеры. По стандартам СС майор Трапп был патриотичным немцем, но традиционалистом и слишком сентиментальным — что в нацистской Германии пренебрежительно считалось «слабостью» и «реакционизмом». Точно показательно, что несмотря на сознательные старания Гиммлера и Гейдриха по слиянию полиции и СС, и несмотря на то, что Трапп был награждённым ветераном Первой Мировой, профессиональным полицейским и *Alter Kämpfer* («старым бойцом»), вступившим в партию в 1932-м, его никогда не принимали в СС. Ему совершенно точно не дали командовать Полицейским Резервным Батальоном 101 и не специально назначали в округ Люблина из-за его пригодности к роли массового убийцы.

Остальные офицеры батальона тоже едва ли могут служить доказательством для существования специального отбора. Несмотря на безупречную службу партии, и Хоффман, и Волауф по стандартам карьеры в СС попали в тупик. Карьера Волауфа в Полиции Порядка в особенности отмечалась как посредственная, даже негативная. Иронично, но именно

относительно старый (сорок восемь лет) лейтенант запаса Гнаде, а не два молодых капитана СС, оказался самым безжалостным убийцей и садистом, человеком, получающим удовольствие от работы. И наконец, при отборе потенциальных убийц едва ли кому-либо могло прийти в голову назначение лейтенанта Бухмана.

Говоря по-другому, Полицейский Резервный Батальон 101 послали в Люблин убивать евреев не потому, что он состоял из отобранных или пригодных для этого дела людей, наоборот — батальон был «отбросом» из доступного на той стадии войны кадрового резерва. Его назначили убивать евреев потому, что это был единственный отряд, доступный для действия так далеко от фронта. Более вероятно, что Глобочник предположил такую модель руководства, при которой какой угодно батальон ни подвернулся бы ему, тот и стал бы подходящим для работы, независимо от своего состава. Если так, то он возможно был разочарован последствиями Юзефува, но в перспективе оказался прав.

Многие исследования нацистских убийц предлагали другую форму отбора, а именно самоотбор в партию и СС необычно склонными к насилию людьми. Вскоре после войны Теодор Адорно и другие разработали идею «авторитарной личности». Посчитав, что влияние ситуации и окружения уже были исследованы, они сконцентрировались на до этого мало исследованном психологическом факторе. Они начали с гипотезы, что определённые глубокие черты личности создавали «потенциально фашистских людей», особенно сильно подверженных антидемократической пропаганде.⁵¹⁷ Их изучение привело их к составлению списка важных черт (тестируемых так называемой F-шкалой) «авторитарной личности»: жёсткая приверженность к общепринятым ценностям; покорность перед авторитетной фигурой; агрессивность по отношению к тем, кто не состоит в их группе; противостояние самоанализу, рефлексии и креативности; склонность к стереотипизации и суевериям; деструктивность и цинизм; озабоченность властью и демонстрируемой силой; проекция (склонность верить, что мир дик и опасен, а так же проекция вовне подсознательных эмоциональных импульсов); раздутая озабоченность сексуальностью. Они заключили, что антидемократичный человек «имеет в основе сильные агрессивные импульсы» и фашистское движение позволяет ему проецировать агрессию через санкционированное насилие против идеологически противопоставленной группы.⁵¹⁸ Зигмунт Бауман так суммировал этот подход: «Нацизм был жесток потому что нацисты были жестоки; и нацисты были жестоки, потому что жестокие люди склонны становиться

нацистами».⁵¹⁹ Он сильно критиковал методологию Адорно и его коллег, которые пренебрегли социальным влиянием, и выводимой из теории идеи, что обыкновенные люди не совершали зверства фашистов.

Последующие защитники психологического объяснения модифицировали подход Адорно, более открыто соединив психологические и ситуационные (социальные, культурные и институциональные) факторы. Изучая группу людей, добровольно вступивших в СС, Джон Штайнер заключил, что «процесс самоотбора к жестокости, судя по всему, существует».⁵²⁰ Он предложил идею «спящих» — определённых личностных характеристик, обычное не используемых, но существующих в склонных к насилию индивидуумах, которые могут быть активированы при некоторых условиях. В хаосе после Первой Мировой войны в Германии люди, высоко оценённые по F-шкале, были в непропорциональных количествах привлечены к национал-социализму, как к «субкультуре насилия», и в особенности к СС, которые предоставляли стимулы и поддержку для полной реализации их насильственного потенциала. После Второй Мировой такие люди вернулись к законопослушному поведению. Из этого Штайнер заключает, что «ситуация выступает в качестве непосредственного определителя поведения СС» при включении «спящего».

Эрвин Стауб согласен с идеей, что «некоторые люди становятся соучастниками из-за своих личностей; они „выбирают сами себя“». Но он делает вывод, что «спящие» Штайнера — крайне распространённая черта, и в исключительных ситуациях большинство людей имеет способности к экстремальному насилию и разрушению человеческой жизни.⁵²¹ В самом деле, Стауб решительно подчёркивал, что «обыкновенный психологический процесс и нормальные, общие человеческие мотивации и некоторые базовые, но неизбежные склонности в человеческих мыслях и чувствах» являются «главным источником» способности людей к массовому уничтожению человеческих жизней. «Зло, растущее из обычных мыслей и совершаемое обычными людьми, является нормой, а не исключением».⁵²²

Если Стауб делает «спящих» Штайнера неисключительными, Зигмунт Бауман идёт ещё дальше и отрицает их как «метафизический костыль». По Бауману «жестокость социальная по своей природе больше, чем она характерологическая».⁵²³ Бауман заявляет, что большинство людей «проваливаются» в нишу, предоставляемую им обществом, и он очень критичен о любых намёках на то, что в людской жестокости виноваты «испорченные личности». Для него исключения — настоящие «спящие» — редкие индивидуумы, владеющие способностью сопротивляться авторитету и

сохранять свою моральную автономию, и это не проявится пока не настанет время.

Те, кто ставит ударение на относительном или абсолютном превосходстве ситуационных факторов над индивидуальными психологическими характеристиками неизменно ссылаются на Стэнфордский эксперимент Филипа Зимбардо.⁵²⁴ Отсев всех, кто отклонялся от нормы градом психологических тестов, включая те, что измеряли «жёсткую приверженность общепринятым нормам и подчинённое, некритичное отношение к власти» (к примеру, F-шкала на «авторитарную личность»), Зимбардо случайным образом разделил гомогенную «нормальную» тестовую группу на охранников и заключённых, поместив их в симуляцию тюрьмы. Хотя физическое насилие было под запретом, в течении шести дней сложилась присущая тюремной жизни структура — в ней охранники оперировали сменами по три человека и были вынуждены изобретать пути контроля более многочисленной группы заключённых — и это привело к эскалации жестокости, унижения и обезчеловечивания. «Самым драматичным и беспокоящим для нас наблюдением стало то, с какой лёгкостью садистское поведение может быть выявлено в тех, кто не принадлежал к „садистскому типу“». Зимбардо заключил, что одной лишь ситуации с тюрьмой было «достаточно для создания аномального, антисоциального поведения».

Возможно наиболее подходящим к этому исследованию Полицейского Резервного Батальона 101 является спектр поведений, открытый Зимбардо в его выборке одиннадцати охранников. Около трети оказалась «жёсткими и жестокими» — они постоянно изобретали новые способы домогательств и наслаждались своей полученной властью заниматься жестокостью и самодурством. Треть охранников была «жёсткой, но справедливой» — они «играли по правилам» и старались не обходиться плохо с заключёнными. Только двое (то есть меньше 20%) оказались «хорошими охранниками», не наказывавшими заключённых и даже оказывавшими им маленькие услуги.⁵²⁵

Спектр поведения охранников Зимбардо имеет неестественную схожесть с группами, выделившимися из Полицейского Резервного Батальона 101: ядро всё более увлечённых убийц, добровольно участвующих в расстрельных командах и «охоте на евреев»; большая группа полицейских, выполнявших расстрелы и чистки гетто, но не ищущих возможности убивать (и в некоторых случаях даже воздерживающихся, вопреки приказам и когда никто не видел); малая группа (меньше 20%) отказников и уклонистов.

В дополнение к этому заметному сходству между охранниками Зимбардо и полицейскими батальона 101, один фактор следует учесть при определении значимости «самоотбора» на основе психологической предрасположенности. Батальон состоял из лейтенантов запаса и тех людей, кого просто призвали после начала войны. Унтер-офицеры присоединились к Полиции Порядка до войны потому как надеялись на карьеру в полиции (в данном случае столичной полиции Гамбурга, а не политической полиции или Гестапо) или избежать призыва в армию. При таких обстоятельствах сложно представить какой-либо механизм «самоотбора», через который резервные батальоны Полиции Порядка могли бы привлечь необычно высокую концентрацию склонных к насилию людей. И действительно, если нацистская Германия предоставляла целый ряд карьерных путей, на которых насилие было санкционировано и поощрялось, то случайный набор из оставшегося населения — уже лишённого самых склонных к насилию индивидуумов — должен по идее предоставить ещё меньший чем в среднем процент «авторитарных личностей». Самоотбор на основе личностных характеристик, другими словами, мало что предоставляет для объяснения поведения людей Полицейского Резервного Батальона 101.

Если специальный отбор сыграл малую роль и самоотбор, судя по всему, никакую, что насчёт интересов и карьеризма? Признавшие своё участие в расстрельных командах не оправдывали свой выбор основываясь на карьере. Наоборот, вопрос карьеры лучше всего был артикулирован рядом тех, кто не стрелял. Лейтенант Бухман и Густав Майклсон в объяснении своего исключительного поведения отмечали, что в отличии от своих коллег, офицеров и товарищей, они имели вполне обустроенную гражданскую карьеру, к которой планировали вернуться, так что не беспокоились о негативных последствиях для дальнейшей полицейской карьеры.⁵²⁶ Бухман явно не желал, чтобы сторона обвинения использовала его поведение против защитников, так что он мог подчёркивать фактор карьеры как менее морально обвинительный для тех, кто действовал иначе чем он. Но на показания Майклсона подобный расчёт или сдержанность не влияли.

Помимо показаний тех, кто не задумывался о карьере, есть те, для кого это было важно. Капитан Хоффман — классический пример человека-карьериста. Лишенный трудоспособности психосоматическими болями в животе, вызванными, хотя бы отчасти и если не полностью, кровавой деятельностью батальона — он упорно старался скрыть своё заболевание от старших по званию, вместо попытки использовать его для уклонения от

обязанностей. Он рисковал открытым подозрением своих людей в трусости в отчаянной попытке сохранить командование ротой. Когда он наконец был отстранён, он озлоблено протестовал такому развитию событий, угрожавшему его карьере. С учётом количества людей из Полицейского Резервного Батальона 101, оставшихся в полиции после войны, карьерные амбиции могли играть существенную роль для многих из них.

Среди соучастников, конечно же, приказы традиционно были самым частым объяснением собственного поведения людей. Авторитарная политическая культура нацистской диктатуры, свирепо нетерпимая к открытому несогласию, вместе со стандартной военной необходимостью подчинения приказам и безжалостное насаждение дисциплины — всё это создавало ситуацию, в которой индивидуум «не имел выбора». Приказ есть приказ, они настаивали, и никто не ожидал неподчинения в этом политическом климате. Неподчинение точно означало концентрационный лагерь, если не мгновенную казнь, возможно и их семей тоже. Преступники нашли себя в ситуации невозможного «принуждения», так что не могут быть ответственными за свои действия. Так суд за судом говорили обвиняемые в послевоенной Германии.

Однако есть проблема с этим объяснением. По-простому, за последние сорок пять лет ни один адвокат защиты или обвиняемый ни в каком из сотен послевоенных судов не смогли документально подтвердить хотя бы один случай, когда отказ от выполнения приказа об убийстве невооружённого гражданского привёл к якобы неизбежному страшному наказанию.⁵²⁷ Наказание или порицание за такое иногда возникали, но никогда не были сопоставимы с тяжестью преступлений, которых людей просили совершить.

Вариация оправдания неотвратимым приказом — это «предполагаемое принуждение»⁵²⁸. Даже если последствия неподчинения могли быть не такими и страшными, подчинившиеся люди могли в то время этого не знать. Они могли искренне верить, что у них не было выбора перед лицом приказа «убить». Несомненно, во многих отрядах ревностные офицеры запугивали своих людей зловещими угрозами. В Полицейском Резервном Батальоне 101, как мы видели, некоторые офицеры и унтер-офицеры, такие как Дракер и Гергерт, пытались заставить стрелять всех, даже если потом освобождали тех, кто не мог продолжать. Другие офицеры и унтер-офицеры, такие как Хоппнер и Остман, выбирали тех, кто был известен как «не стреляющий» и принуждали их к убийствам, иногда успешно.

Но, как правило, даже предполагаемое принуждение не работало в качестве оправдания для Полицейского Резервного Батальона 101. С того времени как майор Трапп, сдавленным голосом и со слезами на глазах, предложил извинить тех, кто «не был готов» в Юзефове и защитил от гнева капитана Хоффмана первого человека, принявшего предложение, ситуация предполагаемого принуждения в батальоне не существовала. Последующее поведение Траппа, не только в освобождении лейтенанта Бухмана от участия в действиях против евреев, но и открытая защита человека, не делавшего секретом своё несогласие, лишь делает всё яснее. В батальоне появился набор неписанных «базовых правил». Для небольших расстрелов стрелки набирались либо из волонтеров, либо из тех, кто был известен как готовый убивать, либо из тех, кто просто не прилагал никаких усилий для сохранения безопасной дистанции в момент набора. На больших операциях те, кто не стал бы убивать, принуждению не подвергались. Даже офицерские попытки заставить кого-нибудь «не стреляющего» убивать могли встретить отказ, так как люди знали, что за офицерами стоит майор Трапп.

Все, кроме самых открытых критиков вроде Бухмана, участвовали в кордонах и захватах, но и в таких случаях каждый мог делать сам свой выбор — стрелять или нет. Показания наполнены историями людей, кто отказался подчиняться существующему приказу во время чистки и не стрелял в младенцев и пытающихся сбежать или спрятаться. Даже признавшие своё участие в расстрельных командах утверждали, что не стреляли в замешательстве и не шли в рукопашную во время чисток гетто или патрулей, когда никто не мог пронаблюдать их действия.

Если подчинение приказам из страха жуткого наказания — это невалидное объяснение, то что насчёт «подчинение авторитету» в более общем смысле, как его описывал Стенли Милгрэм — уважение просто как продукт социализации и эволюции, «глубоко укоренённая склонность в поведении» подчиняться указам тех, кто стоит выше в иерархии, даже до той поры, где приходится выполнять отвратительные действия в нарушение «общепризнанных» моральных норм.⁵²⁹ В серии его известных экспериментов Милгрэм тестировал способность индивидуума сопротивляться авторитету, который не поддерживался никакой угрозой или принуждением. Ничего не подозревающие волонтеры получали инструкции от «научного авторитета» в якобы эксперименте по обучению, в котором по актёрам-жертвам наносились ненастоящие, но всё усиливающиеся электрические удары. Актёры отвечали с аккуратно составленной «голосовой ответной реакцией» — растущей серией жалоб, криков о боли, просьб о помощи, и, наконец,

роковой тишиной. В стандартном тесте с голосовой реакцией две трети испытуемых Милгрэма были «послушны», доходя вплоть до момента причинения экстремальной боли.⁵³⁰

Вариации эксперимента производили значительно разные результаты. Если актёр-жертва был закрыт так, что испытуемый не мог видеть или слышать ответа, подчинение было значительно выше. Если субъект мог и видеть, и слышать результат своих действий, согласие на экстремальные меры падало до 40%. Если субъекту приходилось трогать жертву-актёра, заставляя того прикасаться к электрической панели бившей током, подчинение падало до 30%. Если приказ отдавал человек не являющийся авторитетом, подчинение было нулевым. Если наивный тестируемый выполнял дополнительную или второстепенную задачу и лично не вызывал удары током, подчинение было практически полным. Для сравнения, если субъект был частью группы актёров, которые играли тщательно проработанный план по отказу от дальнейшего подчинения авторитетной фигуре, большинство субъектов (90%) присоединялись к этой искусственной группе и также выражали желание отказа. Если субъекту давали использовать электрошок на своё усмотрение, все, кроме нескольких садистов, использовали только минимальный ток. Находясь вне прямого надзора учёных, многие тестируемые «мухлевали»⁵³¹, используя меньшую мощность, чем им указывали, даже если не были способны открыто выступить против авторитета и покинуть эксперимент.⁵³²

Милгрэм привёл ряд факторов, которые следует учитывать для понимания неожиданно высокой степени убийственного подчинения не принуждающему авторитету. Эволюция благоприятствует выживанию людей, способных адаптироваться к иерархической структуре и организованной социальной активности. Социализация семьёй, школой и военной службой, а также целое множество вознаграждений и наказаний в социуме, подкрепляют и интернализируют склонность к подчинению. Вроде бы добровольное участие в системе власти, «выглядеющей» легитимной, создаёт сильное чувство долга. Те, кто внутри иерархии принимают перспективу авторитета или «оценку ситуации» (в этом случае, важный научный эксперимент, а не причинение боли или пытка). Идея «верность, долг, дисциплина» требует компетентного исполнения в глазах авторитета и становится моральным императивом, переписывающим любое соотнесение себя с жертвой. Нормальные индивидуумы входили в «состояние агента» выполнения чужой воли — в таком состоянии они больше не ощущали персональной ответственности за последствия своих действий, а только за то,

как хорошо они их выполняли.⁵³³

Попав в такую ситуацию люди сталкивались с серией «связывающих факторов» или «цементирующих механизмов», которые делали неподчинение или отказ ещё более сложными, а инерция процесса затрудняла любые новые или противоположные инициативы. «Ситуационное обязательство» или этикет заставляли отказ выглядеть неподходящим, грубым или даже аморальным нарушением обязательств, а социальная тревожность из-за возможного наказания за неподчинение служила дополнительным сдерживающим фактором.⁵³⁴

Милгрэм делал прямую отсылку на схожесть между поведением людей в его эксперименте и под нацистским режимом. Он заключил: «Людей легко привести к убийству».⁵³⁵ Однако Милгрэм знал о значительных различиях в этих двух ситуациях. Довольно открыто он признал, что субъекты его эксперимента были убеждены в том, что результатом их действий не станет необратимый физический вред. Испытуемые не находились под угрозой или принуждением. И наконец, актёры-жертвы не были объектом «упорного обесценивания» через систематическую индоктринацию субъектов. Убийцы в Третьем Рейхе же, наоборот, жили в полицейском государстве, где последствия неподчинения могли бы значительными, и где они были подвержены интенсивной индоктринации, но они так же знали, что они не просто причиняли боль, но и разрушали жизни людей.⁵³⁶

Была ли резня в Юзефове каким-то радикальным видом эксперимента Милгрэма, что происходил в польском лесу с настоящими убийцами и настоящими жертвами, а не в лаборатории социальной психологии с наивными испытуемыми и актёрами-жертвами? Объясняются ли действия Полицейского Резервного Батальона 101 наблюдениями и заключениями Милгрэма? Есть сложности в объяснении случая в Юзефове почтением к авторитету, так как никакие экспериментальные вариации Милгрэма нельзя сравнивать с исторической ситуацией в Юзефове, а соответствующие различия имеют слишком много переменных для заключения какого-либо научного вывода. Тем не менее, многие открытия Милгрэма находят наглядное подтверждение в поведении и показаниях людей Полицейского Резервного Батальона 101.

В Юзефове система власти, в которой находились люди, была довольно сложна, в отличие от лабораторной ситуации. Майор Трапп представлял собой не сильную, а крайне слабую авторитетную фигуру. Он плача признал пугающую природу задачи на руках и пригласил старших полицейских

запаса отказаться. Если Трапп был непосредственно слабой фигурой, он всё же представлял отдалённую, но систему власти. Какую угодно, но не слабую. Приказы к резне пришли из самых верхов, как он заявил. Сам Трапп и батальон как отряд были связаны приказами этой отдалённой власти, даже если забота Траппа о своих людях освобождала отдельных полицейских.

На что же отвечали большинство людей Траппа, когда решили не выходить вперёд? Была ли это власть, представленная Траппом или его начальством? Реагировали ли они на Траппа не как на авторитетную фигуру, а как на личность — популярного и любимого офицера, которого они бы не оставили в беде? Что насчёт других факторов? Сам Милгрэм отмечал, что люди чаще объясняют своё поведение авторитетом, а не конформизмом, так как только первое избавляет их от личной ответственности. «Люди отрицают конформизм и *принимают* подчинение как оправдание своих действий». ⁵³⁷ И всё же многие полицейские признались, что приняли решение, основываясь на конформизме — как они будут выглядеть в глазах товарищей? — а не авторитете. По мнению Милгрэма, такое признание лишь верхушка айсберга, и должно быть этот фактор намного более важен, чем люди готовы были признать в показаниях.

Милгрэм тестировал эффект социального давления, подстёгивая способность индивидуума сопротивляться авторитету. Когда сбегал актёр-коллаборант, то наивному субъекту было легче последовать. Милгрэм пробовал тестировать и обратное, то есть роль конформизма в раздувании рамок дозволенности в причинении боли. ⁵³⁸ Три субъекта — два коллаборанта и один наивный — получили инструкции учёным/авторитетом на нанесение боли минимального уровня любому на их выбор. Когда наивный субъект действовал один и имел возможность использовать электрошок на своё усмотрение, почти всегда он использовал минимальный уровень. Однако когда два коллаборанта, почти всегда действующие первыми, предлагали шаг за шагом повышать мощность электрошока, наивные субъекты начинали действовать под сильным влиянием. Хотя каждый отдельный случай весьма отличался, средний результат был посередине между «не увеличиваем мощность» и «увеличиваем шаг за шагом». Этого теста явно недостаточно для определения социального давления как компенсатора недостатков слабого авторитета. Плача не было, но был любимый учёный, приглашающий субъект уйти от пульта, пока остальные — те, с кем субъект имел ощущение товарищества и перед кем, таким образом, мог быть склонен показать себя мужественным и хладнокровным — останутся и продолжают причинять болезненные удары током. В

действительности, почти невозможно составить эксперимент для теста сценария, в котором наивный субъект будет иметь настоящее чувство товарищества по отношению к актёрам-коллаборантам. Тем не менее, взаимное подкрепление авторитета и конформизма, судя по всему, Милгрэмом ясно продемонстрировано.

Если между многоликой природой власти в Юзефове и ключевой ролью конформизма среди полицейских нельзя провести чёткую параллель к экспериментам Милгрэма, они тем не менее предоставляют неплохую поддержку его выводам, а некоторые наблюдения явно подтверждены. Непосредственная близость к ужасам убийства значительно увеличивала количество людей, которые отказывались подчиняться. С другой стороны, вместе с разделением труда и перенесением самого процесса убийства в лагерь смерти, люди едва ли чувствовали ответственность за свои действия. Как и в эксперименте Милгрэма без прямого надзора, многие полицейские отказывались выполнять приказ без прямого надзора. Они смягчали своё поведение, когда могли сделать это без риска для себя, но не могли открыто отказаться от участия в деятельности батальона.

Один фактор, стоит признать, не был фокусом эксперимента Милгрэма — индоктринация, а другой — конформизм, был затронут лишь частично, оба требуют дальнейшего расследования. Милгрэм предусмотрел «определяющую ситуацию» или идеологию, которая давала слаженность и смысл социальному взаимодействию — прелюдии к уступке власти. Контроль манеры, в которой люди интерпретируют мир — один из путей контроля поведения, утверждает Милгрэм. Если они принимают идеологию власти, то их последующие действия добровольны и логичны. Отсюда и «идеологическое оправдание — ключ к получению добровольного подчинения, потому как позволяет человеку видеть своё поведение как служение на благо желаемой цели».⁵³⁹

В эксперименте Милгрэма, «всеохватывающее идеологическое объяснение» присутствовало в форме молчаливой и неоспариваемой веры в добро науки и её участие в прогрессе. Но не было систематических попыток «обесценить» актёра-жертву или насадить субъекту какую-либо идеологию. Милгрэм выдвинул гипотезу, что разрушительное поведение людей в нацистской Германии, при намного меньшим надзоре (чем в эксперименте), было последствием интернализации власти, достигнутой «через относительно длительный процесс индоктринации, которая невозможна за лабораторный час».⁵⁴⁰

До какой степени тогда сознательное насаждение нацистской доктрины сформировало поведение членов Полицейского Резервного Батальона 101? Подверглись ли они такой бомбардировке умной и коварной пропаганды, что они потеряли способность независимо мыслить и нести ответственность за себя? Были ли обесценивание евреев и призывы к их убийству центральными идеями этой индоктринации?

Популярное название для интенсивной индоктринации и психологической манипуляции, появившееся из опыта некоторых захваченных солдат в Корейской войне — это промывка мозгов. Были ли эти убийцы в каком-то смысле с «промытыми мозгами»?

Несомненно, Гиммлер задал высокую планку идеологической индоктринации для членов СС и полиции. Они должны были быть не просто эффективными солдатами и полицейскими, но и идеологически мотивированными воинами в крестовом походе против политических и расовых врагов Третьего Рейха.⁵⁴¹ Усилия по индоктринации приняли не только элитные организации СС, но и Полиция Порядка, распространяя её даже на самые низкие чины полицейских запаса, хоть резервисты едва ли подходили под идею Гиммлера о нацистской расовой аристократии. К примеру, членство в СС требовало доказательство родословной, не запятнанной кровью евреев в пяти поколениях. В сравнении, даже «Мишлинги первой степени»⁵⁴² и их супруги не попадали под запрет службы в полиции запаса до октября 1942 г. «Мишлинги второй степени»⁵⁴³ и их супруги не попадали до апреля 1943 г.⁵⁴⁴

23 января 1940 года Главное Управление Полиции Порядка в методических рекомендациях постановило, что в дополнение к физической тренировке, оружейной подготовке и полицейским техникам, все батальоны Полиции Порядка должны быть укреплены характером и идеологией.⁵⁴⁵ Базовая подготовка включала одномесячный раздел «идеологического образования». Тема первой недели являлась «расовая основа нашего мировоззрения», а второй недели — «поддержание чистоты крови».⁵⁴⁶ Помимо базовой подготовки полицейские батальоны — и активные, и запаса продолжали получать военную и идеологическую тренировки от своих офицеров.⁵⁴⁷ От последних требовалось посещать недельный симпозиум, включавший один час идеологических инструкций для подчинённых.⁵⁴⁸ Учебный план в пяти частях в январе 1941-го включал такие подсекции как «Понимание расы как базиса нашего взгляда на мир», «Еврейский Вопрос в Германии» и «Поддержание чистоты немецкой крови».⁵⁴⁹

Подробные инструкции в том же духе и с той же частотой раздавали во время всей идеологической подготовки, в которой мировоззрение национал-социализма должно было быть «выровнено». Каждый день, или хотя бы через день, людей следовало информировать о текущих событиях и их правильном значении в идеологической перспективе. Каждую неделю офицеры должны были собирать тридцати или сорока минутную сессию, в которой давали короткую лекцию или читали назидательные выдержки из предложенных книг или предоставленных СС брошюр. Офицерам следовало выбирать темы — верность, товарищество, готовность к бою — через которые достигались цели национал-социалистического обучения. Ежемесячные сессии посвящались наиболее важным темам того времени и могли быть устроены офицерами и образовательным штатом СС и партии.⁵⁵⁰

Очевидно, что офицеры Полицейского Резервного Батальона 101 подчинялись директивам идеологического образования. В декабре 1942-го капитаны Хоффман, Волауф и лейтенант Гнаде получили признание за свои заслуги «в области идеологической подготовки и заботе о солдатах». Каждого наградили книгой их командующий офицер.⁵⁵¹ Однако отложив несомненные намерения Гимmlера и взглянув на сам материал, использовавшийся для индоктринации Полицейского Резервного Батальона 101, появляются сильные сомнения в адекватности индоктринации СС как объяснения трансформации людей в убийц.

В Федеральном Архиве Германии [Bundersarchiv] в Кобленце содержится два вида образовательных материалов для Полиции Порядка. Первая и вторая серии циркуляров, выпущенных департаментом для «идеологического образования» Полиции Порядка между 1940 и 1944 гг.⁵⁵² Несколько главных статей были написаны такими нацистскими светилами и идеологическими пропагандистами как Джозеф Геббельс, Альфред Розенберг (министр Гитлера на оккупированной территории Республик Советского Союза) и Уолтер Гросс (глава офиса партии по расовой политике). Общая расистская перспектива конечно превалировала. Тем не менее, суммарно где-то в двухстах выпусках, относительно мало места посвящалось конкретно антисемитизму и Еврейскому Вопросу. Один выпуск — «Еврейство и Криминальность» — особенно неуклюжий даже по невысоким стандартам серии — заключил, что якобы еврейские характеристики, такие как «несдержанность», «тщеславие», «любопытство», «уход от реальности», «бездушность», «глупость», «зловредность» и «жестокость» являлись точными характеристиками «идеального преступника».⁵⁵³ Такая проза загоняла читателя в сон, но точно не

превращала в убийцу.

Единственный артикль, полностью посвящённый Еврейскому Вопросу, сделан на обратной стороне страницы в декабре 1941 года. Озаглавлен «Цель этой войны: Европа свободная от евреев». Там зловеще описано «слово Фюрера, сейчас ведётся начатая евреями новая война, но она не приведёт к коллапсу антисемитской Германии, но наоборот, к концу евреев». «Окончательное решение Еврейского вопроса, то есть не только лишение их власти, но удаление этого паразитического элемента из семьи европейских людей» было неизбежно. Что казалось невозможным два года назад, теперь шаг за шагом становилось реальностью: к концу войны будет существовать свободная от евреев Европа.⁵⁵⁴

Упоминание пророчества Гитлера и взывание к его авторитету в сочетании с конечной целью «свободной от евреев Европы» было, конечно, характерно для индоктринационных материалов СС. Такое же послание распространялось и среди широкой публики. Как мало эти материалы были нацелены на «промывание мозгов» полиции запаса и превращении их в массовых убийц, тем не менее, можно увидеть из единственного из двух серий артикля о полиции запаса от 20 сентября 1942 года. Закаливая их далеко не на то, что бы быть сверхлюдьми для выполнения задачи, артикль предполагал, что полиция запаса не занимается ничем таким важным. Для защиты их морали, предположительно от скуки, «стариков резерва» убеждали, что неважно, что их работа выглядит невинной, ведь в тотальной войне «важен каждый».⁵⁵⁵ К этому времени «старика запаса» Полицейского Резервного Батальона 101 уже провели расстрелы в Юзефове и Ломазы, а так же первичные депортации из Парчева и Мендзыжеца. Они стояли на пороге их пика деятельности — шестинедельного кровавого нападения на гетто Люблина. Маловероятно, что кто-то из них находил артикль подходящим, а тем более вдохновляющим.

Серия специальных брошюр (от четырёх до шести за год) «для идеологического образования Полиции Порядка» составляла вторую группу индоктринационных материалов. В 1941 году один выпуск покрывал темы «Кровное сообщество немецких народов» и «Великая Германская Империя».⁵⁵⁶ В 1942-м издание было озаглавлено «Германия реорганизует Европу», и „специальный выпуск“ называвшийся «Человек СС и Вопрос Крови».⁵⁵⁷ Большой объединённый выпуск в 1943-м посвящался «Политике Расы»⁵⁵⁸ — он входил в издаваемые с 1942-го специальные объединённые издания о вопросе крови. С той поры к радикальной доктрине и Еврейскому Вопросу подходили очень серьёзно и систематически. Немецкие «люди»

[Volk] или «Сообщество крови» [Blutsgemeinschaft] состояли из шести близкородственных рас Европы, в большинстве (50-60 процентов) из нордической расы. Сформированные суровым северным климатом, безжалостно удалявшим слабые элементы, нордическая раса превосходила все остальные в мире, как можно было увидеть из немецких культурных и военных достижений. Немецкие *Volk* стояли перед лицом постоянной борьбы за выживание, предопределённой природой и согласно законам которой «все слабые и низшие уничтожались», и «только сильные и могучие продолжали размножаться». Для победы в этой борьбе, *Volk* должны были сделать две вещи: завоевать место для дальнейшего роста населения и сохранить чистоту немецкой крови. Судьбу людей, не расширявших территории и не сохранявших расовую чистоту, можно увидеть на примере Спарты или Рима.

Главная угроза здоровому знанию о необходимости территориальной экспансии и расовой чистоты приходила из доктрин, распространявших неотъемлемое равенство всего человечества. Первой такой доктриной было Христианство, что распространил еврей Пол (Апостол Павел). Второй доктриной был либерализм, возникший из французской революции — «восстание расово низших» — устроенной еврейским масонством. Третьей и величайшей угрозой был Марксизм/Большевизм, за авторством еврея Карла Маркса.

«Евреи — расовая смесь, которая в отличии от других народов и рас, сохраняет свои характеристики в первую очередь за счёт паразитизма». Не обращая внимания на последовательность или логику, брошюра доказывала, что евреи сохраняли свою расовую чистоту, ставя под угрозу существование расы носителя при помощи смешения рас. Между расово сознательными людьми и евреями сосуществование невозможно, лишь борьба, которая будет выиграна, когда «последний еврей покинет нашу часть земли». Текущая война была этой борьбой, она определит судьбу Европы. «С уничтожением евреев» последняя угроза коллапса Европы будет устранена.

Для какой цели писались эти брошюры? К каким заключениям этот обзор базовых принципов национал-социалистической расы приводил читателя? Ни «Вопрос крови», ни «Политика расы» не заканчивались призывами к уничтожению расового врага — вместо этого они увещевали рожать больше немцев. Расовая битва была частью битвы демографической, определяемой законами «плодовитости» и «отбора». Война была «контротбором в чистой форме», так как лучшие не только гибли в битвах, но и умирали до того как родили больше детей. „Победа оружием“ требовала

„победы детьми“. Так как СС представлял собой выборку преимущественно нордических элементов среди немецкого народа, члены СС имели обязательство рано жениться на молодых, расово чистых и плодовитых девушках и иметь много детей.

Таким образом, следует держать в уме ряд факторов в оценке индоктринации полиции запаса через подобные брошюры. Во-первых, наиболее детальные и подробные брошюры не выпускались до 1943-го, то есть после того, как северная часть округа Люблина уже была сделана буквально «свободной от евреев» Полицейским Резервным Батальоном 101. Они вышли слишком поздно, чтобы сыграть свою роль в индоктринации и становления людей батальона в качестве массовых убийств. Во-вторых, брошюра 1942 года явно была направлена на семейные ценности молодых членов СС и не особо подходила для резервистов среднего возраста, которые уже давно выбрали супругов и приняли решение о численности семьи. Таким образом, хоть тема и была доступна, она не выглядит подходящей для еженедельных или ежемесячных сессий по индоктринации батальона.

В-третьих, возраст людей влияет на их чувствительность к индоктринации и другим способом. Многие нацистские преступники были молодыми людьми. Они выросли в мире, где нацистские ценности были единственной известной им «моральной нормой». Можно выдвинуть аргумент, что такие молодые люди, воспитанные в условиях только лишь нацистского диктаторства, просто не знали ничего другого. Убийство евреев не вступало в конфликт с системой ценности, с которой они выросли, так что и индоктринация работала более эффективно. Какими бы ни были достоинства этого аргумента, он явно не работает для преимущественно возрастного состава Полицейского Резервного Батальона 101. Его члены получили образование и сформировались как личности в период до 1933-го. Многие вышли из социальной среды, не очень чувствительной к национал-социализму. Они были полностью в курсе моральных норм немецкого общества до нацизма, у них были были ранние стандарты, с которыми можно было сравнить нацистскую политику, прежде чем приводить её в исполнение.

В-четвёртых, идеологические трактаты как те, что подготавливали для Полиции Порядка, отражали более широкую атмосферу подготовок и инструкций полицейских запаса, а так же политическую культуру, в которой те жили последнее десятилетие. Лейтенант Дракер, чрезвычайно преуменьшив, сказал: «Под влиянием времени, моё отношение к евреям отмечалось некоторым отвращением». Клевета на евреев и провозглашение

немецкого расового превосходства были так постоянны, всепроникающи, безжалостны, что должны были сформировать общее поведение масс людей в Германии, включая обычных полицейских запаса.

В-пятых, брошюры и материалы, посвящённые евреям, оправдывали необходимость *judenfrei* Европы, ища поддержку и симпатии этой цели, но они не призывали к личному участию в её достижении через убийство евреев. Это стоит отметить, потому как часть инструкций и рекомендаций Полиции Порядка касающихся партизанской войны открыто заявляли, что каждый человек должен быть достаточно твёрд, чтобы убивать партизан и, что самое главное, «подозреваемых».

«Сопrotивление партизан — сопротивление Большеvизма, это не народное движение ... Враг должен быть *полностью уничтожен*. Даже для самых крепких солдат вопрос жизни и смерти, постоянно ставящийся партизанами, очень сложен. Но это должно быть сделано. Ведёт себя правильно тот, кто отбрасывает свои личные чувства и стремления, выполняет задачу твердо и безжалостно».⁵⁵⁹

Во всех сохранившихся материалах индоктринации Полиции Порядка отсутствуют рекомендации о том, как полицейским следует убивать безоружных евреек и детей. Совершенно ясно, что в СССР множество евреев убили как «подозреваемых» во время поиска партизан. Однако на территории Польши под юрисдикцией Полицейского Резервного Батальона 101 в 1942 году операции по убийству евреев и партизан не пересекались между собой. Хотя бы для этого отряда, нельзя объяснить убийство евреев суровым призывом к убийству партизан и «подозреваемых».

Есть одно уместное сравнение. До того как Айнзацгруппы вошли на территорию советов, они прошли двухмесячную подготовку. Она включала в себя визиты и речи разных светил СС, которые «воодушевляющими разговорами» подготавливали к «войне на уничтожение». За четыре дня до вторжения офицеров вызвали в Берлин на встречу с самим Гейдрихом. Если коротко, то людей старались подготовить к их роли массовых убийц. Даже люди полицейских батальонов, следовавших за Айнзацгруппами в Советский Союз летом 1941, хотя бы частично, но были готовы к тому, что предстоит. Их проинформировали о секретных приказах о казни захваченных коммунистов («приказ о комиссарах») и рекомендациях по работе с гражданскими. Подобно Далюге и Гиммлеру, своим войскам давали

вдохновляющие речи и некоторые командующие батальонами. Однако для людей Полицейского Батальона 101 всё было наоборот — они были не готовы и были исключительно удивлены лежащей перед ними задачей.

Суммируя, как и остальное общество Германии, члены Полицейского Резервного Батальона 101 были погружены в поток расистской и антисемитской пропаганды. Более того, Полиция Порядка подвергалась индоктринации и при базовой подготовке, и на постоянной основе. Непрерывающийся ливень пропаганды должен был значительно укрепить идею немецкого расового превосходства и «некоторого отвращения» к евреям. Однако большинство материалов явно не предназначалось для старых резервистов, а в отдельных случаях даже совсем не подходило. Среди сохранившейся документации подозрительно отсутствуют материалы специально составленные для закаливания полицейских на убийства. Надо быть очень убеждённым в силе «промывания мозгов» индоктринацией, чтобы поверить, что эти материалы смогли избавить людей батальона от способности самостоятельно мыслить. Нет сомнений, что им навязывали чувства собственного превосходства и расового родства, а также идеи неполноценности евреев и других, но явной подготовки к убийствам у них не было.

Совместно с идеологической индоктринацией, важным фактором стал конформизм, который затронул, но не раскрыл до конца эксперимент Милгрэма. Батальону приказали убивать евреев, но это делал не каждый. 80 или 90 процентов выполнили приказ, но почти все из них, особенно в начале, ужасались и испытывали отвращение к содеянному. Нарушить субординацию и выйти вперёд, принять открыто неконформистское поведение для большинства оказалось невозможным. Проще было стрелять.

Почему? Во-первых, нарушая субординацию и выходя из строя, они переключались «грязную работу» на своих товарищей. Отказ стрелять — отказ от неприятной коллективной обязанности — батальон должен стрелять, даже если отдельные люди откажутся. В каком-то роде они сталкивались в асоциальном акте лицом к лицу со своими товарищами. Отказавшиеся рисковали изоляцией, неприятием, остракизмом — крайне неприятной перспективой в тесных условиях боевого братства на враждебной территории. Человеку буквально негде было бы искать поддержки и контакта.

Выход из строя мог выглядеть как заявление, что вышедший «слишком хорош» для такого, тем самым подставив себя под моральные упреки

товарищей и повысив вероятность своей изоляции. Большинство отказников, хоть и не все, старались размыть такую возможную критику товарищей заявлением, что они «слишком слабы» для убийства, а не «слишком хороши».

Подобная позиция не бросала вызов самооценке товарищей, а даже наоборот, легитимизировала и поддерживала их мысли о себе как о «крепких» и высшего качества людях. Это так же добавляло преимущество в отсутствии морального вызова кровавому режиму. Однако одновременно ставило новую проблему — ведь есть большая разница между «слабаком» и «трусом». Отсюда и отмеченное одним полицейским различие — в Юзефове выйти сразу он не решился, но вышел из своей расстрельной команды после. Одно дело струсить и даже не попытаться, а совсем другое попытаться разделить бремя, но оказаться слишком слабым для него.⁵⁶⁰

Так что коварным образом, но отказники лишь поддерживали «мачо» достоинства большинства — согласно которым способность убить безоружного, гражданского, женщину, ребёнка якобы положительная черта — одновременно с этим не разрушая чувства товарищества в их расистском и враждебном мире. Многие пытались разрешить противоречие между своей совестью и нормами батальона: они не расстреливали младенцев на месте, но отправляли их на точку сбора; не устраивали расстрелы в патрулях, если среди них не находилось особенно рьяного товарища; приводили евреев на расстрел, но сознательно промахивались. Только особенно выдающиеся индивидуумы остались безразличны к упрекам товарищей в «слабости» и смогли жить с тем фактом, что их не считают за «мужиков».⁵⁶¹

Мы прошли полный круг взаимоусиливающего эффекта войны и расизма в сочетании с постоянными пропагандой и индоктринацией, отмеченного Джоном Доуэром. Для полицейских задачу по соответствию нормам ближайшего окружения (батальона) и общества в целом (нацистской Германии) упрощал повсеместный расизм и результирующее исключение еврейских жертв из «человечества». Здесь сошлись годы антисемитской пропаганды (а до нацистов десятилетия немецкого национализма) и поляризующий эффект войны. Центральная для нацистской идеологии дихотомия расового превосходства немцев и расово неполноценных евреев могла легко слиться с картиной осаждённой врагами Германии. Сомнительно, что большинство полицейских понимало или принимало теоретические основы нацизма на примере брошюр индоктринации СС, как и сомнительно, что у них был иммунитет к «влиянию времени» (снова используя выражение Дракера), постоянному декларированию немецкого превосходства и разжиганию презрения и ненависти к врагам-евреям. Ничто

не помогало нацистам вести расовую войну, как сама война. В военное время, когда враг легко перестаёт быть человеком и теряет все соответствующие права, стало легко включить евреев в «образ врага», или *Feindbild*.

Примо Леви в свою последнюю книгу «Утонувшие и спасённые» включил эссе, озаглавленное «Серая Зона» — возможно его самое глубокое и крайне волнующее размышление о Холокосте.⁵⁶² Он писал, что несмотря на наше врождённое желание чётко проводить грань между вещами, история «не может быть упрощена до двух лагерей — жертв и преступников». Леви громко заявлял: «Наивно, абсурдно и исторически неверно верить, что адские системы, подобные национал-социализму, чтят своих жертв; наоборот, они деградируют их, заставляют стать похожими на себя». Пришло время посмотреть на обитателей «Серой Зоны» не как на упрощённый манихейский образ жертвы и насильника. Леви концентрировался на «серой зоне коррупции и коллаборации», расцветающей среди самых разных жертв: от «карикатурной мании» низкоранговых исполнителей, пользующихся своей мизерной властью над заключёнными, до по-настоящему привилегированных рабочих Капо, свободных «совершать худшие злодеяния» просто по желанию, до ужасной судьбы зондеркоманд, что продлевали свои жизни, отправляя других в газовые камеры и крематории (создание и организация Зондеркоманд, по мнению Леви, было «наиболее дьявольским преступлением»). Леви в своём фокусе на «серой зоне» у жертв осмелился предложить, что такая зона покрывает и преступников. Даже такой человек СС, как Мюсфельдт из крематориев Освенцима — чей «дневной рацион усеян самодурством и капризностью изобретаемых им жестокостями» — не был «монолитом». Столкнувшись с шестнадцатилетней девочкой, чудесным образом пережившей газовую камеру, он ненадолго поколебался. В конце концов он всё же отдал приказ казнить её, но ушёл до того, как казнь привели в исполнение. Одно «мгновение жалости» недостаточно для «искупления» Мюсфельдта, заслуженно повешенного в 1947-м. И всё же это «хоть и на самую границу, но поставило его в серую зону, зону неопределённости, так отличающуюся от свойственных режиму террора и подбострастия». Идею Леви о серой зоне, охватывающей и преступников, и жертв, необходимо воспринимать с осторожной оговоркой. Убийцы и жертвы в серой зоне не отражение друг друга. Преступники не становились жертвами (как многие впоследствии заявили) в том же смысле, в каком жертвы становились соучастниками преступников. Отношения между ними не симметричны, а возможность выбора для этих групп

полностью различается.

Тем не менее, спектр серой зоны Леви кажется применимым к Полицейскому Резервному Батальону 101. В нём точно было достаточно людей на «крайней границе» этой зоны. Приходит в голову Лейтенант Гнаде, кто торопился увести своих людей от казней в Минске — тот же человек, что потом научился наслаждаться ими. Как и многие другие полицейские, находившиеся в полном ужасе в лесах Юзефува, чтобы потом становиться добровольцами в расстрельные команды и «охоту на евреев». Они, как и Мюнсфельдт, судя по всему, испытывали «моменты жалости», но не поддавались им. На другой границе серой зоны даже такой яркий и открытый критик кровавых действий батальона как лейтенант Бухман, споткнулся минимум один раз. Незадолго до своего перевода, без защиты майора Траппа и получив прямой приказ местной Полиции Безопасности Лукува, он также повёл своих людей на место казни. В самом центре зоны стоит жалкая фигура самого Траппа, «рыдавшего как ребёнок», отправляя своих людей убивать евреев, и прикованный к постели капитан Хоффман, чьё тело восстало против страшных деяний его разума.

Поведение любого человека конечно же очень сложный феномен, а попытки историков «объяснить» его всегда несколько надменны. Попытку подвести какую-то черту под коллективное поведение пятисот человек сложно назвать чем-то иным, кроме как авантюрой. Что же тогда можно заключить? История Полицейского Резервного Батальона 101 вызывает сильное беспокойство. Это история обыкновенных людей, но не всех людей. Полицейские запаса столкнулись с выбором, и многие выбрали совершить ужасное. Но убийцы не могут быть оправданы идеей, что любой на их месте поступил бы так же, ведь даже среди них были те, кто отказался сразу или одумался потом. Ответственность человека в конце концов — личная ответственность каждого отдельного человека.

Однако коллективное поведение Полицейского Резервного Батальона 101 в тоже время имеет глубоко тревожащие последствия. Множество социумов «заражены» традициями расизма, угрозами войны или ощущением нахождения в осаде среди врагов. Каждое общество ставит людям в условие уважение и подчинение авторитету, и по-другому вряд ли общество может функционировать. Люди повсеместно ищут возможности для продвижения по службе. Сложность современного социума и вытекающая из него бюрократизация и специализация легко снимают с человека чувство личной ответственности за имплементацию различных политик. Буквально в каждом коллективе ближайшее окружение влияет на поведение каждого из

его членов и устанавливает моральные нормы. Если люди Полицейского Резервного Батальона могут стать убийцами в таких условиях, то кто не может?

Послесловие

С момента выхода книги «Обыкновенные люди» шесть лет назад, её без перерыва разбирал и критиковал другой автор — Дэниэл Джона Голдхаген. Он не только писал на ту же тему — мотивацию «обыкновенных» немцев, ставших соучастниками Холокоста — но так же отчасти основывал свои работы на тех же документах об убийцах в Холокосте, к примеру, послевоенных судебных допросах членов Полицейского Резервного Батальона 101.⁵⁶³ Конечно же, нет ничего необычного в том, что разные учёные задают разные вопросы, применяют разные методологии и приходят к разным выводам, даже работая с одними и теми же источниками. Однако редко когда так резко и состязательно спорят о различиях. Так же крайне редко, когда академическая работа становится межнациональным бестселлером, одновременно получая отзывы от крайне позитивных, до крайне негативных.⁵⁶⁴ Так критичный о моей работе профессор Голдхаген сам в итоге стал «мишенью». Если коротко, то критика Голдхагена моей работы и последующая полемика вокруг его собственной заслуживает своего «послесловия» в последующих изданиях книги «Обыкновенные люди».

Мы с Голдхагеном соглашаемся по нескольким пунктам: во-первых, в участии многочисленных «обыкновенных» немцев в массовом убийстве евреев; во-вторых, высокий уровень добровольного участия этих «обыкновенных». Большинство убийц не отобраны целенаправленно, но взяты из среза всего немецкого общества; они не убивали из-за принуждения или угрозы страшного наказания за отказ. Однако ни одно из этих заключений не ново в исследовании Холокоста — это одни из фундаментальных выводов авторитетного и новаторского исследования «Уничтожение евреев Европы» 1961 года за авторством Рауля Хильберга. Преступники «не отличались моральными ценностями от остального населения — «Нет ничего особенного в немецких соучастниках [Холокоста]». Соучастники представляли собой «примечательный срез немецкого населения» и машину уничтожения, «структурно не отличимую от организации немецкого общества».⁵⁶⁵ Именно немецкий учёный Герберг

Ягер⁵⁶⁶ и немецкий прокурор в 1960-м твердо установили, что нет ни одного документального подтверждения тому, что немцы за отказ убивать невооружённых гражданских сталкивались со страшными последствиями. Голдхаген отдаёт должное за это Ягеру и прокурору, но совершенно пренебрегает Хильбергом.

Кроме как в стиле описания Холокоста и отношении к другим исследователям этой темы, мы с Голдхагеном значительно расходимся в интерпретации двух исторических областей. Во-первых, мы даём разную оценку роли антисемитизма в немецкой истории, включая эру национал-социализма. Во-вторых, по-разному смотрим на мотивацию(-ии) «обыкновенных» немецких людей, ставших убийцами в Холокосте. Эти две темы мне бы хотелось раскрыть поподробнее.

В своей книге «Добровольные Палачи Гитлера» Дэниэл утверждает, что антисемитизм «более или менее главенствовал в идейной жизни гражданского общества» в донацистской Германии⁵⁶⁷, и когда немцы «выбрали»(sic!) Гитлера, «центральная роль антисемитизма в мировоззрении, программах и риторике ... отражало саму немецкую культуру».⁵⁶⁸ Потому как Гитлер и немцы были «на одной волне» в вопросе о евреях, тот просто «освободил» или «спустил с поводка» их «существовавший, накопленный» антисемитизм для совершения Холокоста.⁵⁶⁹

Для поддержки своего взгляда, что нацистский режим следует рассматривать лишь как позволивший или слегка подтолкнувший немцев к тому, что они и так хотели сделать, а не сформировавший немецкое поведение после 1933-го, Голдхаген сформулировал тезис и назвал его «новым» в исследовании антисемитизма. Антисемитизм «не появляется, исчезает, а затем вновь появляется в обществе. Он присутствует всегда, проявляясь сильнее или слабее». Не сам антисемитизм, а его «проявление», «более слабое или сильное», в зависимости от меняющихся условий.⁵⁷⁰

Затем, согласно Голдхагену, картина всегда лежащего в основе и лишь поверхностного изменяющегося антисемитизма резко меняется после 1945 г. Всепоглощающий и элиминаторский⁵⁷¹ немецкий антисемитизм, который был единственной и достаточной мотивацией для убийц Холокоста, внезапно исчезает. С учётом переобучения, изменения публичной повестки, законов против антисемитизма и отсутствия подкрепления со стороны институтов немецкая культура, столетиями под властью антисемитизма, неожиданно трансформируется.⁵⁷² И теперь нам говорят, что немцы такие же, как и мы.

Я могу легко согласиться и поддержать две идеи: во-первых,

антисемитизм был значительной частью немецкой политической культуры до 1945-го; во-вторых, немецкая политическая культура теперь совсем иная и значительно менее антисемитская. Однако если она в целом и конкретно антисемитизм могли быть трансформированы после 1945-го изменениями в образовании, общественной дискуссии, законах и институтах, как предлагает Голдхаген, то логично предположить, что точно так же за три или четыре десятилетия они могли быть трансформированы и до 1945-го, особенно за двенадцать лет нацистского правления.

В своей вступительной главе Голдхаген предоставляет полезную трёхстороннюю модель анализа антисемитизма, однако, в последующих главах он эту модель не использует. Антисемитизм, он утверждает, варьируется от источника к источнику и от случая к случаю (к примеру, расы, религии, культуры или окружения) и предполагаемых еврейских отрицательных черт. И дополнительно варьируется от степени опасности или «ощущаемой» антисемитами опасности.⁵⁷³ Вариативность антисемитизма в распространённости и интенсивности в зависимости от ощущаемой еврейской угрозы предполагает, что антисемитизм меняется не только вместе с условиями, но и может существовать в бесконечных вариациях. Даже для единственной страны вроде Германии, мы должны думать и говорить об антисемитизме во множественном числе.

Однако настоящая концепция, что использует Голдхаген, производит противоположный эффект — она удаляет все вариации и подводит антисемитизм под единую черту. Все немцы, что видели в евреях «других», рассматривали эту «инородность» как нечто негативное и как то, от чего следует избавиться — через обращение, ассимиляцию, эмиграцию или уничтожение — классифицируются как антисемиты «элиминаторы», даже если предыдущая модель Голдхагена показывает, что интенсивность, причина и приоритет различаются. Такие различия аналитически незначительны, так как, если верить Голдхагену, вариации решений элиминаторов «дают метастазы» в виде истребления.⁵⁷⁴ Используя такой подход, Голдхаген легко переходит от множественных проявлений антисемитизма в Германии к единому «элиминаторскому антисемитизму», который подобно злокачественной опухоли разрастается в массовые убийства, и, следовательно, вся Германия была «на одной волне» с Гитлером в вопросах справедливости и необходимости Окончательного Решения.

Если же использовать аналитическую модель предложенную Голдхагеном вместо той, которой он на самом деле использует, что же можно сказать о изменениях в антисемитизме немецкой политической культуры и

её роли в Холокосте? И с чего начать?

Давайте же приступим с истории Германии девятнадцатого века, а точнее с различных интерпретаций немецкого якобы «особого пути» или *Sonderweg*. Согласно традиционному социальному или структурному подходу, в Германии в 1848-м провалилась либеральная революция, из-за чего провалились и политическая, и экономическая модернизации. После чего докапиталистические элиты Германии поддерживали свои привилегии в авторитарной политической системе, пока от среднего класса откупались обещаниями экономического развития, воссоединения нации, которой они не смогли добиться в революции, а в конце концов ими просто манипулировали, подстёгивая «социальный империализм». ⁵⁷⁵ Согласно культурному или идеологическому подходу, искажённое и неполное принятие просвещения некоторыми немецкими интеллектуалами, и последовавший за этим развал традиционного мира, привели к постоянным отрицаниям либерально демократических идей и ценностей с одной стороны, и к выборочному примирению с некоторыми аспектами модернизации (к примеру, современные технологии и рациональность во главе всего) с другой. Это сформировало то, что Джеффри Херф назвал своеобразным немецким «реакционным модернизмом». ⁵⁷⁶ Третий подход, проиллюстрированный Джоном Вайсом и Дэниэлом Голдхагеном, описывает немецкий «особый путь» в терминах распространения и заразности антисемитизма в Германии, хотя первый не так сильно обобщает, как второй, и аккуратно прослеживает антисемитизм до политических движений среди политических и академических элит девятнадцатого века. ⁵⁷⁷

Мне кажется, что интерпретация Шуламит Волковой антисемитизма в Германии в конце девятнадцатого века как «культурного кода» представляет собой замечательный синтез важных элементов различных, но не взаимоисключающих идей о немецком «особом пути» ⁵⁷⁸. Немецкие консерваторы, правящие лишённой либерализма политической системой, ощущали, как их ведущая роль подвергается опасности модернизацией, ассоциируя антисемитизм со всем, чего они боялись — либерализации, демократии, социализма, интернационализма, капитализма и культурных экспериментов. Быть самопровозглашённым антисемитом — означало быть авторитарным, националистом, империалистом, протекционистом, корпоративистом и культурным традиционалистом. Волкова заключает: «Антисемитизм для них сильно ассоциировался со всем, за что боролись консерваторы. Со временем он стал неразделим с их антимодернизмом ... И

пока консерваторы поддерживали в вопросе антисемитизма популистов, озабоченную одним только антисемитизмом партию и призывали псевдонаучные и социально дарвинистские теории рас в свою поддержку, консерваторы принимали всё это как защитную реакцию, имеющую отлнчительно современные черты» (схоже с одновременным решением построить флот).

К концу столетия всё более расовый по своей природе немецкий антисемитизм стал неотъемлемой частью консервативной политической платформы и глубоко проник в университеты. Этот вопрос в Германии стал более важным для политики и политических институтов, чем в западных демократиях Франции, Британии и Соединённых Штатах. Однако это не означает, что антисемитизм Германии девятнадцатого века доминировал в политическом или идейном мире — консерваторы и узконаправленные антисемитские партии представляли собой меньшинство. Большинство же можно было найти в Прусском Ландтаге, проводящим дискриминационные законы против католиков в 1870-м и в Рейхстаге против социалистов в 1880-м. Эмансипацию евреев, составлявших менее одного процента населения и едва ли способных защитить себя от объединённой и одержимой ими Германии, никто не отменял. Если левые не выражали любовь к евреям, сопоставимую с ненавистью правых, то только потому, что для левых антисемитизм не являлся повесткой дня, а не из-за своего собственного антисемитизма.

Еврейский вопрос был лишь одним из многих даже для самых открытых консерваторов-антисемитов. Предположить, что они считали евреев опаснее Тройственного Союза за границей или социал-демократов дома — значит сильно исказить факты. Если и для консерваторов антисемитизм не был приоритетным вопросом или угрозой, то насколько же он был важен для остального немецкого общества? Как отметил Ричард Леви: «Можно составить убедительный аргумент, что [евреи] по большому счёту мало интересовали немцев. Ставить их в центр немецкой истории девятнадцатого и двадцатого веков — это очень непродуктивная стратегия».⁵⁷⁹

Для некоторых немцев, конечно, евреи всё же были главным приоритетом и страшнейшей угрозой. Антисемитизм немецких консерваторов на рубеже столетий хорошо подходит под представление Гэвина Ленгмюра о «ксенофобном» антисемитизме — негативном стереотипе, составленном из разных допущений, не описывающих настоящее еврейское меньшинство, но работающем как собирательный образ

всех угроз и опасностей, находящихся вне понимания антисемитов (и не желавших понимать).⁵⁸⁰ Ленгмюр так же отмечал, что «ксенофобный» антисемитизм готовит прекрасную почву для роста фантастического или «химерного» антисемитизма — что Саул Фридендер недавно назвал «искупительным» антисемитизмом.⁵⁸¹ Если немецкий ксенофобный антисемитизм был частью политической платформы для важного сегмента политического спектра, «искупительные» антисемиты же с их «химерными» обвинениями — от того как евреи отравляют арийскую кровь до секретной еврейской всемирной конспирологии, стоящей за марксистской революцией и плутократической демократией — всё ещё были нишевым феноменом.

Последствия травматического опыта Германии между 1912 и 1929 гг. — потеря контроля Рейхстагом правыми силами, военное поражение, революция, стремительная инфляция и экономический коллапс — трансформировали немецкую политику. Правый сектор вырос за счёт центра, а бывшие радикалы (или Новые Правые) росли за счёт традиционалистов (или Старых Правых). Соразмерно разросся и «химерный» антисемитизм — из маргинального до идейного движения, ставшего крупнейшей политической партией Германии летом 1932-го и её правящей партией шесть месяцев спустя.

Один лишь этот факт делает историю Германии и немецкого антисемитизма отличным от других стран Европы, но даже это стоит рассматривать в перспективе. На честных выборах нацисты никогда не получали больше 37% голосов — меньше, чем совместные голоса социалистов и коммунистов. Дэниэл Голдхаген правильно напоминает нам, что «нельзя из голосов сделать заключение об индивидуальном отношении к отдельным вопросам».⁵⁸² Однако маловероятно, что он прав в своей оценке, когда утверждает, что большое количество немцев, голосовавших за социал-демократическую партию по экономическим соображениям, тем не менее находились с Гитлером и нацистами «на одной волне» в вопросе о евреях. Хотя я и не могу это доказать, но я сильно подозреваю, что больше немцев голосовало за нацистов по причинам отличным от семитизма, чем немцев, кто считал антисемитизм важным вопросом, но всё же голосовавших не за нацистов. Ни сами итоги выборов, ни какая-либо их возможная интерпретация не предполагает, что в 1932-м большинство немцев было «на одной волне» с Гитлером в вопросе евреев или что «центральное место антисемитизма в мировоззрении, программе и риторике партии ... отражает саму немецкую культуру».⁵⁸³

Начиная с 1933-го все факторы, которым Голдхаген приписывает

разрушение антисемитизма после 1945 г. — образование, общественный диалог и поддержка институтов — работали в противоположном направлении распространения антисемитизма среди немцев. И даже со значительно большим количеством усилий, в сравнении с послевоенным периодом. Может ли кто-либо сомневаться, что это оказало значительное влияние, с учётом растущей популярности Гитлера, режима и их успехи в экономике и внешней политике? Как Уильям Шеридан Аллен кратко подчеркнул, даже в крайне нацифицированном городе как Нортхайм, большинство людей «пришли к антисемитизму, потому что пришли к нацистам, но не наоборот».⁵⁸⁴ Более того, Голдхаген часто ссылается на подпольный доклад Сопаде⁵⁸⁵ в 1936-м. Он служит доказательством изменения немецкого отношения вслед за захватом нацистами власти, но не свидетельствует о ситуации до этого. «Антисемитизм без сомнения укоренился среди широкой публики ... Общий антисемитский психоз затронул даже вдумчивых людей, даже наших товарищей».⁵⁸⁶

Даже в период после 1933 года лучше всего говорить о немецком антисемитизме во множественном числе. Внутри партии действительно находилось ядро немцев, для которых евреи казались расовым врагом и главным приоритетом. Махровые «химерные» или «искупительные» антисемиты нацистского движения однако же различались в стилях и предпочитаемых действиях. На одной границе спектра стояли Штурмовики и подобные Штрейхеру — они жаждали погромов. На другой границе расположились расчётливые, интеллектуальные антисемиты, описанные Ульрихом Гербертом в его биографии Вернера Беста — тот выступал за более систематическое, но бесстрастное гонение.⁵⁸⁷

Как часть контрреволюции и движения по обновлению нации, консервативные сторонники Гитлера выступали за отказ от эмансипации и за сегрегацию евреев. Они стремились положить конец предполагаемому «чрезмерному» влиянию евреев на немецкую жизнь, хоть это и не было приоритетом, сравнимым со стремлением разрушить профсоюзы, марксистские партии и парламентскую демократию, или с перевооружением и восстановлением Германии в статусе великой державы. Они часто говорили об антисемитизме, но не были последовательны. Часть, как президент Гиндербург, хотели сделать исключение для евреев, которые проявили себя на верной службе отечеству. Церковь, конечно же, хотела исключений для обращённых евреев. По моему мнению, маловероятно, что консерваторы сами по себе двинулись бы дальше первых дискриминационных мер 1933-1934 гг., по результатам которых евреев

выгнали из гражданской и военной служб, различных профессий и культурной жизни.

То, что консерваторы считали достаточным, нацисты едва ли могли назвать первым шагом — они намного лучше консерваторов понимали разницу между ними. Став соучастниками падения демократии, консерваторы имели возможность противостоять радикализации гонений евреев не сильнее, чем они могли требовать для себя тех прав, которых лишили других. И пока они оплакивали потерю привилегий и власти от рук нацистов, которым они сами же и помогли пробраться во власть, мало кто из них оплакивал или жалел о судьбе евреев. Конечно можно оспорить заявление, что консервативные союзники нацистов были «на одной волне» с Гитлером, но это совершенно точно не означает отрицание их презренного поведения и огромную ответственность за всё. Как и говорилось ранее, ксенофобный антисемитизм подготовил плодородную почву для химерного антисемитизма.

Что можно сказать о немецком населении в тридцатые годы в целом? Поддалось ли большинство волне антисемитизма нацистов? Лишь отчасти, согласно детальным исследованиям таких историков как Ян Кершоу, Отто Дов Кулька и Дэвид Банкир. Им удалось достигнуть удивительного консенсуса по этому вопросу.⁵⁸⁸ В периоде 1933-1939 гг. эти историки провели черту между меньшинством партийных активистов, для которых антисемитизм был высшим приоритетом, и большей частью немецкого населения. В отличие от активистов, большая часть населения не возмущалась и не требовала антисемитских мер. Однако тоже самое большинство «обыкновенных немцев» — которых Саул Фридендер для контраста с «активистами» назвал «зрителями»⁵⁸⁹ — тем не менее приняли правовые меры режима⁵⁹⁰, что привело к прекращению эмансипации евреев, выдворения их с общественных должностей в 1933-м, социальному остракизму в 1935-м и завершилось конфискацией их имущества в 1938-1939 гг. И всё же большинство критично относилось к «хулиганскому» насилию партийных радикалов против тех же немецких евреев, против которых они поддерживали гонения. Бойкот 1933 г., волны вандализма 1935 г., и тем более погром «Хрустальная ночь» [Kristallnacht] в ноябре 1938-го вызывали негативную реакцию у немецкого населения.

Однако самое главное — это образовавшаяся пропасть между еврейским меньшинством и остальным населением. Хотя последние и не мобилизовались вокруг резкого и яростного антисемитизма, они всё же становились всё более «апатичны», «пассивны» и «безразличны» к судьбе

первых. Антисемитские меры, выполненные в организованной и законной манере, хорошо принимались широкой публикой по двум причинам: во-первых, такие меры поддерживали надежду на сдерживание насилия, которое немцы находили неприятным; во-вторых, теперь уже большинство поддерживало ограничение роли евреев в немецком обществе, а некоторые и её полное отсутствие. Это стало важным достижением режима, но всё равно не прокладывало путь, при котором «обыкновенные немцы» поддержали бы, а тем более и приняли бы участие» в массовом убийстве европейских евреев, при котором «зрители» 1938-го станут соучастниками геноцида 1941-1942 гг.

Что касается годов войны, то Кершоу, Кулька и Банкир не соглашаются по нескольким пунктам, но в целом признают, что антисемитизм «настоящих верующих» не был идентичен антисемитским настроениям населения, и что обыкновенные немцы не разделяли геноцидальных взглядов режима. Банкир, никак не преуменьшая немецкий антисемитизм, писал: «Обыкновенные немцы знали как различить приемлемую дискриминацию ... и неприемлемый ужас геноцида ... Чем больше просачивалось новостей о массовых убийствах, тем меньше публика хотела участвовать в Окончательном Решении еврейского вопроса». ⁵⁹¹ Тем не менее, как подмечал Кулька: «Поразительно бездонное безразличие к судьбам евреев как к судьбам человеческих существ» давало «режиму свободно проталкивать радикальное „Окончательное Решение“». ⁵⁹² Кершоу подчёркивал это же в своей запоминающейся фразе «Дорогу в Освенцим построила ненависть, но проложило безразличие». ⁵⁹³

Кулька и Родриг как и Кершоу использовали термин «безразличие», но беспокоились о его применении, так как чувствовали, что его недостаточно для описания интернализации нацистского антисемитизма среди широкой публики, особенно касаясь принятия «Окончательного Решения» еврейского вопроса в виде расплывчатого термина «устранение». Они предложили такое более морально тяжёлое определение как «пассивное соучастие» или «косвенное соучастие». ⁵⁹⁴ Голдхаген же горячо объявляет сам концепт «безразличия», который он сравнивает с «отсутствием взглядов» и с «полным моральным нейтралитетом к массовой резне» — концептуально ошибочным и психологически невозможным. Для Голдхагена немцы не были апатичны и безразличны, но «безжалостны», «черствы» и «бессердечны», а их молчание следует понимать как одобрение. ⁵⁹⁵ У меня нет проблемы с желанием Кульки, Родрига и Голдхагена использовать сильный, морально обвинительный язык для описания немецкого поведения. Но я не думаю, что выбор слов меняет саму суть точки зрения, предложенной Кершоу, Кулькой

и Банкиром — а именно то, что полезно разделять ядро нацистов и население в целом в вопросе приоритета антисемитизма и стремлении их убивать. По-моему, Голдхаген подменяет понятия в своих определениях и неправильно интерпретирует значение молчания в условиях диктатуры. Он так же не учитывает, что понятие «безразличия» у Кершоу предвосхищает такую в его собственной модели, когда Кершоу отмечает, что во время войны немцы вполне могли меньше любить евреев, и одновременно с этим больше пренебрегать ими.

По ещё двум пунктам мы с Голдхагеном соглашаемся. Во-первых, стоит рассматривать поведение и отношение обыкновенных немцев не только на домашнем фронте, но и на оккупированных территориях восточной Европы. Во-вторых, столкнувшись с задачей по убийству евреев, большинство обыкновенных немцев становились «добровольными» палачами. Если дома они были безразличны и апатичны, двуличны и бессердечны, то на востоке они были убийцами.

Однако мы расходимся в контексте и мотиве этого кровавого поведения. По Голдхагену, эти обыкновенные немцы, «вооружённые лишь кружащими в Германии идеями», до 1933-го не имевшие возможности для реализации себя, теперь «желали стать палачами в геноциде».⁵⁹⁶ По-моему, обыкновенные немцы в Восточной Европе принесли с собой набор ценностей, включавшие не только различные формы антисемитизма немецкого общества, раздуваемого режимом с 1933-го, но и многое другое. Как показали Брестский мир, кампании Фрайкоров и почти единогласное отрицание Версальского договора в немецком обществе циркулировало много различных идей: отказ принять вердикт Первой Мировой, имперские амбиции в Восточной Европе, немецкое расовое превосходство, злобный антикоммунизм. Я готов поспорить, что именно они являются общими между немецким населением и нацистами, а не антисемитизм.

Немцы в Восточной Европе трансформировались под влиянием событий и ситуаций 1939-1941 гг. сильнее, чем под влиянием диктаторства в 1933-1939 гг. Германия теперь воевала; более того, это была «расовая война» имперского завоевания. Эти обыкновенные немцы располагались на территории, где местные были объявлены «подчинёнными» и немецких оккупантов уверяли вести себя как «раса хозяев». И евреи на этих территориях не были ассимилированным средним классом немецких евреев, а странными и чуждыми *Ostjuden* — восточными евреями. В 1941-м добавились ещё два фактора: идеологический крестовый поход против Большеизма и «война на уничтожение».

Можно ли даже предположить, что не эти изменения в ситуации и контексте во время войны изменили поведение и отношение обыкновенных немцев в Восточной Европе, а только лишь когнитивное представление о евреях, имеющееся у всех немцев до 1933-го, лежит в основе их добровольного, а у некоторых и охотного участия в убийстве евреев?

В этом вопросе важно отметить, что перед имплементацией Окончательного Решения (сначала на советской территории во второй половине 1941 г., в Польше и остальной Европе весной 1942 г.), нацистский режим уже нашёл добровольных палачей на казнь от 70 000 до 80 000 психически и физически ограниченных немцев, десятков тысяч членов польской интеллигенции, десятков тысяч гражданских в карательных расстрелах и более чем двух миллионов советских военнопленных. Ясно видно, что к сентябрю 1939 г. режим обладал возможностью легитимизировать и организовать массовые убийства ошеломляющего масштаба, которые не зависели от антисемитской мотивации убийц и еврейской национальности жертв.

Дэниэл Голдхаген недавно написал, что даже если он «не был полностью прав насчёт размаха и характера немецкого антисемитизма, это не значит, что он не прав» в его «заключении о ... преступниках и их мотивах».⁵⁹⁷ Центральным столпом интерпретации Голдхагена стоит идея о том, что люди не просто становились «добровольными палачами», но на самом деле «хотели быть палачами геноцида» (выделено автором) евреев.⁵⁹⁸ Они «утоляли свою жажду еврейской крови» со «смаком»; они «веселились»; они убивали «для удовольствия».⁵⁹⁹ Более того, «количество и степень жестокости и зверств, что немцы совершили над евреями также крайне характерно»; действительно, они «выделяются» в «длинных анналах человеческого варварства».⁶⁰⁰ Голдхаген твёрдо заключает, что «касаясь мотивации Холокоста, для большинства соучастников достаточно одного объяснения» — а именно «демонического антисемитизма», который «был обычной конструкцией в сознании преступников и немецкого общества в целом».⁶⁰¹

В подтверждение своей интерпретации Голдхаген постоянно взывает к сознательному использованию тщательной методологии социальной науки как фактора, в первую очередь отличающего его работу от работ других учёных в области.⁶⁰² Я хотел бы фокусироваться на двух аспектах аргумента Голдхагена для его интерпретации и оценить их по высоким стандартам тщательной социальной науки, которые он сам же и поставил: во-первых, конструкция и структура его аргумента, во-вторых, методология

использования доказательств.

Тогда как большая часть книги Голдхагена сфокусирована на антисемитизме в немецкой истории и обращении с евреями во время Холокоста, неотъемлемой частью в основе конструкции его аргумента лежат два сравнения.⁶⁰³ Первое, немцев сравнивают с не-немцами в контексте обращения с евреями. Второе, немецкое обращение с жертвами евреями сравнивается с их обращением с жертвами не-евреями. Ставится цель установить, что только всепроникающий, элиминаторский антисемитизм, специфичный для немецкого общества, может объяснить резкие различия якобы проявляющиеся из этих сравнений.

С этой конструкцией целый ворох проблем. Для адекватной поддержки вторым сравнением своего аргумента, Голдхаген должен был доказать, что не только немцы обращались по-разному с жертвами евреями и не-евреями (с чем соглашаются буквально все историки), но и так же что для большинства соучастников их разное обращение фундаментально объясняется только антисемитской мотивацией, а не другими возможными объяснениями. К примеру, согласием с различными правительственными политиками в зависимости от групп жертв. Второе и третье тематические исследования «Добровольный палачей Гитлера» нацелены на доказательство этих двух пунктов. Голдхаген утверждает, что примеры еврейских трудовых лагерей Липова и Флюгхафена в Люблине демонстрируют, что немцы кроваво обходились только с еврейскими рабочими, без каких-либо сожалений и даже контрпродуктивно для экономики. Он утверждает, что пример марша смерти в Хельмбрехтсе демонстрирует, что евреев убивали даже тогда, когда был приказ оставить их в живых, и из чего он заключает, что мотивацией является не согласие с политикой государства или подчинение приказам, а глубокая персональная ненависть к евреям, пропитавшая всю немецкую культуру. И из всех этих примеров Голдхаген выводит, что беспрецедентная, продолжительная, всеобъемлющая жестокость, с которой немецкие преступники обращались с еврейскими жертвами, объясняется только лишь вышеуказанной причиной.

Одна из искупительных черт книги Голдхагена — это привлечение более широкого внимания к маршам смерти, но его попытка сделать обобщение из одного случая в Хельмбрехтсе неубедительна. Его красочное описание ужасного события не должно скрыть тот факт, что доказывая распространённость желания убивать евреев даже вопреки приказам, он не установил ни повторяемость события на других маршах, ни то, что подобное никогда не случалось с другими жертвами. Даже в своём собственном

примере он признает, что охране приходилось останавливать местное немецкое население от предоставления еды и крова евреям, а немецких солдат от предоставления им медицинской помощи. Даже не рассматривался вопрос, а были ли те немцы типичными представителями немецкого общества, каковыми он считал охранников. Действительно, разительное отличие в поведение этих групп немцев должно подчеркнуть важность ситуационных и институциональных факторов, которые он отбросил.⁶⁰⁴

Точно так же можно найти и контрпримеры убийства не-евреев, даже несмотря на изменения в политике на высшем уровне и иррационального использования рабочих не-евреев. Только решив убить всех евреев Европы в октябре 1941-го, нацистский режим развернул на 180 градусов политику в отношении к советским военнопленным и приказал отныне использовать их для работы, а не просто оставлять умирать от голода, болезней и холода. Рудольфа Хёсса в Освенциме уведомили, что для строительства нового лагеря в Биркенау ему отправят большой контингент советских военнопленных — высокоприоритетная для Гиммлера задача. Если коротко, то и из экономических соображений, и по приказу вышестоящих следовало оставлять военнопленных в живых и отправлять на работы. Около 10 000 советских прибыли в Освенцим и отправлены в Биркенау в октябре 1941-го. К концу февраля — четыре месяца спустя — в живых остались только 945. Процент выживаемости — 9,5.⁶⁰⁵ Привычное и усвоенное поведение персонала концентрационного лагеря и использование ими работ для пыток и уничтожения, как и смертельные условия в Биркенау, не изменились внезапно от приказа Гиммлера использовать советских военнопленных для приоритетного строительства.

Как показал Майкл Тэд Аллен в своей диссертации о Главном Управлении Экономического Развития СС⁶⁰⁶, в вопросе системы лагерей использование труда именно для наказания и пыток заключённых, а не продуктивности, стало культурой этого института задолго до того, как евреи стали значительной частью заключённых. Более того, любые попытки во время войны использовать труд концентрационных лагерей продуктивно спотыкались о сопротивление персонала лагерей, упрямо игнорирующих экономическую рациональность. Культуру этих лагерей оказалось сложно изменить, вне зависимости от того, кто в них содержался.

Что насчёт обращения с еврейскими рабочими в Биркенау в то время? Для сравнения, 7 000 молодых словацких женщин послали весной 1942 г. в главный лагерь Освенцима. В середине августа 6 000 выживших послали в

Биркенау. К концу декабря — четыре месяца спустя — в живых осталось лишь 650. Сравнимый с цифрой выше процент выживаемости — 10,8.⁶⁰⁷ Говоря иначе, институциональные, ситуационные факторы и кровавая идеология, исходящая не только лишь из антисемитизма, за один и тот же период времени и в том же самом лагере привели к практически одинаковому проценту смертности и среди советских военнопленных, и среди словацких женщин евреев. И это несмотря на новое постановление правительства о судьбе военнопленных, и стоящую перед сотрудниками лагеря срочную экономическую задачу.

Голдхаген на самом деле прав в том, что со временем обращение с советскими пленными изменилось, тогда как к еврейским, кроме как в мелочах, нет. Однако это лишь показывает, что несмотря на инерцию институтов и сложность смены паттерна поведения по отношению к советским военнопленным, политика правительства в конце концов в обоих случаях возобладала. Это не демонстрирует, как полагает Голдхаген,⁶⁰⁸ что судьба славян, таких как советские военнопленные, и евреев различалась в основном из-за культурно насаждённых отношений к этим двум группам жертв. Немцы ответственны за смерть около двух миллионов советских пленнх за первые девять месяцев войны — это намного больше числа еврейских жертв к тому моменту. Процент смертности в этих лагерях намного превышал процент смертности в польских гетто до Окончательного Решения.

Тот факт, что нацистский режим изменил политику в сторону убийства всех евреев и изменил подход так, чтобы не убивать всех советских пленнх показывает лишь идеологию, приоритеты и одержимость Гитлера и нацистского руководства, а не обобщённое отношение немецкого общества. Ошеломляющая смертность среди пленнх советов в первые месяцы предполагает в первую очередь способность режима заставить обыкновенных немцев и дальше убивать бесчисленное количество советских заключённых, если бы цель не изменилась. Продолжившееся массовое убийство советов вплоть до весны 1942 года демонстрирует, что нельзя мгновенно остановить машину смерти и изменить поведение персонала, даже если есть приказ с самых верхов.

Можно найти много разных переменных — политика правительства, паттерны поведения и культурно насаждаемые образы — все они будут важны. И всё же, обосновывая немецкое поведение к евреям и остальным жертвам, Голдхаген в своей аргументации неадекватно разделяет возможные причины и факторы. Его настойчивое желание утвердить, что

немецкое когнитивное представление о евреях является «единственным» аккуратным контекстом — и поддерживается в первую очередь его собственным подчёркиванием жестокости преступников.

Однако аргумент, что немецкая жестокость беспрецедентна и специфична именно для немцев, проблематичен по двум причинам. Во-первых, заявление Голдхагена об исключительности подобного основано на эмоциональном воздействии его повествования, а не на фактическом сравнении. Он предоставляет множество графических и леденящих душу описаний немецкой жестокости, а затем просто заявляет застывшему в ужасе читателю, что такое поведение явно беспрецедентно. Если бы это только было правдой. К сожалению, показания об убийствах, совершенных румынами и хорватами, с лёгкостью демонстрируют, как коллаборанты были не просто сравнимы, но и часто превосходили немцев в жестокости. Так же это игнорирует мириады других примеров не из Холокоста — от Камбоджи до Руанды.

Наоборот, он принижает жестокость нацистских убийств других жертв, в особенности немецких инвалидов, убийство которых немцы якобы не праздновали, совершали «хладнокровно» и применяли «безболезненные» методы.⁶⁰⁹ И всё же умственно отсталые стали первыми жертвами расстрельных команд Эйманн [Eimann]⁶¹⁰, ещё до изобретения газовых фургонов и камер, а множество младенцев просто оставили умирать без еды. Кричащих и спасавшихся бегством пациентов отлавливали и тащили из приютов в автобусы. В Хадамаре убийцы устроили вечеринку в честь 10 000 жертв!⁶¹¹

Во-вторых, Голдхаген просто утверждает как интуитивно понятную истину, что такая жестокость может объясняться только когнитивным образом евреев, специфичным для немецкой культуры.⁶¹² Он вполне прав, что жестокость Холокоста — так ярко запечатлённая в памяти выживших — проблема, недостаточно хорошо рассмотренная учёными, но это не означает, что его собственная оценка мотивации верна. Интересно, что переживший Холокост красноречивый Примо Леви отчасти соглашается с Францем Штангелем, печально известным комендантом Треблинки, в возможном объяснении жестокости преступников. А именно в том, что полное обесценивание и унижение жертв привело к их обесчеловечиванию — так необходимому элементу жестокости и «подготовке тех, кому предстоит применять политику. Сделать то, что они сделали». Но мы можем понять расстройство Леви, что такое объяснение само по себе если и не неверно, тем не менее неполноценно. «Это объяснение не без логики», — он продолжает,

— «но это воззвание к небесам, единственная польза от бесполезного насилия». ⁶¹³

И действительно, многие случаи жестокости превосходят какое-либо конструктивное объяснение. Фрэд Э. Кац [Fred E. Katz] выбрал другой подход, в котором утверждает, что в окружении постоянных убийств создание «культуры жестокости» — это «влиятельный феномен», предоставляющий множество форм удовлетворения — индивидуальная репутация и возвышение себя в глазах товарищей, избавление от скуки, чувство радости и веселья, артистичности и креативности. По крайней мере, для тех, кто выставляет напоказ свои беспричинные и изобретательные жестокости. ⁶¹⁴ Но мы всё ещё остались без ответа на вопрос, который не может быть решён простым утверждением: культура ненависти — необходимое условие для подобной культуры жестокости? Голдхаген задаёт важный вопрос. Я не думаю, что уже нашли удовлетворительный ответ на него.

Давайте обратимся к другому сравнению — обращение с евреями немцев и не-немцев. Для соблюдения стандартов социальной науки, немецкое поведение следует сравнивать с полным набором, или хотя бы с беспристрастной выборкой из стран участников Окончательного Решения. Вместо этого Голдхаген выбирает датчан и итальянцев в качестве стандарта для сравнения, что не является ни полным, ни случайным, ни беспристрастным выбором. ⁶¹⁵ На самом же деле его выбор всего лишь ставит вопрос редкости примеров датского и итальянского поведения против способности Германии найти союзников для своей кровавой деятельности буквально по всей Европе. Это не показывает исключительность обращения немцев с евреями, и уж тем более не доказывает, что в его основе лежит специфичный немецкий антисемитизм. В других случаях Голдхаген признает участие восточных европейцев в расстрельных командах и призывает к исследованию «комбинации когнитивных и ситуационных факторов», которые привели этих преступников к Холокосту. ⁶¹⁶ Он не объясняет, почему мультифакторное объяснение внезапно допустимо для восточной Европы, но не для Германии.

Кроме всего прочего, как я заметил на симпозиуме в Мемориальном Музее Холокоста США в апреле 1996 года ⁶¹⁷, пример люксембуржцев в Полицейском Резервном Батальоне 101 предоставляет редкую возможность для сравнения людей в одной ситуации, но с разным культурным происхождением. Тогда как подобное лишь наталкивает на размышления, и не позволяет сделать решительные выводы, мне удалось отметить,

подразумеваемая сильное влияние ситуационных факторов, что четырнадцать люксембуржцев вели себя по большому счёту точно так же, как и их немецкие товарищи. Голдхаген ответил, что четырнадцать люксембуржцев — слишком малое число, и из него нельзя сделать радикальный вывод. Однако сам он не стеснялся сделать радикальный вывод, основываясь на небольшом количестве охранников трудовых лагерей Флюгхафена [Flughafen] и Липова или марша смерти Хельмбрехтса.

Мои претензии к конструкции аргумента Голдхагена не опровергают саму его интерпретацию — они просто демонстрируют, что он не соблюдал стандартов к доказательству строгой социальной науки, которые он не только задал для себя, но и неоднократно заявлял, что остальные даже позорным образом их не понимают. Для демонстрации не только отсутствия неоспоримого доказательства в его интерпретации, но и ошибок, сделавших её неубедительной, нам стоит рассмотреть как он использует доказательства.

Голдхаген признает, что он начал с гипотезы, «что преступники были мотивированы принять участие в смертельном гонении на евреев из-за своих убеждений относительно жертв».⁶¹⁸ Главный источник доказательства поведения и мотивации людей Полицейского Резервного Батальона 101 для проверки гипотезы — это послевоенные показания, собранные при судебном расследовании. Вопрос проблематичности таких послевоенных показаний преступников не является спорным для учёных — они сформированы как вопросами следователей, так и забывчивостью, подавлением воспоминаний, искажениями фактов, уклончивостью и лживостью свидетелей.

Однако моя позиция такова, что судебные показания Полицейского Резервного Батальона 101 качественно отличаются от большей части подобных показаний. Члены отряда были живы, более 40% (по большей части рядовые, а не офицеры) допрошено способными и настойчивыми адвокатами следствия. Множество необычно ярких и детальных показаний выделяются на фоне так часто встречающихся формальных и откровенно нечестных. Сознвая субъективность и возможную ошибочность моих суждений, я тем менее думаю, что эта совокупность свидетельских показаний предоставляет историкам уникальную возможность исследовать проблемы с таких сторон, с которых другие показания не позволяют. В конце концов не случайно, что и я, и Голдхаген независимо друг от друга пришли к одним и тем же судебным записям.

Чтобы справиться с проблемой доказательной ценности⁶¹⁹ показаний преступников, Голдхаген утверждает, что «единственная методология

имеющий смысл — это отбросить *все* самооправдательные показания, не нашедшие подтверждения в других источниках». ⁶²⁰ Голдхаген так же в курсе, что «искушение выбрать благоприятный материал из большого количества дел надо подавлять для избежания предвзятости в заключении». ⁶²¹ Он отстаивает, что в его методологии «такая предвзятость пренебрежительно мала». ⁶²²

Но избежала ли на самом деле методология Голдхагена предвзятости? Что в применении стандарта Голдхагеном считалось самооправдательным показанием и не учитывалось? Является ли показание, в котором свидетель не «отдаёт свою душу, волю и моральную оценку» убийствам, «самооправдательным»? ⁶²³ Говоря иначе, любые, расходящиеся с его гипотезой и не имеющие стороннего подтверждения (или подкрепления), показания не учитываются, а получить какие-либо сторонние доказательства душевного состояния, с учётом отсутствия писем и дневников того времени, практически невозможно. Как результат, Голдхаген остаётся лишь с остатком показаний, совместимых с его гипотезой, и выводы известны заранее. Методология, которая едва ли может подтвердить гипотезу для которой была создана — это не настоящая социальная наука.

Проблема детерминистской методологии осложняется ещё одной ошибкой Голдхагена в использовании доказательств, а именно в двойном стандарте, при котором он не применяет те же стандарты доказательств и высокий исключаящий порог, когда жертвами являлись поляки, а не евреи. Кумулятивный эффект этих ошибок можно наглядно показать в сравнении наших оценок убийств Полицейским Резервным Батальоном 101 евреев Юзефове и поляков в Тальчине и том же Юзефове.

Согласно Голдхагену, в Юзефове майор Вильгельм Трапп дал «пламенную речь», «призывая людей к убийству, взывая к их представлению о демонических евреях, которое было буквально у всех». Хоть Трапп и был «неловок» и «смущён», его речь раскрывает «его нацистское представление о евреях». Голдхаген признает, что «многие были потрясены, даже ненадолго подавлены убийствами», но предупреждает об «искушении» найти в показаниях людей какие-либо негативные реакции, помимо личной неприязни перед лицом литров крови и кишок. ⁶²⁴

Что же осталось вне этой картины? Голдхаген, хоть и не в основном тексте, а в приписке, но признает, что один свидетель описывает Траппа «плачущим». Нет упоминания о других семерых, что описывали, как Трапп плакал или иначе физически демонстрировал беспокойство. ⁶²⁵ Он не

рассказывает о двух показаниях полицейских, открыто заявляющих, как Трапп рассказывал о приказах, пришедших сверху.⁶²⁶ Не было рассказано, как Трап в своей речи открыто дистанцировался от этих приказов.⁶²⁷ Он не упоминает показания водителя Траппа: «Говоря о событиях в Юзефове, он позже сказал примерно следующее: „Если за это дело с евреями когда-нибудь придёт месть, то смилуйтесь над нами, немцами“». ⁶²⁸ Якобы «пламенная речь», вызвавшая к представлениям о демонах евреях, после проверки оказывается достаточно жалкой попыткой рационализировать необходимость вырезание евреев как военный ответ на бомбардировку женщин и детей дома в Германии. Повторяющиеся показания людей о том, как они были потрясены, подавлены, огорчены, унылы, поражены, разозлены и обременены — отвергнуты Голдхагеном как самооправдательные показания, описывающие «кратковременную» неприязнь.

Описывая первую казнь поляков в карательном расстреле в Тальчине, Голдхаген убеждает: «Этот показательный эпизод позволяет сравнить отношение немцев к полякам и евреям». В качестве доказательства он приводит цитаты всего двух свидетелей — одного, сообщившем о «плачущем» в Тальчине Траппе; и другом, утверждавшем, что «после этого часть людей заявило о своём нежелании участвовать в подобных миссиях в будущем».⁶²⁹ Иначе говоря, именно такие показания Голдхаген исключил или проигнорировал, когда описывал убийство батальоном евреев в Юзефове. Теперь же они принимаются — даже если даны всего двумя свидетелями — для доказательства иного отношения немцев к убийству поляков.

В добавок к этому, двойной стандарт в выборке доказательств может быть замечен в анализе Голдхагена мотивов людей. Неспособность людей уклониться от убийств в Тальчине не рассматривается как доказательство желаний убивать поляков, тогда как неспособность выйти вперед в Юзефове приводится как доказательство того, что они «хотели стать палачами в геноциде» евреев. Ничего кроме «кратковременной» слабости духа не находится в горе показаний о беспокойстве людей в Юзефове, тогда как показания единственного свидетеля Тальчина якобы валидное подтверждение «очевидного нежелания и неприятия» убийства поляков.⁶³⁰

Можно и иначе увидеть двойной стандарт по отношению к жертвам полякам и евреям. Голдхаген цитирует многочисленные случаи беспричинного и добровольного убийства евреев как уместные для оценки поведения убийц, однако, такие же убийства поляков батальоном он

игнорирует. Пока полицейские собирались сходить в кино в Ополе, пришёл доклад об убитом в деревне Нездуд представителе немецкой полиции, и батальон послали провести карательный расстрел. В деревне остались только старые поляки, в основном женщины, а молодые все сбежали. Стало известно, что представителя не убили, а всего лишь ранили. Тем не менее члены Полицейского Резервного Батальона 101 расстреляли стариков и сожгли деревню, после чего отправились развлекаться в кино.⁶³¹ Сложно увидеть подтверждение «нежелания и неприятия» убийства поляков в этом эпизоде. Умолчал бы об этом инциденте Голдхаген, если бы жертвы были евреями, и можно было легко выявить антисемитскую мотивацию?

Паттерн избирательного отбора доказательств⁶³² можно увидеть и в изображении Голдхагена единомыслия среди людей. Член батальона лейтенант Хайнц Бухман был одним из тех, кто выразил принципиальный отказ участвовать в массовом убийстве и во всех связанных с этим задачах. Рассказывая о разнице в своём поведении и поведении капитанов СС Юлиуса Волауф и Вольфганга Хоффмана, Бухман нехотя сообщил, что ему было неважно повышение — у него было свой успешный бизнес. Волауф и Хоффман же стремились к карьере в полиции, «желали кем-то стать». Более того, он добавил: «В моем опыте ведения бизнеса, особенно с учётом его протяжённости за границу, я получил лучшее представление о вещах».⁶³³ Голдхаген быстро проскакивает мимо важного замечания Бухмана о карьеризме и его влиянии на мотивацию и истолковывает вторую часть заявления как то, что Бухман был единственным в батальоне, не подверженным немецким галлюцинациям и антисемитизму.⁶³⁴

Раз Бухман цитируется как главный свидетель единого антисемитизма в батальоне, не должны ли учитываться и его последующие заявления? Описывая реакцию товарищей на свой отказ от участия в действиях против евреев, Бухман рассказывает: «Среди моих подчинённых многие понимали мою позицию, но другие делали пренебрежительные комментарии обо мне и смотрели на меня свысока».⁶³⁵ Об их отношении к самим убийствам, он заявлял, что «люди не занимались еврейским делом с энтузиазмом ... Они были очень подавлены».⁶³⁶

Последний пример избирательности в выборе доказательств. Голдхаген постоянно подчёркивает, что преступники «веселились», убивая евреев, и что эти «показания о разговорах, которые они вели на местах убийств, предполагают ... что эти люди в принципе одобряют геноцид и свои собственные действия».⁶³⁷ Типичный пример этого в его описании «охоты на евреев», проводимой отрядом сержанта Генриха Бекемейера в Ломазы после

резни. Голдхаген пишет:

«Когда люди Бекемейера находили евреев, они не просто убивали их, но в одном описываемом случае, они, или как минимум Бекемейер, сначала решили поразвлечься с жертвами:»

Затем он приводит прямую цитату из показания полицейского:

«До сих пор в памяти сохранился один эпизод. Под командованием сержанта Бекемейера мы конвоировали евреев в одно место. Он заставил евреев ползти по лужам и одновременно петь. Когда один старик уже больше не мог, к тому моменту эпизод с ползанием уже закончился, он застрелил его с близкого расстояния в рот ... »

После этого Голдхаген прерывает цитату и продолжает описание того же инцидента из показания последующего допроса:

«После того, как Бекемейер застрелил еврея, тот воздел руки будто обращался к богу и упал. Труп еврея просто оставили лежать. Мы о таком не беспокоились».

Насколько иначе звучало бы показание, если описание свидетеля не прерывалось бы, потому что после рассказа о застреленном в рот еврее, он продолжил: «Я сказал идущему рядом Хайнцу Рихтеру: „Хотел бы я избавиться от этого мусора“». И действительно, согласно показаниям тех же свидетелей, среди «круга товарищей» Бекемейер считался «мерзким мусором» и «грязным псом». Он был печально известен своим «насилием и жестокостью» к «полякам и евреям», и даже к своим людям.⁶³⁸ Говоря иначе, избирательно выбирая доказательства, Голдхаген на основе этого события рисует картину повсеместных жестокости и одобрения, тогда как полное показание демонстрирует жестокость особенно злобного и недолюбимаемого офицера СС, чье поведение вызывает неодобрение его людей.

В отличии от Голдхагена, я предложил многослойную картину батальона. Разные группы вели себя по-разному: «охотливые убийцы» — чья численность со временем возрастала — искали возможности убивать и

праздновали свои кровавые дела; самая маленькая группа в батальоне состояла из «не стреляющих». За исключением лейтенанта Бухмана, они не делали принципиальных возражений против режима и его политики; своих товарищей не упрекали. Они заявляли о своей «слабости» или говорили о себе как о родителях с детьми, пользовались политикой Траппа в батальоне по предоставлению освобождения от стрельб тем, кто «не был готов к этому».

Самая большая группа в батальоне делала то, что им скажут, не рискуя бросать вызов власти или казаться слабым, но они и не вызывались добровольцами и не радовались убийствам. Онемевшие и огрубевшие, они больше чувствовали к себе жалость из-за перепавшей им «неприятной» работы, а не жалость к своим обезчеловеченным жертвам. По большей части, они не думали, что делают что-то неправильное или аморальное, потому что убийство было санкционировано легитимной властью. Действительно, по большей части они не думали, точка. Как заявил один полицейский: «По правде, я должен сказать, что в то время мы вообще не задумывались. Только годы спустя мы по-настоящему осознали происходившее тогда». ⁶³⁹ Помогало много пить: «большинство людей пило так много только лишь из-за многих расстрелов евреев — такая жизнь была невыносима на трезвую голову». ⁶⁴⁰

То, что полицейские были «добровольными палачами» не означает, что они *хотели* стать палачами в геноциде». Это, по моему мнению, важная черта или граница, которую Голдхаген постоянно размывает. Он так же постоянно представляет спор об интерпретации в форме ложной дихотомии: либо немецкие убийцы «находились на одной волне» с Гитлером в вопросе демонической природы евреев и, следовательно, верили в необходимость и справедливость массовых убийств, либо они должны были верить, что совершают величайшее в истории преступление. По моему мнению, большинство убийц нельзя описать такими полярно противоположными точками зрения.

В дополнение к многослойному представлению батальона, я предложил мультифакторное объяснение мотивации. Я отметил важность конформизма, социального давления товарищей, подчинения авторитету. И мне следовало сильнее подчеркнуть способность правительства к легитимизации. Я так же подчёркивал важность «взаимоусиливающего эффекта войны и расизма», в котором «годы антисемитской пропаганды ... слились с поляризирующим эффектом войны». Я утверждал, что «ничто не помогло нацистам вести расовую войну, как сама война», так как «дихотомия расового превосходства немцев и расовой неполноценности евреев,

центральная для нацистской идеологии, легко сливается с образом Германии, осаждённой врагами». Для участия в геноциде обыкновенные немцы могли и не находиться «на одной волне» с гитлеровской демонизацией евреев — для трансформации их из «обыкновенных людей» в «добровольных палачей» достаточно комбинации ситуационных факторов и идеологического слияния статуса врага и обесчеловечивания жертв.

Голдхаген заявляет, что «у него не было выбора, кроме как принять» своё собственное объяснение, потому что оно «неопровержимо» и «громко» доказывает ложность «общепринятых объяснений» (принуждение, подчинение, социально-психологические наблюдения за человеческим поведением, личные интересы, ослабление и фрагментация личной ответственности). Это вызывает несколько проблем. Во-первых, «общепринятые объяснения» учёные не называют единственным достаточным объяснением для поведения преступников, но мультифакторным подходом, пренебрежительно называемый Голдхагеном «прачечный лист». ⁶⁴¹ Таким образом они не должны подходить под высокую планку «объяснения всего», которую Голдхаген ставит для своего объяснения. Во-вторых, заявить, что вы что-то «неопровержимо» доказали — значит задать высокую планку, до которой сам Голдхаген недотягивается. И в-третьих, даже доказательство исчерпывающей неправоты «общепринятых объяснений» не обязательно ведёт к принятию тезиса Голдхагена.

Давайте взглянем поближе на якобы опровержение Голдхагена двух так называемых общепринятых объяснений: немецкую склонность следовать приказам и общие черты человеческого поведения, изучаемые социальными психологами (подчинение власти, адаптация к роли, реакция на давление товарищей). Голдхаген резко отвергает идею, что склонность выполнять приказы и бездумное подчинение власти являются видными элементами немецкой политической культуры. В конце концов он упоминает, как немцы сражались на улицах Веймара и открыто презирали Республику. ⁶⁴² Однако один инцидент не делает историю страны и не характеризует её политическую культуру. Заявлять, что немецкая политическая культура не показывает тенденции к повиновению из-за столкновения в Веймаре — это тоже самое как заявить, что антисемитизм не был частью немецкой политической культуры из-за эмансипации евреев в Германии 19 века — идея, решительно отвергаемая Голдхагеном.

Ещё более важен исторический контекст неповиновения в Веймаре. Голдхаген указывает, что немцы повинуются лишь тому правительству и той власти, которую считают легитимной. Это действительно крайне важный

момент, так как именно демократический, не авторитарный характер Веймара делегитимизировал его в глазах тех, кто презирал и атаковал его. Именно разрушение демократии и восстановление авторитаризма нацистами позволило поставить на первую роль долг государству, а не права человека. Это дало им легитимность и популярность среди значительного сегмента немецкого общества. Многие историки утверждают, что именно неполные и нерешительные демократические революции в Германии 1848 и 1918 годов открыли путь к реставрации и успешной авторитарной контрреволюции. Проваленная демократизация — не антисемитизм — решительно отличал немецкую политическую культуру от таковой в Англии, Франции и США.

Те же аргументы и доказательства, что Голдхаген цитировал как подтверждение повального антисемитизма и насаждения ненависти к евреям в Германии, можно использовать и для поддержки идеи, что Германия имеет сильные традиции авторитаризма и насаждения повиновения и антидемократического отношения. Все элементы, что сам Голдхаген цитирует как решающие для формирования политической культуры — образование, публичный диалог, законы и подкрепление институтами⁶⁴³ — работали на насаждение авторитарных ценностей в Германии задолго до того, как нацисты использовали их для постоянного насаждения антисемитизма.

К тому же самые искренние антисемиты в Германии были так же и антидемократами, и авторитаристами. Отрицать важность авторитарных традиций и ценностей в немецкой политической культуре, одновременно доказывая вездесущность антисемитизма — это как настаивать, что стакан наполовину пуст, но отрицать, что он наполовину полон. Аргументы Голдхагена, если считать их валидными, больше подходят для немецкой политической культуры и подчинения авторитету, а не для антисемитизма в ней же.

Голдхаген заявляет, что социально-психологическая интерпретация «не исторична» и её последователи «подразумевают, что любую группу людей, независимо от их социума и системы ценностей, можно поставить в те же обстоятельства, и они будут действовать теми же путями против любой случайно выбранной группы жертв».⁶⁴⁴ Это серьёзная ошибка, которая путает экспериментальные исследования с последующим применением учёными полученных знаний. К примеру, целью эксперимента Милгрэма и Зимбардо состояла в изоляции переменных подчинения авторитету и адаптации к роли конкретным образом, при котором можно было лучше

понять и исследовать динамику этих факторов в человеческом поведении. Устраивать подобные эксперименты, ставя сербов против боснийских мусульман или Хуту против Тутси, было бы нелепо, потому что исторически специфичная этническая вражда привнесла бы дополнительную влиятельную переменную, испортив весь результат.

Именно «не историчность» экспериментов и позволяет получить из них веские, валидные заключения. К примеру, позволило учёным выделить подчинение авторитету и адаптацию к роли в качестве влиятельных факторов человеческого поведения. В исторических ситуациях переменные нельзя изолировать, и акторы сами могут не знать о сложном взаимодействии факторов, формирующих их поведение. По моему мнению, подобные эксперименты незаменимы для работы с проблематичными доказательствами.

Раз за разом Голдхаген заявляет, что только его интерпретация — единственно верная — предполагает, что преступники рассматривали убийства евреев как необходимые и справедливые, тогда как «общепринятые объяснения» страдают от ошибочного предположения, что убийцы считали свои действия неправильными и были принуждены к убийству против своей воли. Это ошибочное представление чужой позиции и создаёт ложную дихотомию. Исследуя случаи «преступной покорности» во Вьетнаме, Кельман и Гамильтон выделяли спектр подчинения авторитету. Между теми, кто действовал из убеждённого согласия с ценностями режима с одной стороны, и номинальными исполнителями, действующими по принуждению, но не выполняющими приказы без надзора, есть и другие. Многие приняли и усвоили ожидаемую от солдата ролевую модель, по которой тот должен быть крепким и послушным, выполнять приказы государства независимо от самой сути этих приказов.⁶⁴⁵ Солдаты и полицейские вполне могут добровольно выполнять и имплементировать приказы, расходящиеся с их собственными ценностями даже без присмотра командиров точно так же, как могут добровольно следовать приказам и умирать, даже если умирать они и не хотят. Вещи, которые люди назвали бы неправильными и не стали бы делать по своей воле, но будучи солдатами и полицейскими и рассматривая действия как санкционированные государством, они могут не видеть в них ничего плохого.⁶⁴⁶ И люди могут менять свои ценности, принимать новые, не конфликтующие с их действиями, таким образом, становясь убийцами по убеждению пока убийства становятся рутинной. Взаимосвязь между авторитетом, ценностями и действиями не только сложна, но и не постоянна, она меняется со

временем.⁶⁴⁷

Несмотря на заявление Голдхагена, социально-психологический подход не подразумевает, что идеология, моральные ценности и образ жертвы у преступника не имеют значения.⁶⁴⁸ Но этот подход однозначно не предназначен для сведения всех этих факторов в один единственный, к примеру, антисемитизм. Я согласен с Голдхагеном в том, что «„преступная покорность“ ... зависит от существующих благоприятствующих социальных и политических контекстов».⁶⁴⁹ Однако контексты неизбежно создают множество факторов помимо представлений преступников и идентичности жертв, а так же создают сложный и изменчивый спектр или диапазон реакций.

Подводя итоги, Голдхаген не подходит даже близко к аккуратному объяснению и затем «неоспоримо» опровергает несколько ключевых «общепринятых объяснений»,⁶⁵⁰ которые по его словам и не могут служить полным объяснением. Даже если пять из них Голдхагеном «неоспоримо» опровергнуты, мы не обязаны принимать его интерпретацию. Поиск понимания мотивации преступников Холокоста — это не ограниченный набор, задача учёных — не экзамен с несколькими вариантами ответов. Как минимум должен быть вариант «ничего из вышеперечисленного».

Во время всего спора Голдхаген заявлял, что его подход восстановил моральную сторону вопроса, упущенную другими историками. К примеру, в ответе на критику *The New Republic* он утверждает, что распознал «человечность» преступников. Его анализ «основан на понимании того, что каждый делал свой выбор как обращаться с евреями», что «восстановило идею личной ответственности». С другой стороны, он утверждает, что историки вроде меня «держат преступников на расстоянии вытянутой руки» и обращаются с ними как с «автоматами или куклами».⁶⁵¹

Такие заявления Голдхагена несостоятельны. Во-первых, социально-психологический подход, который он бесцеремонно отвергает, не считает личностей заменяемыми частями механизма и не отрицает культурные и идеологические факторы.⁶⁵² Как отмечено выше, его утверждение «очевидной ложности»⁶⁵³ такого подхода основано на грубой карикатуре. Во-вторых, в вопросе «человечности» преступников и удерживании их «на расстоянии вытянутой руки», сам Голдхаген предостерегает других учёных от идеи восприятия немцев третьего рейха как «таких же как нас» и понимания того, «что их чувства хоть как-то похожи на наши».⁶⁵⁴ А его заявление об обращении с преступниками как с «ответственными за свои собственные

решения» сложно принять с учётом его детерминистского заключения: «Во время периода нацизма и задолго до него, большинство немцев не могло быть с когнитивной моделью, отличной от принятой в их обществе ... что они не могли бы бегло говорить на румынском без опыта общения на нем». ⁶⁵⁵

Моя же позиция, напротив, что социально-психологические теории предоставляют важное понимание поведения преступников, если основаны на допущениях о склонностях и предрасположенностях общих для человеческой природы и не исключают культурного влияния. Я верю, что преступники не только имели возможность выбора, но и использовали её различными способами, расходясь на спектр поведения от энтузиазма, выполнения долга, номинального или печального подчинения, до разной степени уклонизма. Какой из этих двух подходов, я спрошу, основан на человечности и индивидуальности преступников и раскрывает моральную сторону для анализа их выбора?

Полицейский Резервный Батальон 101 является репрезентацией «обыкновенных немцев», и «обыкновенные немцы» случайным образом в разные моменты их жизни стали «добровольными палачами» — в этом я с Голдхагеном согласен. Однако я не думаю, что его описание батальона репрезентативно. Он совершенно прав в том, что многие убийцы-энтузиасты, ищущие возможности убивать, находили удовлетворение в совершении кошмарных жестокостей и радовались своим делам. Слишком уж много пугающих примеров такого поведения можно найти в этой и других книгах. Но он принижает или отрицает другие слои поведения, важные для понимания внутренней динамики отрядов убийц в геноциде. Это вызывает сомнения в его оценке батальона, как единогласно поддерживающего и «гордящегося» своим участием в массовых убийствах.

Его описание искажено, потому как он путает частное с общим и подобную ошибку совершает по всей книге. К примеру, я согласен, что в Германии девятнадцатого века существовал антисемитизм как идеологическое течение, но я не могу принять утверждение Голдхагена, что антисемитизм «более или менее главенствовал в идейной жизни гражданского общества» в Германии до нацизма. ⁶⁵⁶ Я согласен, что к 1933 году антисемитизм стал частью «здорового смысла» правых в Германии, но не согласен, что всё немецкое общество было «на одной волне с Гитлером», и что «центральная роль антисемитизма в мировоззрении партии, программах и риторике ... отражало саму немецкую культуру». ⁶⁵⁷ Я соглашусь, что антисемитизм — негативная стереотипизация, обесчеловечивание и ненависть к евреям были широко распространены среди убийц в 1942-м, но

не соглашусь, что антисемитизм «существовал давно, был накоплен» и Гитлер просто «освободил его» и «спустил с поводка». ⁶⁵⁸

Говоря иначе, фундаментальный вопрос не состоит в том, чтобы объяснить как обыкновенные немцы при появлении возможности стали убивать евреев, будучи членами совершенно отличного от нас общества и сформированные культурой, позволявшей им думать и действовать не иначе как палачи в геноциде. Фундаментальный вопрос напротив заключается в попытке найти объяснение тому, как обыкновенные люди — сформированные культурой со своими особенностями, но все же являющейся частью западных, христианских и просвещённых традиций — в определённых условиях добровольно участвовали в самом экстремальном геноциде в человеческой истории.

Почему так важно какая из картин и какое заключение о Полицейском Резервном Батальоне 101 ближе к истине? Было бы очень хорошо, если бы Голдхаген был прав, что очень мало социумов имеют длительные, культурно-когнитивные основы для совершения геноцида, что режимы могут себе такое позволять, лишь когда подавляющее большинство людей их поддерживает и считает подобное приоритетом, справедливостью и необходимостью. Если бы это было правдой, мы бы жили в лучшем мире, но я не настолько оптимистичен. Я боюсь, что мы живём в мире, где войны и геноцид вездесущи, где способность правительств к мобилизации и легитимизации всё усиливаются, где границы личной ответственности размываются бюрократизацией и специализацией, и где общество оказывает сильнейшее влияние на поведение и задаёт моральные нормы. В таком мире, я боюсь, современные правительства редко провалят свои попытки геноцида, превращая «обыкновенных людей» в «добровольных палачей».

Благодарности

Я крайне признателен Теодору Рафаэлю [Theodore Raphael], Майклу Маррису, Саулу Фридлендеру, Лоуренсу Лангеру [Lawrence Langer], Аарону Эшеру [Aaron Asher], Э. Уэйн Карпу [E. Wayne Carp] и Марку Дженсену [Mark Jensen] за многие глубокие предложения по улучшению этой рукописи. Все имеющиеся недостатки, конечно же, моя ответственность.

Приложение

Таблица 1. Количество Застреленных Евреев Полицейским Резервным Батальоном 101.

Локация	Месяц/Год	Минимальная оценка расстрелянных
Юзефув	7/42	1 500
Ломазы	8/42	1 700
Мендзыжец	8/42	960
Серокомла	9/42	200
Коцк	9/42	200
Парчев	10/42	100
Коньсковоля	10/42	1 100
Мендзыжец	10/42	150
Лукув	11/42	290
Округ Люблина (различные облавы)	С 7/42	300
Округ Люблина («охота наС евреев»)	10/42	1 000
Майданек	11/43	16 500
Понятова	11/43	14 000
ВСЕГО		38 000

Таблица 2. Количество Депортированных в Трeблинку Евреев Полицейским Резервным Батальоном 101

Локация	Месяц/Год	Минимальная оценка депортированных
Парчев	8/42	5 000
Мендзыжец	8/42	10 000
Радзинь	10/42	2 000
Лукув	10/42	7 000
Мендзыжец	10/42-11/42	
Бяла		4 800
район Бяла Подляска		6 000
Комаровка		600
Вохинь		800
Чемерники		1 000
Радзинь		2 000
Лукув	11/42	3 000
Мендзыжец	5/43	3 000
ВСЕГО		45 200

Сокращения и Адаптации, Сноски

- BA** Федеральный Архив Германии, Кобленц. [Bundesarchiv, Koblenz]
- BDC** Берлинский Центр Документации. [Berlin Document Center]
- BZIH** Вестник Еврейского Исторического Института, Варшава. [Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego]. [Bulletin of the Jewish Historical Institute].
- G** Расследование Г. И Других, Государственная Прокуратура, Гамбург. [Investigation of G. And others, Office of the state Prosecutor, Hamburg, 141 Js 128/65]
- HW** Расследование и суд над Хоффманом, Волауфом и Другими, Государственная Прокуратура, Гамбург. [Investigation and trial of Hoffman, Wolhauf and others, Office of the State Prosecutor, Hamburg, 141 Js 1957/62].

- IMT** Суды над Главными Военными Преступниками перед Международным Военным Трибуналом В Нюрнберге, 42 тома. [Trials of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, 42 vols.]
- JNSV** Правосудие и Нацистские Преступления. Сборник приговоров за убийства, совершенные национал-социалистами 1945-1966, 20 томов.[Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung Strafurteile wegen Nationalsozialistische Tötungsverbrechen 1945-1966, 20 vols.]
- NO** Нюрнбергский Документ о партийных организациях. [Nürnberg document relating to party organizations].
- NOKW** Нюрнбергский документ о военных. [Nürnberg document relating to the military].
- YVA** Архивы Яд Вашем, Иерусалим. [Yad Vashem Archives, Jerusalem].
- ZStL** Центральное Управление Государственной Юстиции по Расследованию Преступлений Национал Социалистов, Людвигсбург [Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen, Ludwigsburg].
- KdS** Управление Командующих Полиции Безопасности и Дивизий Безопасности. [Office of the Commanders of the Security Police and The SD].
- BdO** Главнокомандующий Полиции Порядка (Befehlshaber der Ordnungspolizei)
- KdO** Командир Полиции Порядка [Kommandeur der Ordnungspolizei]
- SSPF** Руководитель СС и Полиции [SS und Polizeiführer]
- HSSPF** Высший Руководитель СС и Полиции [Höherer SS und Polizeiführer]
- HöSSPF** Верховный Руководитель СС и Полиции [Höchster und Polizeiführer]
- KdSchupo** Командир Полиции Охраны [Kommandeur der Schutzpolizei].
- SD** Служба Безопасности Рейхсфюрера СС [Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS]

Прим. переводчика – оригинальные сканы книги, что есть в моём распоряжении, весьма посредственного качества. В сносках присутствует с десяток цифр, которые заменены на “?”.

1 Далее Карта 1 и Карта 2. На Карте 1 — Карта Польши в 1942 и 1943 гг. На ней звездочками отмечены названия: Тильзит [Tilsit или Tilžė] — после Второй Мировой аннексирован СССР и переименован в Советск; Вильна — старый экзоним для города Вильнюс, до сих пор в ходу во многих странах; Марцинканце [Marcinkańce] — польское название, сейчас Марцинконис [Marcinkonys]; Белая Русь — адаптация немецкого названия того периода времени для Беларуси «Weissruthenian»; Волынь-Подолье [Volhynia-Podolia] — округ на территории оккупированной Украины; Восточная Верхняя Силезия — так же известна как Польская (верхняя) Силезия, западной управляла Германия. Такой раздел возник по результату Первой Мировой; Челядзь — Czeladź. Ковно/Каунас не отмечен, т.к. об этом далее говорится в книге.

2 Прим. переводчика — Книга писалась в 1989-1991 годах американским историком, так что в ней вместо «СССР» автор использует «Россия». Возможно для людей из других стран и в то время это было одним и тем же, однако, посоветовавшись со своими редакторами, я пришёл к решению адаптировать этот элемент книги.

3 Рауль Хильберг оценивает количество погибших жертв в Холокосте от расстрелов в 25%. Более 50% погибло в газовых камерах шести крупнейших лагерей смерти. Остальные погибли от ужасных условий гетто, рабочих и концентрационных лагерей, маршей смерти и так далее. *Уничтожение Евреев Европы [The Destruction of the European Jews]* (Нью-Йорк, 1985), 1219.

4 Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung nationalsozialistischer Verbrechen. Сокращённо просто *Zentrale Stelle* или «Z commission» — «Комиссия Z».

5 Прим. переводчика. Названия немецкой бюрократии, званий и их английских сокращений в основном тексте книги всегда переведены, а их оригинальное название либо в [] (сделано так по примеру Издательской программы Общества «Мемориал»), либо в сносках, либо в разделе «Сокращения и адаптации». Во многих сносках перевод не осуществлялся, так как нельзя полностью перевести источник из немецкого архива без потери смысла в предоставлении источника в первую очередь. К примеру, сноска « Landgericht Regensburg, judgement Ks 6/70». Можно перевести первую часть или «judgement», но я, как переводчик, не вижу в этом смысла, ведь для проверки источника тогда придётся переводить обратно, а само наличие перевода на русский ничего не даёт. Когда в источник включена информация о ком-то из книги, о каком-то известном нацистском деятеле или автору есть что сообщить об этом источнике, то он переведён.

6 Прим. переводчика — имеется в виду, что нет (или не было на тот момент) документов, которые описывали массовые убийства документально и со стороны немцев.

7 Единственное другое крупное исследование отдельного отряда

убийц — это исследование Ганса Генриха Вильгельма и Хельмута Краусника «Die Einsatzgruppe A der Sicherheitspolizei und des SD 1938-1942» (Штутгарт, 1981). Исследование Вильгельма основано на намного более многочисленной (в сравнении с Батальоном 101) сохранившейся документации той эпохи. Однако, Вильгельму не был доступен состав отряда. Его работа ограничена только офицерами.

8 Марк Блок [Marc Bloch], *Ремесло Историка [The Historian's Craft]* (Нью-Йорк, 1964), 143.

9 Прим. переводчика — Имена, которые, встречаются в основном тексте книги всегда переведены и к ним в [] часто предоставляется непереверждённый вариант. Если они уже были переведены или есть некое общепризнанная форма перевода их имени, к примеру, «Гитта Серени», то будут переведены и в сносках, так же как и названия их книг/работ (с английского, но не с немецкого или какого-либо другого), даже если официального перевода на русский не было. Псевдонимы и имена людей, не встречающиеся в основном тексте и не имеющие какого—либо перевода книг на русском ранее, а так же названия их работ, если таковые имеются, оставлены без перевода.

10 Oberstaatsanwalt. Прим. переводчика — главный или, более классический вариант, старший прокурор. Можно перевести это слово от простого «прокурора», до «генерального прокурора» (по крайней мере, это один из возможных переводов на английский). Однако Альфред Стрейм с 1984 руководил *Zentrale Stelle*, так что какой бы перевод вам не был ближе, суть не меняется и в тексте по отношению к нему употребляется именно форма «главный прокурор».

11 Helge Grabitz, Oberstaatsanwältin. Прим. переводчика — тоже самое, что и в предыдущей сноске, но женского рода.

12 Рауль Хильберг, «Бюрократия Истребления» [The Bureaucracy of Annihilation] в *Вопросы без ответа: Нацистская Германия и Геноцид Евреев [Unanswered Questions: Nazi Germany and the Genocide of the Jews]*, ред. Франсуа Фюре [François Furet] (Нью-Йорк, 1989), 124-26.

13 Adolf B., HW 440

14 Erwin G., HW 2502-3; Johannes R., HW 1808; Karl F., HW 1868.

15 О поведении Траппа во время речи: George A., HW 421; Alfred L., HW 1351; Bruno P., HW 1915; Walter N., HW 3927; Heinz B., HW 4415; August Z., G 275; О содержании речи: Georg A., HW 421; Adolf B., HW 439; Martin D., HW 1596; Walter N., HW 1685; Bruno D., HW 1874; Otto-Julius S., HW 1952; Bruno G., HW 2019; August W., HW 2039-40; Wilhelm Gb., HW 2146; Franz K., HW 2482; Anton B., HW 2655, 4346; Ernst Hn., G 505. Об экстраординарном предложении: Otto-Julius S., HW 1953; August W., HW 2041-42, 3298, 4589.

16 Единственная институциональная история Полиции Порядка это *Zur Geschichte der Ordnungspolizei 1936-1945* (Koblenz, 1957): часть 1, Hans-Joachim Neufeldt, «Entstehung und Organisation des Hauptamtes

Ordnungspolizei», и часть 2, Georg Tessin, «Die Stäbe und Truppeneinheiten der Ordnungspolizei». Работа Heiner Lichtenstein, *Himmlers grüne Helfer: Die Schutzpolizei und Ordnungspolizei в «Dritten Reich»* (Köln, 1990) вышла слишком поздно для консультации с ней.

17 Tessin, 7-8.

18 Tessin, 13-15, 24, 27, 49.

19 Средний возраст рядовых — 39 лет. См. Главу 5.

20 Tessin, 32-34.

21 Tessin, 15, 34.

22 NO-2861 (Годовой рапорт Далюге за 1942 г., представлен высокопоставленным офицерам Полиции Порядка в январе 1943 г.). Немного другие цифры даются в *Des Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939-1945*, ред. Werner Präg и Wolfgang Jacobmeyer (Штутгарт, 1975), 574. 21 ноября 1942-го командующий Полиции Порядка в Генерал-губернаторстве рапортовал о численности полицейских следующее: 12 000 немецких, 12 000 польских, от 1 500 до 1 800 украинских (предположительно в Галиции). Командующий Полицией Безопасности рапортовал о 2 000 немецких и 900 или 1 000 польских сотрудниках.

23 Befehlshaber der Ordnungspolizei, далее в переводе BdO. Прим. переводчика — официально переводится просто как «командир» как и KdO или «командующий», однако последние в вертикали власти находились в подчинении к BdO, а «командующий» и «командир» на русском звучит слишком похоже, поэтому в тексте для избежания путаницы используется намеренно искажённая версия. Также смотри раздел Сокращения и Адаптации.

24 Прим. переводчика — должен признать за собой непоследовательную адаптацию польских названий. По примеру Комаровки/Комарувки, следовало бы и Краков назвать Кракув (потому что Kraków), однако первый вариант — вполне устоявшееся название этого города на русском. В тексте периодически встречаются подобные непостоянности.

25 За расшифровками и оригинальным названием всех таких сокращений смотри раздел *Сокращения и Адаптации*

26 Краусник и Вильгельм, 146; Tessin, 96.

27 IMT 38:86-94 (221-L: Конференция Гитлера от 16 июля 1941, совместно с Герингом, Ламмерсом, Розенбергом и Кейтелем).

28 Yehoshua Büchler, «Kommandostab Reichsführer-SS: Himmler's Personal Murder Brigades in 1941», *Holocaust and Genocide Studies* 1, no. 1, 1986):13-17.

29 К примеру, передача 23 июля 1941 года прямого руководства Полицейским Батальоном 322 Высшему Руководителю СС и Полиции фон дем Бах-Зелевски «для неотложных задач батальона». YVA, 0-53/127/53 (Военный дневник Полицейского Батальона (ПБ) 322, запись от 23 июля

1941; здесь и далее «военный дневник»).

30 NOKW-1076 (Kommissarbefehl, June 6, 1941).

31 *Gerichtsbarteiterlass Barbarossa*, подписан Кейтелем 13 мая 1941 г. Hans-Adolf Jacobsen, «Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener», *Anatomie des SS-States* (Freiburg, 1965), 126-18 (doc. 8).

32 YVA, TR-10/823 (Landgericht Wuppertal, judgement 12 Ks 1/67):29-30.

33 Бензином или газOLIном

34 Прим. Переводчика — wagonloads. Можно понять как вагоны, можно как фургоны или даже телеги, однако «вагоны» наиболее корректный вариант.

35 YVA, TR-10/823 (Landgericht Wuppertal, judgement 12 Ks 1/67):40-45.

36 Военный дневник, 15, запись от 10 июня 1941 г.

37 Военный дневник, 28, запись от 2 июля 1941 г.

38 Военный дневник, 35-41, записи от 5, 7 и 8 июля 1941 г.

39 Военный дневник, 40-42, записи от 8 и 9 июля 1941 г.

40 YVA, 0-53/128/219 (секретный приказ полковника Монтуа [Montua] от 11 июля 1941 г.).

41 О Полицейском Батальоне 322 смотри JNSV 19, no. 555 (Landgericht Freiburg, judgement 1 AK 1/63):437-8. О Полицейском Батальоне 316 смотри YVA, TR-10/721 (Landgericht Bochum, judgement 15 Ks 1/66):142-77.

42 Военный дневник, 53, запись от 23 июля 1941 г.

43 Военный дневник, 64, запись от 2 августа 1941 г.

44 YVA, 0-53/128/80 (Рибель, третья рота, батальону 322 от 10 августа 1941 г.).

45 YVA, 0-53/128/81 (Рибель, третья рота, батальону 322 от 15 августа 1941 г.).

46 Военный дневник, 79, запись от 29 августа 1941 г.

47 Военный дневник, 82, запись от 30 августа 1941 г.

48 Жёлтая Звезда Давида

49 Военный дневник, 83-85, записи от 31 августа и 1 сентября 1941 г.

50 YVA, 0-53/128/87 (Рибель, девятая рота, третьему подразделению «Mitte» Полицейского Батальона от 1 сентября 1941 г.).

51 Прим. переводчика — нацистский «сленг» включал в себя активное использование слова «Aktion» - акция, действие, операция или даже сражение или бой. К примеру, *Polenaktion* — польская акция, *Judenaktion* — еврейская акция, *Aktion 3* — конфискация имущества депортированных евреев и так далее. В переводе книги, и без того весьма репетитивной, используются различные вышеуказанные формы перевода.

52 Военный дневник, 116 и 118, записи от 2 и 3 октября 1941 г. На самом деле рапорт Рибеля приводит цифру жертв его девятой роты в 555 человек. YVA, 0-53/86/150 (Рибель, «Рапорт о еврейской акции 2-3

октября 1941 г.» третьему подразделению «Mitte» Полицейского Батальона).

53 YVA, 0-53/128/242-75, 0-53/86/14-62 (неполная коллекция ежедневных докладов Высшего Руководителя СС и Полиции на юге Фридриха Еккельна Рейхсфюреру СС Гиммлеру от 19 августа до 5 октября 1941).

54 ZStL, II 204 AR-Z 1251-65 (Landgericht Regensburg, judgement Ks 6/70):9-35; и 204 AR-Z 1251/65, 2:370-77 (доклад Государственного Уголовного Управления Баварии, Мюнхен, 10 сентября 1968 г.).

55 ZStL, 204 AR-Z 1251/65, 1:53-54, 58-60, 94-96 (допросы Johann L., Franz P. и Karl G.); 3:591-95 (записи из дневника Балека [Balek]).

56 За крайне спорным судебным решением, содержащим полезную информацию о деятельности Полицейского Батальона 11, смотри JNSV 18, no. 546a (Landgericht Kassel, judgement 3a Ks 1/61):786-835.

57 IMT 27:4-8 (1104-PS: Гебиткомиссар Карл в Слуцке Генеральному Комиссару Кубе в Минске от 30 октября 1941 г.).

58 JNSV 18, no. 546a (Landgericht Kassel, judgement 3a Ks 1/61):786-87, 835.

59 Единственный документ что мне удалось найти об участии Полиции Порядка в казни советских евреев в 1942-м — это доклад роты Полиции Порядка о роли двух батальонов в финальной ликвидации 15 000 евреев гетто Пинска между 29 октября и 1 ноября (YVA, 0-53/129/257-58, USSR 199A). Немецкое судебное расследование этого документа раскрыло паттерн казней. В Пинске участвовали: Полицейский Батальон 306, одна рота Полицейского Батальона 310 и одна 320, эскадрон конной полиции. В течении сентября, отряды Полицейских Батальонов 69 и 306, а так же эскадрон конной полиции участвовали в ликвидации гетто Лахва [Łachwa] (300-500), Лунинец [Luninets] (1000-1500), Столин [Stolin] (5000), Янув [Janów] (2000) и Prohotschin(?) (1500). Смотри Staatsanwaltschaft Frankfurt, 4 Js 90/62, indictment of Kuhr, Petsch, et al., 66-107.

60 NO-2861 (Рапорт Далюге о деятельности Полиции Порядка в 1942-м).

61 NO-600 (Гравиц Гиммлеру 4 марта 1942 г.).

62 За самым современным(прим. переводчика — на момент выхода книги) анализом депортаций из Германии, смотри Генри Фридлендер [Henry Friedlander], «The Deportations of the German Jews: Post-War Trials of Nazi Criminals», *Leo Baeck Institute Yearbook* (1984):201-26.

63 IMT 22:534-36 (3921-PS: Далюге инспекторам Полиции Порядка 27 октября 1941 г.); YVA, 0-51/63/4, 6 (Butenop, KdSchupo Wien, October ? 1941, to local Orpo units; Bomhard memorandum on the evacuation of the Jews, October 4, 1941).

64 Эти цифры не включают в себя небольшие транспортировки менее чем по 100 евреев каждая, а таких было много. Исчерпывающий список депортаций из Рейха всё ещё не составлен.

65 YVA, TR-10/835 (Staatsanwaltschaft Düsseldorf, 8 Js 430/67, indictment of Ganzenmüller):177-78. О назначении Полиции Порядка Вены на поезда из Болгарии в Треблинку, смотри YVA, 0-51/63/109, Butenop. KdSchupo, March 26, 1943). Файл содержит переписку Полиции Порядка Вены, касающуюся охраны еврейских транспортов в разных местах Польши, Минск (Малый Тростенец), Терезиенштадт [Theresienstadt] с весны 1942 по лето 1943 г.

66 Гертруда Шнайдер, *Путешествие в Террор: История Рижского Гетто* [Gertrude Schneider, *Journey into Terror: Story of the Riga Ghetto*] (Нью-Йорк, 1979), 195-211; Краусник и Вильгельм, 591-95.

67 Железнодорожная станция Аспанг

68 YVA, 0-51/63/42-43 (Рапорт Фишманна, 20 июня 1942 г.).

69 Этот документ был опубликован на немецком. Adalbert Rückerl, *SS-Vernichtungslager im Spiegel deutscher Strafprozesse* (Munich, 1977), 55-60. Копия доклада из советского архива найдена в ZStL, USSR 3rd. No. 116, Bild 508-10.

70 ZStL, 3 AR-Z 52/61, в HW 1-6; Kurt A., HW 11; Ernst Hr., HW 2712.

71 Рейхсгау Вартеланд, польское Kraj Warty.

72 BA, R 20/51/3-7 (Рапорт о деятельности Полицейского Резервного Батальона 101, 5 мая 1940 — 7 апреля 1941 г.).

73 Bruno P., HW 1912-1913.

74 Alfred H., HW 43-44; George L., HW 1425; Heinrich S., HW1561; Walter Z., HW 2683; Ernst Hr., HW 2712; Ernst R., G 607.

75 Paul H., HW 1647.

76 BA, R 20/51/3-7 (отчёт о действиях батальона).

77 Bruno G., HW 2017.

78 YVA, TR-10/462 (Landgericht Dortmund, judgement 10 Ks 1/53):3-4.

79 Bruno G., HW 1913-14.

80 Hans K., HW 2246; Ernst Hr., HW 2713.

81 Anton B., HW 2684; Вольфганг Хоффман, HW 4319.

82 YVA, 0-53/141/4378-86 (Jäger report of EK 3, Kovno, December 1? 1941); Schneider, 23-30.

83 О транспортировках в Лодзь смотри YVA, BD 23/4 (Списки международной службы розыска. Прим. переводчика — с 2019 носят название «Архивы Арользена») и *Dokumenty i Materialy Do Dziejów Okupacji W Polsce*, vol. 3, *Ghetto Łódzkie* (Варшава, 1946):203-5 (*Erfahrungsbericht*, 13 ноября 1941 г.). О транспортировках в Минск смотри JSNV 19, no. 552 (Landgericht Koblenz, judgement 9 Ks 2/61):190; О транспортировках в Ригу смотри Schneider, 155.

84 Bahnhof Hamburg Dammtor

85 Heinrich Ht., HW 1173; Wilhelm J., HW 1320; Hans K., HW 2246; Franz K., HW 2475; Anton B., HW 2689.

86 Otto G., HW 955.

87 О Лодзе Arthur K., HW 1180; о Минске Bruno P., HW 1930-3; о Риге

Hans K., HW 2246, Max F., HW 1529.

88 Hans K., HW 2246.

89 Bruno P., HW 1930-31.

90 Двина, нем. Döna. Прим. переводчика — подозреваю, речь идёт о реке Западная Двина, а не о связанном с расстрелами в то время районе Dünamünde [Daugavgrīva, рус. Усть-Двинск], однако, может и о нём. О самом событии смотри «Dünamünde Action». Короткая версия по мнению переводчика. Судьба как минимум части людей, о которых рассказывалось в самой главе, была следующей: им объявили, что их ждёт дальнейшее «переселение», и надо отправиться в город «Дюнамюнде». Однако это была ложь — такого города не существовало уже несколько десятилетий. Вместо этого людей вывозили в лес и расстреливали, но люди верили и сами вызывались отправиться, желая уйти наконец из гетто.

91 Доклад Салиттера от 26 декабря 1941 г., цитируется у Краусника и Вильгельма, 594.

92 Staatsanwaltschaft Hamburg, 141 Js 1957/62 (Обвинительный акт Хоффману и Волауфу):206 (здесь и далее — Обвинение Хоффман/Волауф)

93 Ernst G., HW 1835.

94 BDC, Карта членства в партии Вильгельма Траппа. Юлиус Волауф, HW 2882, 4329; Вольфганг Хоффман, HW 2930, 4318-19, 4322.

95 Обвинение Хоффман/Волауф, 47-49.

96 Sturmabteilung, SA, или чернорубашечники.

97 Обвинение Хоффман/Волауф, 49-51.

98 Staatsanwaltschaft Hamburg, 141 Js 1457/62, Sonderband: DC-unterlagen.

99 Этот статистический разбор Полицейского Резервного Батальона 101 основан на информации из 210 допросов, проведённых прокуратурой в шестидесятых. Не включая в себя офицеров, представителей администрации и унтер-офицеров, допросы предоставили подробные данные о рядовых. Хоть все они включали в себя, к примеру, вопросы о возрасте, они не содержат полной информации о трудоустройстве. Некоторые указывали лишь послевоенную работу, многие — с учётом возрастной группы — указывались как пенсионеры. Таким образом, информация о трудоустройстве основана на выборке только лишь 155 человек.

100 Статистика принадлежности к партии основана на имеющихся в BDC членских картах.

101 Эксперименты с применением в камерах «Циклона Б» начались в главном лагере Освенцима (*Stammlager* или Освенцим I) в сентябре и октябре 1941-го. 15 февраля 1942-го началось систематическое применение новых газовых камер (в переоборудованном фермерском доме) в Биркенау (Освенцим II). Danuta Czech, *Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau 1939-1945* (Reinbeck bei Hamburg,

1989), 116, 174-75.

102 Для Генерал-губернаторства было доступно всего 3 000 членов Sonderdienst (нем. специальные службы). То, что многие из них на самом деле были польскими коллаборантами с сомнительной претензией на статус этнического немца можно понять из того факта, что только 25% из них говорило на немецком. Diensttagebuch, 574.

103 В датах и числе убитых евреев в округе Люблина я опирался на Yitzhak Arad, *Belżec, Sobibór, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps* (Bloomington, Ind. 1987), 383-87, 390-91; Татьяна Брустин-Беренштейн [Tatiana Brustin-Berenstein], «Martyrologia, Opór I Zagłada Ludności Żydowskiej W Dystrykcje Lubelskim», *BZIH* 21 (1957):56-83; и различные немецкие судебные дела.

104 Diensttagebuch, 511 (Polizeisitzung, June 16, 1942).

105 Обвинение Хоффман/Волауф, 205-6.

106 Johannes R., HW 1807.

107 За расположением различных отрядов Полицейского Резервного Батальона 101 в 1942-м, смотри обвинение Хоффман/Волауф, 208-12.

108 Alfred S., HW 294-95; Albert D., HW 471; Arthur S., HW 1161; Hedrich B., HW 1581-82; Martin D., HW 1598-99; Wilhelm K., HW 1770; Herbert R., HW 2109; Heinrich E., HW 2169; Walter Z., HW 2622; Bruno G., HW 3300; Ernst N., HW 1648; August W., HW 2039.

109 Так как ни Трапп, ни его адъютант Хаген, ни лейтенант Гнаде не дожили до допросов в 1960-х, единственным живым свидетелем встречи был капитан Волауф. Его версии были так многочисленны и корыстны, а важнейшие моменты остального признательного показания так сильно вступали в противоречие с показаниями других свидетелей, что он просто не может быть надёжным источником.

110 Heinz B., HW 819-20, 2437, 3355, 4414.

111 Юлиус Волауф, HW 4239-30.

112 Friedrich Bm., HW 2091.

113 Hans S., G 328.

114 Bruno D., HW 1874.

115 Alfred B., HW 440.

116 Rudolf B., HW 3692.

117 Otto-Julius S., 1953-54, 4576-79; August W., HW 2041-42, 3298, 4589. S. и W. Были единственными свидетелями, помнящими предложение Траппа именно в таком виде. Ряд других вместо этого сначала вспомнили призыв добровольцев в расстрельные команды (Alfred B., HW 439-40; Franz G., HW 1189-90; Bruno G., HW 2020). Другие же, когда их спрашивали об инциденте, либо признавали «возможность» того, что Трапп сделал своё предложение (Anton B., HW 2693; Heinz B., HW 3356-57, 4415) или хотя бы не оспаривали или не отрицали, что оно имело место быть. Оговорка Траппа про «старших» людей появляется в показаниях S. (HW 1953, 4578). W., который в своих показаниях о других

вещах полностью соответствовал показаниям S., не упоминал однако о подобной «квалификации» и утверждал, что молодые тоже выходили из строя. Однако же, судя по всему, он понимал, что Трапп сделал своё предложение именно для старших людей запаса. Когда его спросили почему он сам не вышел вперёд, он отметил, что он был относительно молод и был «действующим» полицейским, т.е. не призванным из запаса (HW 2041-42, 4592). Большая точность и детальность показаний S. и W., а так же последующее поведение офицеров и рядовых батальона в соответствии с предложением Траппа (т.е. тех, кто хоть и запоздало, но попросил освобождения из расстрельных команд — то, что офицеры и солдаты никогда бы не попросили без предварительного на это санкционирования от старшего офицера) убедило меня в том, что их версия наиболее правдоподобная из всех доступных.

118 Вполне вероятно, что первый и второй взводы третьей роты уже находились в кордоне вокруг деревни до речи Траппа. Никто из этих двух взводов не помнил её, а один свидетель (Bruno G., HW 2020) в показаниях указывал, что взводы на ней не присутствовали.

119 Heinrich S., HW 1563; Martin D., HW 1596; Paul H., HW 1648; Ernst N., HW 1685; Wilhelm K., HW 1767, 2300; Bruno G., HW 2019; August W., HW 2039; Wilhelm Gb., HW 2147; Heinrich B., HW 2596; Walter Z., HW 2618; Anton B., HW 2656; Ernst Hr., HW 2716; Joseph P., HW 2742; Kurt D., HW 2888; Otto I., HW 3521; Wolfgang H., HW 3565; August Z., G 275; Eduard S., G 639; Hellmut S., G 646; Karl S., G 657.

120 Georg G., HW 2182.

121 Hellmut S., G 647.

122 Friedrich E., HW 1356.

123 Bruno R., HW 1852.

124 Harry L., G 223.

125 Ernst G., G 383.

126 Hans Kl. G 363.

127 Oskar P., HW 1743.

128 Erwin G., HW 2503.

129 Georg K., HW 2633; Karl S., G 657.

130 Wilhelm K., HW 1769; Friedrich Bm., HW 2091; Ernst Hn., G 506. За другими показаниями об обыске смотри Max D., HW 1345-46; Alfred L., HW 1351; Friederick V., HW 1539; Friedrich B., HW 1579; Bruno D., HW 1875; Hermann W., HW 1947-48; Otto-Julius S., HW 1954; Bruno G., HW 2019; August W., HW 2040; Bruno R., HW 2084; Hans Kl., HW 2270; Walter Z., HW 2168-69; Anton B., HW 2687; Ernst Hr., HW 2716; Joseph P., HW 2742; August Z., G 275; Karl Z., G 318; Eduard S., G 640.

131 Friedrich B., HW 1579., Bruno G., HW 2019; August W., HW 2041.

132 Ernst Hr., HW 2716-17.

133 Walter Z., HW 2618. Для подтверждения показаний смотри Anton B., HW 2688, Joseph P., HW 2742.

- 134 Hermann W., HW 1948.
- 135 Ernst Hn. G 507. Два свидетеля (Eduard S., G 642; Hellmut S., G 647) вспоминали старшего сержанта, а не доктора.
- 136 August W., HW 2042.
- 137 Martin D., HW 1597.
- 138 Anton B., HW 2658-59.
- 139 Heinz B., HW 821-22. Ни один из допрошенных полицейских не принимал участие в эскорте, так что показания Бухмана — единственная версия о судьбе евреев. О люксембуржцах в эскорте смотри Heinrich E., HW 2167. О других показаниях отбора рабочих и их отправке из Юзефува Бухманом смотри Wilhelm K., HW 1768; Hermann W., HW 1948; Friedrich Bm., HW 2092-93; Ernst Hn., G 507.
- 140 О показаниях стрелков из первой роты, смотри, в особенности, Friedrich B., HW 1580-81; Friedrich Bm., HW 2091-93; Ernst Hn., G 507-508; Heinrich R., G 623; Hellmut S., G 646-47; Karl S., G 658-59.
- 141 Paul H., HW 1648-49.
- 142 Heinrich H., G 453.
- 143 Wilhelm I., HW 2237.
- 144 Friedrich Bm., HW 2092.
- 145 Hellmut S., G 647.
- 146 Heinrich Bl., HW 462.
- 147 Hermann W., HW 1948.
- 148 Alfred L., HW 1351.
- 149 Bruno R., HW 1852.
- 150 Erwin N., HW 1686.
- 151 Bruno D., HW 1870; Anton B., HW 4347; Wilhelm Gb., HW 4363; Paul M., G 202;
- 152 Ernst Hr., HW 2717.
- 153 Erwin G., HW 1640, 2505.
- 154 Friedrich Bm., HW 2092.
- 155 Wilhelm Gb., HW 2149.
- 156 Ernst Hr., HW 2718.
- 157 Wilhelm Gb., HW 2538.
- 158 Ernst Hr., HW 2719.
- 159 Ernst Hr., HW 2720.
- 160 Wilhelm Gb., HW 2539, 2149.
- 161 Erwin G., HW 1639-40, 2504; Alfred B., HW 2518.
- 162 Anton B., HW 4348. Так же смотри Max D., HW 2536.
- 163 Walter Z., HW 2619-20; Erwin G., HW 4345.
- 164 Heinrich S., HW 1567, 4364; Georg K., HW 2634.
- 165 Joseph P., HW 2743-45.
- 166 Paul M., G 206-7.
- 167 Gustav M., G 168.
- 168 Hans D., HW 1336, 3542.

169 Walter N., HW 3926, G 230.

170 August Z., G 277.

171 Georg K., HW 2634.

172 Otto-Julius S., HW 4579; Friederick V., HW 1540.

173 Rudolf B., HW 2434, 2951, 4357.

174 Franz K., HW 2483-86.

175 В дополнении к вышеперечисленным случаям, ещё одним полицейским, попросившим освобождения из-за нервов после нескольких раундов был Bruno D., HW 1876, 2535, 4361.

176 Erwin G., HW 2505; подтверждено Rudolf K., HW 2646-47.

177 Anton B., HW 2691-93, 4348.

178 Willy R., HW 2085.

179 Alfred B., HW 440; Walter Z., HW 2621; Georg K., HW 2635, August Z., G 278.

180 Friedrich B., HW 1581.

181 Юлиус Волауф, HW 758.

182 Heinrich B., HW 2984.

183 Alfred B., HW 441.

184 August W., HW 2042.

185 Otto-Julius S., HW 1955.

186 Свидетель за свидетелем в описании чувств людей тем вечером использовали такие термины как erschüttert [потрясённый], deprimiert [депрессия], verbittert [озлобленный], niedergeschlagen [удручённый], bedrückt [подавленный], verstört [на грани потери рассудка], empört [возмущённый], belastet [обременённый]. Прим. Переводчика — точный перевод с немецкого может расходиться со значением в русском, а моё решение использовать тот или иной перевод слов можно оспорить, однако соответствия на все 100% не требуется для понимания.

187 Friedrich Bm., HW 2093; Hellmut S., G 647.

188 Heinrich Br., HW 3050.

189 Wilhelm J., HW 1322.

190 Willy S., HW 2053. Так же смотри Вольфганг Хоффман, HW 774-75; Johannes R., HW 1809; Bruno R., HW 2086.

191 Karl M., HW 2546, 2657.

192 Friedrich Bm., HW 2093-94; Смотри так же Karl G., HW 2194.

193 Heinz B., HW 4413; Kurt D., HW 4339.

194 В своём анализе польских спасителей, Нехама Тек [Nechama Tes] отмечает, что первоначальное решение помочь евреям было импульсивным и инстинктивным, а не результатом долгих размышлений и расчётов. *Когда Свет Рассеял Тьму: Спасения Христианами Евреев в Оккупированной Немцами Польше* [*When Light Pierced the Darkness: Christian Resque of Jews in Nazi-Occupied Poland*] (Нью-Йорк, 1986), 188.

195 Anton B., HW 2693.

196 Bruno D., HW 2535, 2992.

197 August W., HW 4592.

198 Erwin G., HW 1640, 2505, 4344.

199 Прим. Переводчика — или металлиста

200 Friedrich M., HW 1708.

201 Прим. переводчика — автор намного более подробно раскрывает эту тему в «Главе 18. Обыкновенные Люди» и в «Послесловии», где так же проводит подробный анализ показаний, обстоятельств, конформизма, политической системы и т.д.

202 Прим. переводчика — Автор не утверждает, что из отсутствия «а» следует «б», но читателям, заметившим возможную логическую ошибку в утверждении, стоит обратить внимание на «Послесловие», где автор разбирает работу Голдхагена и критику своей книги.

203 IMT 29:151 (1919-PS).

204 Karl G., HW 2194.

205 Hans Pz., HW 3938.

206 Hero B., HW 890.

207 Arthur S., HW 1165.

208 Hermann W., HW 1947.

209 Gustav M., G 169-170.

210 Heinz B., HW 2439-40.

211 Heinrich Br., HW 3050.

212 Heinrich R., G 624; August W., HW 3303.

213 Heinz B., HW 647, 822, 2438, 3940-41.

214 YVA, 0-53/121/27-31 (приказ Кинтруппа [Kintrupp], KdO Люблина, 9 июля 1942 г.).

215 Прим. Переводчика — касаясь округов и районов. County (англ.) и Kreise (нем., полностью Stadt- und Landkreisen, что дословно переводится как городские округа и графства) переведены как районы. District (англ.) и Distrikte (нем.) переведены как округа. Сделано это с учётом определений этих слов на русском и особенности применения этих слов в книге. Округ здесь и на русском (хоть и не всегда) — некоторая чётко обозначенная политическая единица в составе государства, которую можно разбить на меньшие части. Район в свою очередь (тоже не всегда) — часть другого, большего пространства и определяется непосредственной близостью к чему-либо, часто не имеет чётко обозначенных границ. К примеру, смотри Карту 1 Польши и Карту 2 округа Люблина.

216 См. Карту 2.

217 Брустин-Беренштейн, таблица 2.

218 Kurt D., HW 1230, 4368; Anton B., HW 4371.

219 Heinrich B., HW 2600, 2985.

220 Kurt D., HW 1230, 1232, 2892, 4368; Ernst Hr., HW 2732.

221 Paul M., G 207.

222 Max F., HW 1387; Ernst Hr., HW 2722; Walter L., G 184; Fritz S., G

303.

223 Anton B., HW 2698-99, 4371; Ernst Hr., HW 2722; Wolfgang H., HW 2211; Kurt D., HW 4368; August Z., G 273.

224 Fritz S., G 303-4. Смотри так же Bernhard S., HW 1717; Ernst Hr., HW 2723; Heinrich B., HW 2985; Friedrich P., G 240.

225 Ernst Hr., HW 2723; Joseph P., HW 2749-50; Walter L., G 185; Paul M., G 208.

226 Gustav M., HW 1709.

227 За фразой смотри Max F., HW 1386; за дистанцией Heinrich B., HW 2601; Walter L., G 185.

228 Max F., HW 1386; Paul M., G 207.

229 Walter Z., HW 2624; Georg K., HW 2638; Anton B., HW 4372.

230 Anton B., HW 2700-2701.

231 Wilhelm Gb., HW 2150; Karl G., HW 2197; Heinrich B., HW 2600; Georg K., HW 2638; Joseph P., HW 2750; Hermann Bg., G 98; Walter L., G 185; Paul M., G 207; August Z., G 282; Fritz S., G 313.

232 Kurt D., HW 4335, 4368-70; Anton B., HW 2703, 3960, 4348; Joseph P., HW 2750; Henry D., HW 3071; Walter N., HW 3927; Ernst Hr., HW 3928; Heinz B., HW 3943; Walter Z., HW 3954. Противоположные показания о Гнаде дали только Ernst Hr., HW 3929; Walter Z., HW 3954 и Вольфганг Хоффман, HW 4318.

233 Wilhelm I., HW 2239.

234 Friedrich P., G 241-42. Показание полностью подтверждается August Z., HW 3519.

235 Hermann Bg., G 98; Joseph P., HW 2750.

236 Walter Z., HW 2625; Georg K., HW 2638.

237 Friedrich P., G 241-42.

238 Ernst H., HW 2725.

239 Johannes R., HW 1810; Rudolf K., HW 2650; Joseph P., HW 2750-51; Kurt D., HW 4368; Paul M., G 209.

240 Ernst Hr., HW 2725-26.

241 Прим. переводчика. Либо цитаты в оригинале приведены неправильно, либо Гнаде (а может и офицер, или оба) был слишком пьян для адекватного ответа.

242 Ernst Hr., HW 2256.

243 Ernst Hr., HW 2256-57; Kurt D., HW 4368; August Z., G 282; Joseph P., HW 2750-51; Walter L., G 186-87; Max F., HW 1388.

244 Bernhard S., HW 1717.

245 Rudolf B., HW 405; Bruno D., HW 2535; Heinrich B., HW 2613-14; August Z., HW 3365-66, G 284.

246 Fritz S., G 303-4; Paul M., G 209; Bernhard S., HW 1717.

247 Anton B., HW 4374.

248 August Z., G 282.

249 Ernst Hr., HW 2727-28; August Z., G 284.

250 Ernst Hr., 2727.

251 Georg K., HW 2638.

252 Paul M., G 206, 209.

253 Adolf B., HW 441.

254 Anton B., HW 2703-4.

255 Heinrich S., HW 1569.

256 Georg K., HW 2637; Joseph P., HW 2747.

257 Erwin G., HW 1642, 2507.

258 Hans K., HW 2251; Georg K., HW 2636.

259 О роли первой роты как «поискового отряда» смотри Paul H., HW 1652; Hans K., HW 2251.

260 В целом о депортациях из Парчева смотри Heinrich S., HW 1569-73, ?383; Erwin G., HW 1641-42, 2507; Paul H., HW 1652; Bruno D., HW 1876-77; Heinrich E., HW 2170; Otto H., HW 2220; Hans K., HW 2251-52; Max D., HW 2536; Heinrich B., HW 2608; Georg K., HW 2636; August Z., HW 3366, G 278-79; Alfred K., G 575-76.

261 Heinrich S., HW 1572. Признание Штайнмеца является исключением. Конечно же, намного более обычным для полицейских было отрицание какого-либо знания о судьбе депортированных евреев.

262 Heinrich B., HW 2608; August Z., G 279.

263 В воспоминаниях почти всех полицейских августовские депортации из Мендзыжеца сжались в один день. Однако один полицейский Heinrich R., G 626 и все еврейские свидетели Tauba T., HW 1066-67; Berl C., HW 1092; Rywka G., HW 1112; ZStL, 8 AR-Z 236/60 [расследование отделения KdS в Радзине], 1:3-4 [выдержка из Feigenbaum] вспоминали двухдневную операцию. Учитывая количество депортированных евреев, практически точно необходимо было два дня.

264 YVA, TR-10/710 (Landgericht Dortmund, 8 Ks 1/70 judgement against Josef Bürger), 16.

265 Полицейские из второй и третьей роты в своих показаниях указывали, что вторая рота тоже участвовала. Однако кроме третьего взвода ни один член второй роты — даже те, кто открыто давал показания о Ломазы и Юзефуве — не помнил депортации из Мендзыжеца в Августе. Таким образом, я считаю наиболее вероятным, что первый и второй взводы второй роты в этом случае отсутствовали.

266 Ernst Hn., G 512; Heinrich R., G 625.

267 Heinrich H., HW 976, 3219. Так же смотри Friedrich B., HW 1582, 3529; Hans K., 2252, 3220.

268 Н. оценка от 6 декабря 1940 и 31 марта 1941 в HW 565-67.

269 R. оценка от 21 июля 1941 в HW 574-80.

270 Оценка Траппа от 21 июля 1941 в HW 574-80. Прим. переводчика — не выделено автором как цитата.

271 Hans Pg., HW 1945; Ernst Hr., HW 2713.

272 Chief Clerk

- 273 Heinrich E., HW 3351, 3354.
- 274 Heinz B., HW 4414.
- 275 Юлиус Волауф, HW 750-51, 760.
- 276 Friedrich B., HW 1582; Friedrich Bm., HW 2099; Heinz B. And Arthur K., HW 3357; Ernst R., G 610; Heinrich R., G 627.
- 277 Самые детальные показания о депортациях в Мендзыжеце дали Heinrich H., HW 976-78; Friedrich B., HW 1582-83; Hans K., HW 2253-54; Ernst Hn., G 512-13; Ernst R., G 610-12; Karl S., G 659-60.
- 278 Hans K., HW 2253.
- 279 Karl S., G 659.
- 280 Heinrich R., G 610.
- 281 Friedrich B., HW 3529.
- 282 Friedrich B., HW 1583; Ernst Hn., G 512.
- 283 Heinrich H., HW 978, 3219; Hans K., HW 3220; Ernst R., G 611.
- 284 Heinrich H., HW 977; Friedrich B., HW 1584; Hans K., HW 2254; Ernst Hn., G 513; Ernst R., G 612.
- 285 Прим. переводчика — гибкая трость для тренировки и управления лошадьми.
- 286 Heinrich H., HW 977-78.
- 287 Ilse de L., HW 1293.
- 288 Heinrich H., HW 978; Hans K., HW 2254.
- 289 Berl C., HW 1091.
- 290 YVA 0-53/105/III (Доклад Варшавского Юденрат [Judenrat]).
- 291 Прим. переводчика — то есть на взвод меньше.
- 292 ZStL, 8 AR-Z 236/60 (расследование отделения KdS в Радзине) 3:464 (маршрутный лист восточной железной дороги [Ostbahn] от 25 августа 1942-го). Об аварии в Треблинке смотри Гитта Серени, *Во Тьму* [Into That Darkness] (Лондон, 1974), 156-64; Arad, 89-96, 119-23.
- 293 Volksdeutscher Selbstschutz, Народная Немецкая Самозащита.
- 294 Прим. переводчика — уже во второй раз после Первой Мировой, если учитывать другие отряды Selbstschutz. Были официально объединены в «Volksdeutscher Selbstschutz». На их основе создали Sonderdienst (далее в тексте).
- 295 Ferdinand H., HW 3257-58.
- 296 Hans K., HW 2258.
- 297 Самое важное показание о расстрелах в Серакомле это Friedrich B., HW 1586-89, 3534; Hans K., HW 2256-60; Ernst R., G 612a-b; Karl S., G 661-62.
- 298 Friedrich P., HW 3534.
- 299 Hans K., HW 2258.
- 300 Albert D., HW 3539; Arthur S., HW 3540.
- 301 Heinrich Bl., HW 464; Hans K., HW 2255; Friedrich Bm., HW 2096.
- 302 Heinrich E., HW 2173.
- 303 Hans K., HW 2256.

- 304 Ernst Hn, G 509.
305 Ernst Hn., G 509; Friedrich B., HW 1590.
306 Heinz B., HW 826.
307 Georg W., HW 1733.
308 Gerhard H., G 541.
309 Hans K., HW 2255; Friedrich Bm., HW 2097; Hellmut S., G 648.
310 Alfred H., HW 286.
311 Heinrich Bl., HW 464-65.
312 Friedrich Bm., HW 2097-98; Hans K., 2255-56; Hellmut S., G 648-49; Karl S., G 662.
313 Трапп рапортовал Полицейскому Подразделению 25, 26 сентября 1942 г., HW 2548-50.
314 Heinz B., HW 648, 822, 824, 2438, 2440-41, 3941, 4415.
315 Heinrich E., HW 2172.
316 Hans K., HW 2242; Kurt D., HW 2678; Arthur S., HW 3539; Alfred K., G 582; Ernst R., G 612d.
317 Heinrich E., HW 2174.
318 Heinz B., HW 648, 2438.
319 Heinz B., HW 2441.
320 Heinrich E., HW 2174.
321 Брустин-Беренштейн 21-92.
322 YVA, 0-53/121 W I/124-25 (приказ Кинтрупа от 27 августа 1942 г., вступил в силу 2 сентября 1942 г.).
323 Показания выживших Joseph B., HW 1122; Sara K., HW 3250. Согласно таблице 2 Брустин-Беренштейн, 23-24 сентября в Мендзыжец депортировали 6 000 евреев из малых деревень района Бяла-Подляски. Она пишет, что депортированные 26 сентября и 6 октября 4 800 евреев отправились напрямую в Треблинку, но показания выживших указывают, что как минимум сентябрьские депортации из Бялы сначала шли в Мендзыжец.
324 В Брустин-Беренштейн таблице 1 указывается цифры: 610 евреев из Комаровки, 800 из Вохина [Wohuń] и 1 019 из Чемерников.
325 Johannes R., HW 1810-11; Kurt D., HW 1621; Anton B., HW 2705-6.
326 Paul M., HW 2659.
327 Согласно таблице 10 Брустин-Беренштейн: 1 724 из Адамува [Adamów], 460 из Станин гмины [Stanin gmina], 446 из Улян гмины [Ulan gmina] и 213 из Войцешкува [Wojcieszków].
328 YVA, TR-10/710 (Landgericht Dortmund, 8 Ks 1/70, judgement against Josef Bürger):10, 16 (отсюда и далее «приговор Бургеру»).
329 Об оценке сил Полиции Безопасности и Жандармерии в округе Радзинь смотри ZStL, 8 AR-Z 236/60 (расследование отдела KdS в Радзине), 1:28 (Braumüller), 113 (Bürger), 120 (Käser); 2:176-179 (Reimer), 209-210 (Brämer), 408 (Behrens), 420 (Kambach); 4:550 (Schmeer), 715 (Avriham); и Sonderband (показания Rumminger, Schoeja и Waldner) без

нумерации.

330 Брустин-Беренштейн, таблица 10.

331 Helmuth H., HW 317-320, 991; Heinz B., HW 823; Heinrich E., HW 2176; Richard G., G 389.

332 Heinrich S., HW 1573-74; Max D., HW 2536.

333 Буквально с немецкого — человеконенавистник, или пугающий человека.

334 Alfred H., HW 45, 279-80.

335 Kurt D., HW 1266, 2966-67, 4391; Paul M., HW 2663.

336 Alfred H., HW 45, 280-82.

337 Peter O., HW 1790; Walter L., G 189-90; Friedrich P., G 244.

338 Kurt D., HW 1268, 2968, 4390.

339 Friedrich P., G 244.

340 August Z., HW 3367-68, G 288.

341 Alfred H. (HW 45, 282) сначала в показаниях называл количество депортированных от 6 000 до 10 000, но после снизил свою оценку до 1 000. Kurt D. (HW 1621) так же дал цифру 1 000. Однако все свидетели согласны в том, что отряд Хиви был послан в помощь Полиции Порядка для выполнения операций в начале октября. Очень маловероятно, что такой значительный контингент Хиви отправили бы на такую маленькую операцию, учитывая доступность целой роты Полиции Порядка. Такое малое число депортированных маловероятно ещё и с учётом многих тысяч евреев, собранных в Мендзыжеце в последние недели до операции.

342 Helmuth H., HW 991; Stephan J., HW 1041-43; Tauba T., HW 1069; Friedrich B., HW 1585.

343 Kurt D., HW 1270-71, 2790, 4391; Max F., HW 1389-90; Johannes R., HW 1012; Franz K., HW 2479.

344 Lucia B., G 595-96; письмо Хоффмана от 5 мая 1943 г., HW 512.

345 Юлиус Волауф, HW 752, 762-64.

346 Heinrich H., HW 972; Rudolf B., HW 406-7; Max D., HW 1347.

347 August Z., G 286; Konrad H., G 404-5; Wilhelm K., G 568.

348 Wilhelm Gs., HW 2466.

349 Приговор Бургеру, 18.

350 Alfred K., G 579.

351 Приговор Бургеру, 20. Aviram J., HW 1059-60; Gedali G., HW 1080; Friedrich Wm., HW 2100; Hans K., HW 2262-63. Согласно Hans K., Юрих застрелил главу еврейского совета из-за спора о швейной машине.

352 Приговор Бургеру, 20.

353 Georg W., HW 1731-32.

354 В таблице 10 Брустин-Беренштейн в ноябре в Лукуве отмечен лишь один расстрел — 200 евреев. Показания полицейских указывают на наличие второго. Приговор Бургеру 20-21 подтверждает два расстрела в Лукуве — 11 и 14 ноября, каждый по 500 жертв — редкий случай, когда немецкий суд оценивает количество жертв выше, чем другие источники.

355 Одним ключевым исключением стал Бухман, кто в 1960-х заявлял (Heinz B., HW 822, 824, 3942, 4417), что ни один отряд под его командованием не занимался расстрелом евреев, что после Юзефува он не становился свидетелем ни одной еврейской операции за исключением чистки гетто в Радзине, где он располагался, но обязанности никакие не имел, и что он в действительности вернулся 4 ноября в Гамбург - за неделю до первого расстрела в Лукуве. С учётом чётких воспоминаний и показаний различных служащих штаба, некоторые из которых были с ним в Радзине и Лукуве некоторое время и хорошо его знали, то судя по всему, Бухман либо подсознательно подавил воспоминание об инциденте, либо намеренно скрыл его от следователей.

356 Heinrich H., G 456.

357 Heinrich H., G 455-56; Hans Pz., HW 3525.

358 Hans S., G 328; Ernst S., G 330; Paul F., HW 2242.

359 Heinrich H., G 456-57; Hans Pz., HW 3525; Henry J., G 411-12.

360 Hans S., G 330; Ernst S., G 334-335; Paul F., HW 2243.

361 Henry J., G 413-14.

362 Heinz B., HW 648, 824-25, 2438, 2441, 4417.

363 «Жалоба» Хоффмана от 3 мая 1943, HW 509.

364 Bruno G., HW 2026

365 Roving motorized company

366 Erwin H., HW 1168; Martin D., HW 1602; August W., HW 2043.

367 Alfred S., HW 298; Erwin H., HW 1169; Martin D., HW 1062; Peter O., HW 1865; August W., HW 2043-44.

368 Martin D., HW 1602; August W., HW 2043-44.

369 August W., HW 2045.

370 Erwin H., HW 1169; Wilhelm J., HW 1323; Georg L., HW 1427; Friederick V., HW 1542; Martin D., HW 1603; Peter C., HW 1865; Bruno G., HW 2025; August W., HW 2044-45.

371 Martin D., HW 1605.

372 Friederick V., HW 1542.

373 Прим. переводчика — фраза на английском точно в своей двусмысленности. Мне неизвестно, является ли это результатом перевода с немецкого, или это часть «самооправдательного» показания, однако дело в следующем: «At the sight of the sick, it was not possible for me to shoot at one of the Jews, and I intentionally aimed all my shots wide». Фраза сформулирована так, что сложно понять (или легко неправильно понять), стало ли для человека невозможным стрелять в кого-то конкретного, и поэтому он просто стрелял куда-то не глядя куда, или он действительно не смог стрелять в людей в целом и намеренно стрелял мимо. В переводе осталась вторая версия, как менее инкриминирующая.

374 Martin D., HW 1605-6.

375 Alfred S., HW 299; Georg L., HW 1428; Martin D., HW 1603; Bruno G., HW 2025-26; August W., HW 2045, 3305-6.

- 376 Amandus M., HW 1631-32.
- 377 Friederick V., HW 1592.
- 378 August W., HW 2045.
- 379 «Жалоба» Хоффмана от 3 мая 1943 г., HW 513; Вольфганг Хоффман HW 2304, 2925.
- 380 Friederick V., HW 1541; Martin D., HW 1605-6, 3212-13, 3319; Erwin N., HW 1693-94, 3319-20; Wilhelm K., HW 1776, 3345-49; Bruno G., HW 2030-31, 3301, 3347; Bruno R., HW 2086; Erwin H., HW 1167.
- 381 convalescent leave
- 382 Письмо Хоффмана от 30 января 1943 г., HW 523-24.
- 383 Письмо Траппа от 23 февраля 1943 г., HW 509-10.
- 384 «Жалоба» Хоффмана от 3 мая 1943 г., HW 509-15.
- 385 Райндорф [Rheindorf] президенту полиции Гамбурга от 2 июля 1943 г., HW 538-39.
- 386 Вольфганг Хоффман, HW 788-89.
- 387 YVA, TR-10/970 (Staatsanwaltschaft Hamburg, 147 Js 8/75, indictment of Arpad Wigand):81-92. Так же смотри Кристофер Р. Браунинг «Геноцид и Общественное Здоровье: Немецкие Врачи и Польские Евреи, 1939-1941» [Genocide and Public Health: German Doctors and Polish Jews, 1939-41], *Holocaust and Genocide Studies* 3, no. 1 (1988): 21-36.
- 388 YVA, TR-10/970 (Staatsanwaltschaft Hamburg, 147 Js 8/75, indictment of Arpad Wigand):92-99; Ferdinand H., HW 3257-58; Diensttagebuch, 450.
- 389 YVA, TR-10/542 (Staatsanwaltschaft Augsburg, 7 Js 653/53, indictment of Günther Waltz).
- 390 Heinrich S., HW 1573.
- 391 Kurt D., HW 1623.
- 392 Arthur S., HW 1164.
- 393 Georg L., HW 1429; Friedrich B., HW 1552; Paul H., HW 1653; Johannes R., HW 1812; Bruno G., HW 2030; August W., HW 2048; Heinrich E., HW 2177; Heinrich B., HW 2206; Hans K., HW 2261-62; Wilhelm K., HW 2379; Anton B., HW 2708; Ernst Hr., HW 2731; Martin D., HW 3213; Walter L., G 192; Friedrich P., G 247; Hugo S., G 474; Alfred K., G 580.
- 394 Erwin G., HW 4400.
- 395 Paul H., HW 1653.
- 396 Georg L., HW 1428-30.
- 397 Peter O., HW 1794; Otto H., HW 2227; Hans K., HW 2261.
- 398 Alfred S., HW 302.
- 399 Heinrich H., HW 975-76; Rudolf B., HW 408; Heinrich E., HW 2178; Hans K., HW 2261; Karl S., G 664.
- 400 Rudolf B., HW 403; Franz G., HW 1192.
- 401 Wilhelm K., HW 1774, 2379; Bruno G., HW 2033-34.
- 402 flying squadron.
- 403 Alfred S., HW 300-301.

404 Martin D., HW 1600l; Erwin N., HW 3321-22.

405 Friedrich Bm., HW 2101; Hans K., HW 2263-64.

406 Friedrich Bm., HW 2102.

407 О первой роте смотри Arthur S., HW 1164; Max F., HW 1531; Friedrich Bm., HW 2101; Heinrich E., HW 2175; Hans K., HW 2262-66; Hans Pz., HW 3256; Friedrich B., HW 3531; Alfred K., G 580; Ernst R., G 612; Karl S., G 663. О второй роте смотри Rudolf B., HW 403, 407-8; Adolf B., HW 442-43; Max D., HW 1346; Heinrich S., HW 1573; Erwin G., 1641-42; Peter O., HW 1743-44; Wilhelm G., HW 2153-56; Helmuth H., HW 2207; Otto H., HW 2206-7; Walter Z., HW 2267-68; Georg K., HW 2639-40, 3344-45; Anton B., HW 2708-11; Ernst Hr., HW 2731; August Z., HW 3066-67, G 286; Richard Gm., HW 3545; Walter N., HW 3553; Wolfgang H., HW 3563-64; Paul M., HW 3935; Hermann Bg., G 100-111; Gustav M., G 169; Walter L., G 192; Friedrich P., G 248. О третьей роте смотри Karl E., HW 897; Walter F., HW 903; Martin D., HW 1600-1601, 1609, 3321; Erwin N., HW 1689, 1693-95; Richard M., HW 1890; Bruno P., HW 1916, 1924-25; Arthur R., HW 1938-39; Bruno G., HW 2030-34; August W., HW 2046-48, 3304; Alfred S., HW 2067; Friedrich S., HW 2072-73; Herbert R., HW 2111-2.

408 Erwin N., HW 1693.

409 Bruno P., HW 1917.

410 Hans Kl., HW 3565.

411 Wolfgang H., HW 3564.

412 Lucia B., G 598.

413 Ernst Hn., G 511.

414 Adolf B., HW 2532.

415 Heinrich B., HW 3615.

416 Walter Z., HW 2629.

417 Otto-Julius S., HW 4577-78.

418 Adolf B., HW 442-43.

419 Gustav M., G 169. Другой полицейский (Неро В., HW 890) так же объяснял то, что он всего лишь один раз был выбран для еврейского действия своей репутацией как политически ненадёжного и сварливого.

420 Heinrich F., G 445-45.

421 Hugo S., G 474.

422 Bruno P., HW 1925.

423 Arthur R., HW 1938-39.

424 Martin D., HW 3213.

425 Henry J., G 415.

426 Friedrich P., G 248.

427 YVA, 0-53/121 II w (May 1943); 0-53/122 X I (June 1943); 0-53/122 X II (July and August 1943); 0-53/123 Y I (September and October 1943).

428 YVA, 053/115/2-170, 673-725. Так же смотри YVA, TR-10/970 (Staatsanwaltschaft Hamburg, 147 Js 8/75, indictment of Arpad Wigand):103-7.

429 ZStL, Ord. 410, 994-96, 498, 500-501 (Еженедельные рапорты пятой роты Полицейского Резервного Батальона 133, Полицейского Подразделения 24. от 7 ноября до 12 декабря 1942).

430 Постановление Крюгера от 28 октября 1942 г., *Faschismus-Ghetto-Massenmord* (Берлин, 1960), 324-44.

431 Karl E., HW 896.

432 Jakob A., HW 1064.

433 Выдержки из воспоминаний Feiga Cytryn и J. Stein в ZStL., 8 AR-Z 236/60 (отсюда и далее Дело отделения Радзиня [KdS Radzyń case]), 1:6-7.

434 Показания Lea Charuzi, Дело отделения Радзиня, том разнообразных(смешанных, miscellaneous) показаний, 30.

435 Johannes R., HW 1811; Karl M., HW 2660; Wilhelm K., G 106-8.

436 Показания Rywka Katz, Дело отделения Радзиня, том разнообразных показаний, 18.

437 За дальнейшими немецкими показаниями смотри Herbert F., HW 1389; August Z., G 287-89. За еврейскими Berl C., HW 1094; Rywka G., HW 1113-14; и Дело отделения Радзиня Moshe Feigenbaum, 1:4-5; Liowa Friedmann 1:10; volume of miscellaneous testimony, Feigenbaum, 6: Rywka G., 24; Moshe Brezniak, 18; Mortka Lazar, 28. Об участии членов Травников смотри ZStL, II 208 AR 643/71 (Staatsanwaltschaft Hamburg, 147 Js 43/69, обвинение Карла Штрейбеля [Karl Streibel]. Отсюда и далее обвинение Травников):104.

438 Есть путаница в показаниях между тем, куда депортировали в начале и конце мая, я использовал версию Брустин-Беренштейн, таблица 10.

439 Обвинение Травников, 104; Jakob A., HW 1063.

440 Памятка от 21 мая 1963 г., HW 1348; Arthur S., HW 1165; Otto-Julius S., HW 1955; Friedrich Bm., HW 2105; Heinrich E., HW 2161; Joseph P., HW 2756; Otto I., HW 3522; Ernst Hn., G 505.

441 Herbert R., HW 2112; Karl G., HW 2201; Ernst Hr., HW 2715.

442 Georg L., HW 1430; Erwin G., HW 1644; Friedrich B., HW 3143. BDC, файлы Friedrich B., Hermann F., Erwin G., Ernst Hr., Erwin N., Ernst R., Walter Z.

443 Heinrich H., HW 973; Bruno D., HW 1880.

444 Rudolf B., HW 409.

445 Уведомление [Aktenvermerk — памятка для внутренней бюрократии. По современному — методичка пропагандистов] Гиммлера от 2 октября 1942 г., обвинение Хоффман/Волауф.

446 Обвинение Травников, 104-6.

447 Об *Erntefest'e* смотри Helge Grabitz и Wolfgang Scheffler, *Letzte Spuren: Ghetto Warschau — SS-Arbeitslager Trawniki — Aktion Erntefest* (Берлин, 1988), 262-72, 328-34; Josef Marszalek, *Majdanek: The Concentration Camp in Lublin* (Варшава, 1986), 130-34; ZStL, 208 AR-Z 268/59 (Staatsanwaltschaft Wiesbaden, 8 Js 1145/60, обвинение Лотару

Хоффману и Герману Уортоффу [Lothar Hoffman и Hermann Worthoff], Дело отделения Люблина (KdS):316-31, 617-35, 645-51; Обвинение Травников, 159-97; YVA, TR-10/1172 (Landgericht Düsseldorf, приговор Хачману [Nachmann] и другим; отсюда и далее приговор Майданека);456-87.

448 Werner W., (контакт KdO для SSPF Люблина), HW 600-601.

449 Приговор Майданека, 459; Marszalek, 130; Grabitz and Scheffler, 328-29.

450 Приговор Майданека, 459; Werner W., HW 601-2.

451 Helmuth H., HW 2206.

452 Rudolf B., HW 409-10; Herbert F., HW 1392; Martin D., HW 1610.

453 О числе расстрелянных евреев 3 ноября в Майданеке смотри ZStL, II 208 AR-Z 74/60 (Staatsanwaltschaft Hamburg, 141 Js 573, indictment of August Birmes):126-29; Обвинение Майданека, 456-57, 471.

454 Rudolf B., HW 410; Herbert F., HW 1392; Martin D., HW 1610; Paul H., HW 1655; Bruno R., HW 1856; Bruno P., HW 1928; Otto H., HW 2229; Wilhelm Kl., G 109.

455 Fritz B., HW 804-5; Otto H., HW 2228-29.

456 Heinrich Bl., HW 467-68.

457 ZStL, 208 AR-Z 268/59 (Staatsanwaltschaft Wiesbaden, 8 Js 1145/60, Обвинение Лотару Хоффману и Герману Уортоффу, Дело отделения Люблина (KdS):633-35.

458 Heinrich Bl., HW 468; Alfred L., HW 1354; Martin D., HW 1610; Bruno R., HW 1856; Wilhelm Kl., G 109.

459 Alfred L., HW 1354; Johannes L., HW 1444; Bruno R., HW 1856; Bruno P., HW 1928.

460 Martin D., HW 1611-13.

461 Wilhelm Gb., HW 2155.

462 Karl E., HW 900.

463 Johannes L., HW 1445; Eduard D., HW 433-34.

464 Wilhelm K., HW 1777-78.

465 Вольфганг Хоффман, HW 768; Kurt D., HW 1224.

466 Heinrich Bl., HW 469.

467 Вольфганг Хоффман, HW 790, 2922-24.

468 Heinz B., HW 649, 825; Arthur K., HW 61.

469 Прим. Переводчика - о том как судили людей, участвовавших в убийствах не напрямую, смотри «формула Радбруха». Подробно и доступно о ней рассказывается в программе Екатерины Шульман *Статус* S06E14 (22 ноября 2022), в рубрике «Отцы великие теоретики и практики», посвящённой Густаву Радбруху.

470 Вольфганг Хоффман, HW 780.

471 Heinz B., HW 826.

472 Bruno P., HW 1919.

473 Lucia B., G 591.

474 Вольфганг Хоффман, HW 2299.

- 475 Walter H., G 602.
476 Bruno P., HW 1925-26.
477 Вольфганг Хоффман, HW 2921.
478 Kurt D., HW 2886-87.
479 Alfred K., G 582; Ernst R., G 608, 612d; Georg S., G 635.
480 Hermann Bn., HW 3067, 3214-15, 3512, 3515; Rudolf B. And Alfred B., HW 3514.
481 Erwin G., HW 2503; Alfred B., HW 2520.
482 August Z., HW 3368.
483 Erwin G., HW 1640, 2504; Conrad M., HW 2682; Anton B., HW 2710; Kurt D., HW 4338; Hermann Bg., G 101.
484 Bruno D., HW 1876; Anton B., HW 4347; Kurt D., HW 4337; Wilhelm Gb., HW 2149.
485 Rudolf G., HW 2491.
486 Ernst Hd., HW 3088-89.
487 Georg W., HW 1733.
488 Gerhard K., HW 3083.
489 Friedrich Bm., HW 2097.
490 Karl G., HW 2200.
491 Erwin N., HW 1690.
492 Friedrich Bm., HW 2103; Hellmut S., G 652.
493 Hans K., HW 2265.
494 Friedrich P., G 247; Wilhelm K., G 517-18; Walter N., HW 3354.
495 Oskar P., HW 1742.
496 Wilhelm J., HW 1322; Friederick V., HW 1540; Emil S., HW 1737; Ernst Hr., HW 2717.
497 Вольфганг Хоффман, HW 2294.
498 Rudolf B., HW 407; Friedrich B., HW 1592; Martin D., HW 1609; Heinrich E., HW 2171; Georg K., HW 2640; August Z., G 285; Karl S., G 663.
499 Gustav M., G 169.
500 Bruno P., HW 1924.
501 Bruno P., HW 1918-19.
502 Wilhelm J., HW 1324.
503 Friedrich Bm., HW 2104; Anton B., HW 2709-10; August Z., HW 3367, G 286.
504 Bruno G., HW 3301; Hans K., HW 2265.
505 August Z., HW 3365, 3367.
506 Anton B., HW 2710-11.
507 Прим. переводчика — стоит отметить, что практика использования силовых структур, набранных не на местности, а вдали от неё, широко используется вне зависимости от антисемитизма. К тому же, говоря о специальном отборе, автор кратко описывает процесс набора Хиви в Главе 6.
508 John Dower, War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War

(Нью-Йорк, 1986), особенно 3-15 («Паттерны Расовой Войны» [Patterns of a Race war]) и 33-73 («Ненависть на войне и военные преступления» [War Hates and War Crimes]).

509 „war hates“ induce „war crimes“

510 Польское название для города — Быдгощ [Bydgoszcz]. В первые дни войны жившие там этнические немцы были убиты, и в следующем месяце немецкие оккупанты проводили особенно интенсивные казни и изгнания. См. Краусник и Вильгельм, 55-65; Tadeuz Esman and Wlodjimierz Jastrzebski, *Pierwsze Miesiac Okupacji Hitlerowskiej w Bydgoszcz* (Bydgoszcz, 1967).

511 Насчёт открытого поощрения — после того как командир подводной лодки Wahoo более часа расстреливал пулемётами японских солдат в воде, его наградили и Крестом Военно-морских сил и армейским Крестом «За выдающиеся заслуги». Доуэр, 330, н. 94.

512 Доуэр, 11.

513 Оба и Ричард Рубинштейн в *Коварство Истории* [Richard Rubenstein, *The Cunning of History*] (Нью-Йорк, 1978), и Зигмунт Бауман в *Современность и Холокост* [Zygmunt Bauman, *Modernity and the Holocaust*] (Итака, 1989) подробно раскрывают подтекст/последствия работы Хильберга в этом отношении. В *Эйхман В Иерусалиме: Доклад о Банальности Зла* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil] (Нью-Йорк, 1965) Ханна Арендт презентовала Эйхмана как «банального бюрократа», винтика в бюрократической машине. Хотя Эйхман на самом деле не самый лучший пример «банального бюрократа», сам концепт всё же полезен для понимания многих соучастников Холокоста. Хильберг и другие совершенно точно задокументировали, как обыкновенные бюрократы выполняли жизненно необходимые для массового убийства процедуры точно так же, как и любую другую бюрократическую деятельность. И именно это позволило осуществить Холокост. Зло банальным не было, но соучастники точно были. Своей идеей «банальности зла» Арендт пыталась провести мосты именно на разрыве «между невыразимым ужасом поступков и бесспорной нелепостью преступников» (54).

514 Hans-Heinrich Wilhelm, не опубликованная рукопись.

515 Беттина Бирн, *Die Höheren SS- und Polizeiführer* (Düsseldorf, 1986), 363-64; ZStL, II 208 AR-Z 74/60 (Staatsanwaltschaft Hamburg, 141 Js 573/60, indictment of Birnes):62-65.

516 Гитта Серени, 83-88.

517 Т. Адорно и др. *Авторитарная личность* [The Authoritarian Personality] (Нью-Йорк, 1950), 1-10.

518 Адорно и др, 222-279.

519 Бауман, 153.

520 Джон Штайнер, «СС Вчера и Сегодня: Социопсихологический взгляд» [The SS Yesterday and Today: A Sociopsychological View] в *Survivors*,

Victims, and Perpetrators: Essays on the Nazi Holocaust, ред Joel E. Dimsdale (Вашингтон, 1980), 431-34, 443.

521 Стауб, *Корни Зла: Истоки Геноцида и Других Форм Группового Насилия* [*The Root of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence*] (Кембридж, 1989), 18, 128-41.

522 Стауб, 26, 126. Он включает так же историю одного вьетнамского ветерана, который имел схожий с полицейскими Батальона 101 опыт. Ветеран поначалу страдал, но со временем стал привычен к убийству: «Пролетая в вертолёте над группой гражданских, ему приказали открыть по ним огонь, приказу он не подчинился. Вертолёт сделал круг, и ему вновь приказали открыть огонь, и вновь он отказался. Старший офицер пригрозил ему трибуналом, и тогда он подчинился. Его стошнило, чувствовал себя ужасно. Ветеран поведал, что за короткое время стрельба по гражданским стала как стрельба по мишеням в тире, и он стал получать от неё удовольствие» (134).

523 Бауман, 166-68.

524 Крейг Хейни, Кертис Бэнкс и Филип Зимбардо, «Межперсональная Динамика в Симуляции Тюрьмы» [Craig Haney, Curtis Banks, and Philip Zimbardo, «Interpersonal Dynamics in a Simulated Prison»], *International Journal of Criminology and Penology* 1 (1983):69-97.

525 Хейни, Бэнкс и Зимбардо «Стэнфордский эксперимент: Слайд шоу и аудиокассета» [Haney, Banks, and Zimbardo, «The Stanford Prison Experiment: Slide show and audio cassette»].

526 Gustav M., 169-70; Heinz B., HW 2439-40.

527 Herbert Jäger, *Verbrechen unter totalitärer Herrschaft* (Frankfurt, 1928), 81-82, 95-122, 158-60.

528 putative duress

529 Стэнли Милгрэм, *Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль* [*Obedience to Authority: An Experimental View*] (Нью-Йорк, 1974), 1. О реакции на эксперимент Милгрэма смотри Arthur G. Miller, *The Obedience Experiments: A Case Study of Controversy in the Social Sciences* (Нью-Йорк, 1986).

530 Милгрэм, 13-26.

531 Буквальный перевод — читерили.

532 Милгрэм, 32-43, 55-72, 93-97, 113-22.

533 Милгрэм, 135-47.

534 Милгрэм, 148-52.

535 Милгрэм, 7, 177.

536 Милгрэм, 9, 176-77.

537 Милгрэм, 113-15.

538 Стэнли Милгрэм, «Социальное Давление и Действия Против Личности» [Group Pressure and Action Against a Person], *Journal of Abnormal and Social Psychology* (1964):137-43.

539 Милгрэм, *Подчинение Авторитету*, 142.

540 Милгрэм, *Подчинение Авторитету*, 177.

541 Bernd Wegner, *Hitlers Politische Soldaten: Die Waffen-SS 1939-1945* (Paderborn, 1982); Краусник и Вильгельм.

542 Mischlinge — люди, с двумя еврейскими бабушками и дедушками.

543 Один еврейский предок второго порядка

544 ВА, R 19/467 (Директивы Рейхсфюрера СС и главы немецкой полиции от 27 октября 1942 г. и 6 апреля 1943 г., подписаны Винкельманом [Winkelmann]).

545 ВА, R 19/308 (рекомендации к тренировкам полицейских батальонов от 23 января 1940 г.).

546 ВА, R 19/308 (рекомендации к тренировкам полицейских батальонов под руководством Полиции Охраны Рейха и сообществ от 6 марта 1940 г.).

547 ВА, R 19/308 (тренировки формирований Полиции Порядка и Резервной Полиции на участковом дежурстве [precinct duty] от 20 декабря 1940 г.).

548 ВА, R 19/308 (шести дневный учебный план).

549 ВА, R 19/308 (учебный план для национал-социалистической инструкции от 14 января 1941).

550 ВА, R 19/308 (рекомендации по проведению идеологической подготовки Полиции Порядка в военное время от 2 июня 1940).

551 YVA, O-53/121 W I (KdO, Полицейское Подразделение 25, 17 декабря 1942 г., Рождественское/новогоднее поздравление, подписано Питером).

552 ВА, RD 18/15-1, Gruppe A and 2, Gruppe B: *Politscher Informationsdienst, Mitteilungsblätter für die weltanschauliche Schulung der Orpo*.

553 ВА, RD 18/15-1, Gruppe A, Folge 16, June 10, 1941.

554 ВА, RD 18/15-1, Gruppe A, Folge 27, December 1, 1941.

555 ВА, RD 18/15-2, Gruppe B, Folge 22, September 20, 1942.

556 ВА, RD 18/42, *Schriftenreihe für die weltanschauliche Schulung der Ordnungspolizei*, 1941, Heft 5, «Die Blutsgemeinsschaft der germanischen Völker» and «Das grossgermanische Reich».

557 ВА, RD 18/16, 1942, Heft 4, «Deutschland ordnet Europa neu!»; RD 18/19, 1942, Sonderheft, «SS-Mann and Blutsfrage».

558 ВА, RD 19/41, 1943, Heft 4-6, «Rassenpolitik».

559 ВА, R 19/395 (Рекомендации главы Полиции Порядка по борьбе с партизанами от 17 ноября 1941 г.).

560 Bruno D., HW 2992.

561 Gustav M., G 169.

562 Примо Леви, *The Drowned and the Saved*, винтажное издание (Нью-Йорк, 1989), 36-69.

563 Дэниэл Джона Голдхаген (отсюда и далее просто Голдхаген), «Зло Банальности» [The Evil of Banality], *New Republic* (13 и 20 июля 1992-го),

49-52; Голдхаген, *Добровольные Палачи Гитлера: Обыкновенные Немцы и Холокост* [Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust] (Нью-Йорк, 1996), содержит более тридцати сносок в обсуждении моей работы; Голдхаген «Ответ Моим Критикам: Мотивы, Причины и Алиби» [A Reply to My Critics: Motives, Causes and Alibis] *New Republic* (3 декабря 1996 г.), 37-45; «Письмо Редактору» [Letter to the Editor]. *New Republic* (10 февраля 1997), 4-5.

Голдхаген начал своё исследование в записях о *Staatsanwaltschaft* в Гамбурге несколькими месяцами спустя того, как я закончил свою работу там в мае 1989-го. Узнал он о моей работе над Полицейским Резервным Батальоном 101 не позднее осени 1989-го.

В свою очередь, я критиковал работу Голдхагена: Кристофер Р. Браунинг(отсюда и далее просто Браунинг), «Добровольные Палачи Дэниэла Голдхагена» [Daniel Goldhagen's Willing Executioners], *History & Memory* 8/но. 1 (1996), 88-108; и «Человеческая Природа, Культура и Холокост» [Human Nature, Culture, and the Holocaust], *Chronicle of Higher Education* (18 октября 1996), A72. Так же в декабре 1993-го на академическом симпозиуме в Мемориальном Музее Холокоста США нам удалось обменяться мнениями, но вышеперечисленные статьи к тому моменту ещё не были опубликованы.

564 Появились (прим. переводчика - на момент выхода книги) как минимум две антологии ответов на *Добровольных Палачей Гитлера*: Julius H. Shoeps. ed. *Ein Volk Von Mördern?* (Hamburg, 1996), и Franklin H. Littell, ed. *Hyping the Holocaust: Scholars Answer the Holocaust* (Merion Station, Ps., 1997). И ещё больше на подходе, судя по всему. Две самые детальные и постоянные критики *Добровольных Палачей Гитлера* это: Рут Беттина Бирн, «Пересмотр Холокоста» [Revising the Holocaust], *Historical Journal* 40/но. 1(1997), 195-215; и Норман Финкельштейн «Безумный тезис Дэниэла Голдхагена: Критика Добровольных Палачей Гитлера» [Daniel Goldhagen's „Crazy“ Thesis: A Critique of Hitler's Willing Executioners], *New Left Review* 224 (1997):39-87. Другая детальная оценка от Dieter Pohl, «Die Holocaust — Forschung und Goldhagen's Thesen», *Vierteljahrsheft Für Zeitgeschichte* 45/1 (1997), 1-48.

565 Рауль Хильберг, *The Destruction of the European Jews*, цитата из пересмотренного и расширенного издания (Нью-Йорк, 1985), 1011, 994.

566 Herbert Jäger, *Verbrechen unter totalitärer Herrschaft* (Frankfurt/M., 1982), 81-82, 95-122, 158-60.

567 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 106.

568 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 85.

569 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 399, 443.

570 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 39, 43.

571 Прим. переводчика — термин, введённый Голдхагеном. От слова «elimination» - элиминация). Подразумевается склонность к истреблению, уничтожению, выселению или какому-то другому способу «избавления»

или «очищения» от некой группы людей, в данном случае — евреев.

572 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 582, сноска 38; 593-94, сноска 53.

573 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 35-36.

574 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 444.

575 Ханс-Ульрих Велер [Hans-Ulrich Wehler], *Немецкая Империя* [The German Empire] (Лемингтон Спа, 1985). James Retallack, «Social History with a Vengeance? Some Reactions to H-U Wehler's „Das Kaiserreich“», *German Studies Review*, 7/но. 3 (1984), 423-50. Roger Fletcher, «Recent Development in West German Historiography: The Bielefeld School and Its Critics», *German Studies Review*, 7/но. 3 (1984), 451-80.

576 Джордж Мосс, *Кризис Немецкой Идеологии* [The Crisis of German Ideology] (Нью-Йорк, 1964); Фриц Штерн [Fritz Stern], *Политика Культурного Отчаяния* [The Politics of Cultural Despair] (Беркли, 1961); Джеффри Херф [Jeffrey Herf], *Реакционный Модернизм: Технология, Культура и Политика в Веймаре и Третьем Рейхе* [Reactionary Modernism: Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich] (Кембридж, 1984), и скоро выйдет «Переосмысление Реакционного Модернизма: Современность, Запад и Нацисты» [Reactionary Modernism Reconsidered: Modernity, the West and the Nazis] (прим. Переводчика — вышла в 1996, ред. Zeev Sternhell).

577 Джон Вайс [John Weiss], *Идеология Смерти: Почему Холокост Случился в Германии* [Ideology of Death: Why the Holocaust Happened in Germany] (Чикаго, 1996).

578 Шуламит Волкова [Shulamit Volkov], «Антисемитизм как Культурный Код» [Anti-Semitism as a Cultural Code], *Leo Baeck Institute Yearbook*, 23 (1978), 25-46. Также смотри: Peter Pulzer, *The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria* (London, 1964).

579 History of Anti-Semitism List, 5.15.96.

580 Гэвин И. Ленгмюр [Gavin Langmuir], «Пролегомены к Любым Существующим Анализам Враждебности к Евреям» [Prolegomena to Any Present Analysis of Hostility Against the Jews], перепечатано в *The Nazi Holocaust*, vol. 2, ред. Майкл Маррус (Уэстпорт, Коннектикут, 1989), 133-171, особенно 150-154; и «От Анти-Иудаизма к Анти-Семитизму» [From Anti-Judaism to Anti-Semitism], *History, Religion and Antisemitism* (Беркли, 1990), 275-305, особенно 289-97.

581 Саул Фридлендер, *Нацистская Германия и Евреи* [Nazi Germany and the Jews] (Нью-Йорк, 1997), 73-112.

582 Голдхаген, «Ответ Моим Критикам» [Reply to My Critics], 41.

583 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 399, 85.

584 William Sheridan Allen, *Захват Власти Нацистами* [The Nazi Seizure of Power] (Исправленное издание: Нью-Йорк, 1984), 84.

585 SoPaDe, Социал-демократическая партия Германии в изгнании.

586 Голдхаген, «Ответ Моим Критикам», 41.

587 Ulrich Herbert, *Best: Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft 1903-1989* (Bonn, 1996).

588 Ян Кершоу, «Преследование евреев и Немецкое Общественное Мнение в Третьем Рейхе» [The Persecution of the Jews and German Public Opinion in the Third Reich], *Leo Baeck Institute Yearbook* 26 (1981), 261-89; «Народное Мнение и Политическое Разногласие в Третьем Рейхе» [*Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria*] 1933-1945 (Оксфорд, 1983); „Миф“ Гитлера: Образ и Реальность в Третьем Рейхе [The Hitler «Myth»: Image and Reality in the Third Reich] (Оксфорд, 1987); «Немецкое Общественное Мнение и „Еврейский Вопрос“ 1933-1943: Некоторые Дальнейшие Размышления» [German Popular Opinion and the „Jewish Question 1933-1943: Some Further Reflections“], *Die Juden in Nationalsozialistischen Deutschland: 1933-1943* (Тюбинген, 1986), 365-85. Отто Дов Кулька, «Общественное мнение“ в Нацистской Германии и „Еврейский Вопрос“» [“Public Opinion“ in Nazi Germany and the „Jewish Question“], *Jerusalem Quarterly* 25 (1982), 121-44 и 26 (Зима 1982), 34-45; Отто Дов Кулька и Аарон Родриг, «Население Германии и Евреи в Третьем Рейхе: Недавние Публикации и Тренды в Исследовании Немецкого Общества и „Еврейского Вопросы“» [The German Population and the Jews in the Third Reich: Recent Publications and Trends in Research on German Society and the „Jewish Question“], *Yad Vashem Studies* 16 (1984), 421-35. Дэвид Банкир «Немцы и Холокост: Что Они Знали» [The Germans and the Holocaust: What Did They Know], *Yad Vashem Studies* 20 (1990), 69-98; и *Немцы и Окончательное Решение: Общественное Мнение при Нацизме* [The Germans and the Final Solution: Public Opinion Under Nazism] (Оксфорд, 1992). Также смотри: Marlis Steinert, *Hitler's War and the Germans* (Athens, Ohio, 1977); Вальтер Лакер [Walter Laqueur], «Немецкие люди и Уничтожение Евреев Европы» [The German People and the Destruction of the European Jews], *Central European History* 6, no.2 (1973), 167-91; Sarah Gordon, *Hitler, Germanism and the „Jewish Question“* (Princeton, 1984); Роберт Геллатели, *Гестапо и Немецкое Общество: Насаждение Расовой Политики, 1933-1945* [The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy, 1933-1945] (Oxford, 1990). Для сравнения смотри Michael Kater, «Everyday Anti-semitism in Prewar Nazi Germany», *Yad Vashem Studies* (1984), 129-59.

589 Фридлиндер, *Нацистская Германия и Евреи* [Nazi Germany and the Jews], 298, 327-28.

590 Прим. переводчика — о «правомерности» дискриминационных законов опять же смотри «формула Радбруха» и сноску 465.

591 Банкир, *Немцы и Окончательное Решение*, 151-20.

592 Кулька и Родриг, *Население Германии и Евреи* [German Population and the Jews], 435.

593 Кершоу, «Преследование Евреев» [Persecution of the Jews], 288.

594 Кулька и Родриг, *Население Германии и Евреи*, 430-435.

595 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 439-440, 592.

596 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 279, 185.

597 Голдхаген, «Ответ Моим Критикам», 40.

598 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 279.

599 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 231, 241, 451.

600 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 386, 414.

601 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 392, 416.

602 В дополнении к его «Ответ Моим Критикам» и «Письмо Редакторам» в *New Republic* также смотри его «Письмо Редакторам» в *New York Review of Books* от 6 февраля 1997 г., 40.

603 Как отметили многие критики, Голдхаген не делает следующее сравнение — между антисемитизмом немцев и не-немцев. Это не останавливает его от утверждения «Ни в какой другой стране антисемитизм не был так распространён до такой степени, чтобы быть культурной аксиомой ... Немецкий антисемитизм был *sui generis*». *Добровольные Палачи*, 419.

604 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 348-351. В большей части повествования, Голдхаген говорит об охранниках, как о монолитной группе без каких-либо различий, часто упоминая их просто как «немцы». И всё же он сам предоставляет подробности, указывающие на важные ситуационные, институциональные и общие различия. В сравнении с от восьми до десяти молодыми немецкими людьми, старшие мужчины охранники (на 18-20 лет) (по словам одного выжившего) «были по большей части добродушными, не били и не мучили нас». Рекрутированием этнических немцев за границей Германии было, конечно же, ответственностью СС. Молодые охранники женщины — поголовно жестоки (хоть шесть из них и быстро дезертировали) — все искали профессии охранников. (*Добровольные Палачи*, 335, 360).

605 Статистика взята из Danuta Czech, *Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau 1939-1945* (Hamburg, 1989), в особенности 126-132, 179; Steven Paskuly, ed. *Death Dealer: The Memoirs of the SS Kommandant at Auschwitz Rudolph Höss* (New-York, 1996), 132-34.

606 Майкл Тэд Аллен, «Инженеры и Современные Менеджеры в СС: Бизнес Администрация Главного Управления (Wirtschaftsverwaltungshauptamt)». [Engineers and Modern Managers in the SS: The Business Administration Main Office (Wirtschaftsverwaltungshauptamt)], докторская диссертация, Пенсильванский университет, 1995 г.

607 Yehoshua Büchler, «First in the Vale of Affliction: Slovakian Jewish Women in Auschwitz, 1942», *Holocaust and Genocide Studies* 10, no. 3 (1996), 309.

608 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 410-11.

609 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 398, 410.

610 Rieß, Volker, *Die Anfänge der Vernichtung "lebensunwerten Lebens"*

in den Reichsgauen Danzig-Westpreussen und Wartheland 1939/40, 24-25. Прим. переводчика — сноска 85, стр. 186 на источник из другой книги Браунинга - «Истоки Окончательного Решения: Эволюция Нацистской Еврейской Политики, Сентябрь 1939 — Март 1942» [The Origins of the Final Solution: The Evolutions of Nazi Jewish Policy, September 1939 — March 1942]. Если коротко, программа по эвтаназии не закончилась с началом войны, а продолжилась осенью 1939 г. на территории Данцига, Западной Пруссии, Вартеганда и затронула не только польских пациентов, но и немцев на территории «старой империи» [Altreich] — Померании и Восточной Пруссии. 22 сентября 1939 г. команды Эйманн приступили к убийству пациентов психиатрической больницы Контрадштейна [Konradstein]. 1 800 людей расстреляли в лесу Шпенгавска [Szpeęgawsk].

611 Генри Фридендер в *Происхождение Нацистского Геноцида: От Эвтаназии до Окончательного Решения* [The Origins Of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution] (Чапел-Хилл, 1995), 119, пишет: «Когда количество убитых пациентов достигло 10 000, сотрудники Хамадара устроили празднование. Все сотрудники по приказу врачей собрались в подвале в крематории для участия в сожжении десятитысячной жертвы. На носилках лежало голое тело, покрытое цветами. Руководитель Бюндер произнёс речь, а одетые в церковные одеяния сотрудники провели церемонию. Каждому раздали по бутылке пива».

612 Фридендер, *Происхождение Нацистского Геноцида*, 389.

613 Примо Леви, *Утонувшие и спасённые* (Винтажное издание: Нью-Йорк, 1989), 125-26; Гитта Серени, *Во Тьму* [Into that Darkness] (Лондон, 1974), 101.

614 Фрэд Е. Кац, *Ординарные Люди и Экстраординарное зло: Доклад об Обольщении Злом* [Ordinary People and Extraordinary Evil: A report on the Beguilings of Evil] (Облани, 1993), 29-31, 83-98.

615 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 408.

616 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 409.

617 Впоследствии опубликован как: Браунинг, «Добровольные Палачи Дэниэла Голдхагена» [Daniel Goldhagen' Willing Executioners], в особенности 94-96.

618 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 463.

619 Прим. переводчика — *evidentary value*. Качество или подлинность записи для обеспечения юридического или исторического доказательства или адекватного свидетельства. Другими словами — информация, которую по всем параметрам можно было бы использовать в качестве доказательства по современным юридическим или историческим стандартам.

620 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 467.

621 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 464.

622 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 601, сноска 11.

623 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 467.

624 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 221.

625 В своей сноске на странице 537 он упоминает показания Ernst G., Н 383. Он не упоминает однако показания об этом от George A., HW 421; Alfred L., HW 1351; Bruno P., HW 1915; Heinz B., HW 4415; Henry L., G 225; August Z., G 275; Hans K., G 363.

626 Georg A., HW 439; Erwin N., HW 1685.

627 Friedrich B., HW 439; Bruno R., HW 1852; Bruno D., HW 1874; Bruno P., HW 1915; Bruno G., HW 2019.

628 Oskar P., HW 1743.

629 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 240.

630 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 241.

631 Bruno P., HW 1925-26. Нужно также отметить, что свидетель, давший эти показания, свободно предоставил множество инкриминирующей информации и часто цитируем Голдхагеном по другим пунктам, так что его надёжность не вызывает сомнения.

632 Разумеется, мой отбор и использование доказательств Голдхаген также считает тенденциозным и вводящим в заблуждение. Его аргументы часто кажутся мне придирками, но иногда они по делу. К примеру, он корректно отметил, что я должен был предоставить полную цитату и точную атрибуцию увещеваний Траппа, после того как тот увидел «жестокое обращение с евреями» - что люди «имеют задачу расстреливать евреев, а не бить и пытаться их». Голдхаген, «Зло банальности» [Evil of Banality], 52.

633 Хайнц Бухман, HW 2439-40.

634 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 249-50.

635 Хайнц Бухман, HW 2441.

636 Хайнц Бухман, HW 4416.

637 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 248.

638 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 235-36; Hermann V., HW 3066-67, 3214, 3515.

639 Bruno D., HW 1874.

640 Wilhelm E., HW 2239.

641 Голдхаген, «Ответ Моим Критикам», 38.

642 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 381-82.

643 Это факторы, которыми Голдхаген объясняет распад антисемитизма в послевоенной немецкой культуре. Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 582, 593-4.

644 Голдхаген, «Ответ Моим Критикам», 40.

645 Герберт К. Келман и В. Ли Гамильтон, *Преступное подчинение: К Социальной Психологии Власти и Ответственности* [Herbert C. Kelman and V. Lee Hamilton, *Crimes of Obedience: Toward a Social Psychology of Authority and Responsibility*] (Нью-Хейвен, 1989).

646 Периодически нацисты понимали необходимость поддерживания подобного различия для умов большинства соучастников. Тогда как не

было судов над людьми за отказ стрелять в евреев, были однако расследования(и в одном случае суд за убийство) «не авторизованных» убийств евреев даже в самый кровавый год Холокоста — 1942. К примеру, Пражский Военный Архив [Military Archiv Prague], Varia SS, 124: Feldurteil in der Strafsache gegen Johann Meisslein, Gericht der kdt. Des Bereiches Proskurow (FK183), March 12, 1943.

647 James Waller, «Perpetrators of the Holocaust: Divided and Unitary Self-Conception of Evildoing», *Holocaust and Genocide Studies* 10, no.1 (Spring 1996), 11-33.

648 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 13.

649 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 383.

650 Самая последняя техника предполагаемых опровержений («Письмо Редакторам», 5) Голдхагена достаточно необычна и оригинальна. Он изобретает или придумывает гипотетическое или контрфактическое стенографическое показание о социальном давлении. Затем объявляет, что отсутствие именно такого стенографического показания полностью доказывает отсутствие социального давления как фактора.

651 Голдхаген, «Ответ Моим Критикам», 38-40. В своей книге Голдхаген делает такое же заявление: «Общепринятые объяснения ... отрицают человечность преступников, а именно того, что они были моральными агентами, существами с моралью, способными совершать моральный выбор.

652 Стэнли Милгрэм не предполагал, а тестировал, является ли «подчинение авторитету» межкультурным феноменом, а так же эксплицитно признавал, что предубеждение перед и индоктринация против жертвой несомненно усилит готовность субъекта причинить боль жертве. Зимбардо же намеренно отсеял предубеждённых субъектов именно потому, что их участие исказит результат. Келман и Гамильтон подтверждают, что культурные факторы — такие как негативное отношение к жертвам — облегчают подчинение людям легитимной власти в политике санкционированных массовых убийств.

653 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 389.

654 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 27, 269.

655 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 34.

656 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 106.

657 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 399, 85.

658 Голдхаген, *Добровольные Палачи*, 443.